

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНИЛА КАНТА

Миграция и социально-экономическое
развитие стран региона Балтийского моря
Материалы международной конференции
Светлогорск, 5—7 июня 2008

Migration, social and economic development
of the Baltic sea region countries
Materials of the International Conference
Svetlogorsk, 5—7 June, 2008

Под редакцией Л. Л. Емельяновой, Г. М. Федорова

Проект 2007/137—550 Интеррег 3а / Тасис «Новый подход
к миграционному регулированию в Юго-Восточной Балтике:
европейский контекст» в рамках Программы «Соседство:
Литва — Польша — Калининградская область
Российской Федерации»

The project «A new approach to migration regulation
in the south-eastern Baltic Sea region: the European context»
Neighbourhood Programme Interreg 3a / Tacis 2007/137-550

Калининград
2008

УДК 314.15 (4)
ББК 60.7
М 576

Редакционная коллегия:

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, профессор, ректор РГУ им. И. Канта (председатель); *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, профессор, проректор РГУ им. И. Канта (зам. председателя); *Л. Л. Емельянова*, канд. геогр. наук, доцент, директор Центра мониторинга и прогнозирования рынка труда в Калининградской области, РГУ им. И. Канта; *М. Ю. Плюхин*, канд. экон. наук, министр по развитию территорий и взаимодействию с органами местного самоуправления Правительства Калининградской области; *Ю. В. Мургин*, заместитель начальника Управления Федеральной миграционной службы России по Калининградской области; *В. С. Корнеевец*, канд. экон. наук, доцент, проректор РГУ им. И. Канта; *Ю. М. Зверев*, канд. геогр. наук, доцент, начальник Управления научно-исследовательских работ РГУ им. И. Канта

М 576 Миграция и социально-экономическое развитие стран региона Балтийского моря: Материалы междунар. конф. Светлогорск, 5—7 июня 2008 г. / Под ред. Л. Л. Емельяновой, Г. М. Федорова. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. — 366 с.
ISBN 978-5-88874-897-8

Представлены статьи участников международной конференции «Миграция и социально-экономическое развитие стран региона Балтийского моря», проведенной в рамках проекта 2007/137-550 Интеррег 3а / Тасис «Новый подход к миграционному регулированию в Юго-Восточной Балтике: европейский контекст» Программы «Содействие: Литва — Польша — Калининградская область Российской Федерации» 5—7 июня 2008 года. Рассматриваются различные аспекты состояния миграционных процессов и подходов к миграционному регулированию как в регионах России, так и ряде стран Балтийского региона.

Предназначено для специалистов-географов, историков, юристов, правозащитников, работников служб, занимающихся вопросами реализации миграционных программ.

УДК 314.15 (4)
ББК 60.7

ISBN 978-5-88874-897-8

© Коллектив авторов, 2008
© Издательство РГУ
им. И. Канта, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальность проекта «Новый подход к миграционно-му регулированию в Юго-Восточной Балтике: европейский контекст».....	7

Миграции в России и юго-восточной части региона Балтийского моря

<i>Зайончковская Ж. А.</i> Новая миграционная политика России: впечатляющие результаты и новые проблемы.....	12
<i>Burbulytė-Tsiskarishvili Gabrielė.</i> Migration processes in Lithuania	25
<i>Rzyski Stanisław, Mędrzycka Kamila.</i> Migration processes in Pomorskie region of the Republic of Poland. The survey research results.....	42
<i>Емельянова Л. Л.</i> Место Калининградской области в миграционных процессах России и стран региона Балтийского моря.....	56

Миграционное законодательство России, стран региона Балтийского моря и существующие практики регулирования миграции

<i>Knappe Elke.</i> Migration and Citizenship — an Example from Germany	76
<i>Шевцова Т. В.</i> О результатах и последствиях либерализации нового миграционного законодательства в России	86
<i>Косс А. В.</i> Приобретение гражданства Российской Федерации вследствие рождения лица на территории России в советский период: некоторые аспекты применения действующего законодательства	90

<i>Мургин Ю. В.</i> Миграционное законодательство России и существующая практика регулирования миграции	100
<i>Кулдышев Е. П.</i> О некоторых проблемах легализации мигрантов в РФ.....	108
<i>Вершинина И. Ф.</i> О деятельности аппарата Уполномоченного по правам человека в Калининградской области по соблюдению прав мигрантов	116
<i>Мургин Ю. В., Малышев Е. А., Васильев А. Л.</i> Актуальные вопросы организации иммиграционного контроля в Российской Федерации.....	125
<i>Чесноков А. С.</i> Общая характеристика современных иммиграционных процессов на Урале.....	134

Рынок труда и миграция

<i>Palmowski Tadeusz, Tarkowski Maciej.</i> Impact of migration on the regional labour market after Poland's accession to UE — case of Pomorskie Voivodship.....	149
<i>Шахотько Л. П.</i> Миграционные тенденции населения Республики Беларусь	160
<i>Красинец Е. С.</i> Иностранная рабочая сила в российской экономике: современное состояние и перспективы использования	177
<i>Šimanskiene Ligita.</i> Emigration-economic and social facilities on purpose to discontinue this process: Klaipeda County case analysis	188
<i>Полетаев Д. В.</i> Принудительный труд как следствие нелегальной миграции и торговли людьми (на примере России, Белоруссии и Украины).....	200
<i>Тухашвили М. В., Такидзе А. З.</i> Проблемы рынка труда и миграция рабочей силы в Аджарской автономной республике.....	215

<i>Дундина М. В., Микляева Е. В., Руссова О. Н.</i> Исследование миграционных процессов в монопрофильных городах России на примере г. Северодвинска	220

***Государственная программа по оказанию содействия
добровольному переселению в Российскую Федерацию
соотечественников, проживающих за рубежом***

<i>Кириллова Е. К.</i> Ждут ли соотечественников в России? Прошлый опыт и первые итоги новой программы	230

<i>Красинец Е. С., Цуприкова Я. Е.</i> О проблемах переселения в Россию соотечественников из-за рубежа.....	248

Теория и методология миграционных исследований

<i>Ноздрина Н. Н.</i> Изучение миграционных установок и предпочтений россиян (на примере социологического опроса в 10 городах)	254

<i>Блинова М. С.</i> Глобальные миграционные процессы в современных теориях миграции (социологический аспект).....	275

<i>Кузнецова Т. Ю.</i> Особенности миграционного движения населения в странах Балтийского макрорегиона с 1950 по 2006 год	280

***Мигранты и принимающее сообщество:
вопросы идентичности и взаимной толерантности***

<i>Кузнецов Н. Г.</i> Адаптация иностранных трудовых мигрантов: проблемы взаимопроникновения культур и толерантности	291

<i>Ганчев А. И.</i> Из Украины в Финляндию. Процессы адаптации и изменяющаяся идентичность в замкнутых сообществах гастарбайтеров.....	311

<i>Trakselys Kęstutis. The influence of globalization and integration for the ethnopolicy</i>	317

<i>Кадацкая Н. В. Миграция немцев из Казахстана в Германию: поиск идентичности</i>	333

Из истории миграций

<i>Микляева Е. В. Роль миграций населения в процессе урбанизации территории (на материалах Архангельского Севера)</i>	345

<i>Костяшов Ю. В. Формирование трудовых ресурсов Калининградской области в ходе массового заселения в послевоенные годы</i>	354

**АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОЕКТА «НОВЫЙ ПОДХОД
К МИГРАЦИОННОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ
В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИКЕ: ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ»**

В последние годы миграции становятся объектом все более активного изучения учеными разных специальностей — экономико-географов и экономистов, социологов и политологов, историков и юристов. Дело в том, что во многих странах мира проблемы миграции стали актуальными настолько, что повысился спрос со стороны органов власти на рекомендации по поводу миграционной политики и учету миграций в социально-экономическом развитии стран и регионов. Причиной этого спроса стало, во-первых, нарастание во многих странах потребности в привлечении мигрантов из-за рубежа для удовлетворения потребностей рынка труда в определенных категориях работников. И во-вторых, возникновение межнациональных противоречий и социальной напряженности в связи с притоком населения из стран с резко отличающейся от стран-реципиентов культурой.

Долговременной реальностью в большинстве экономически развитых и постсоциалистических стран становится депопуляция, что определяет суженное воспроизводство трудовых ресурсов. В развитых странах на смену общей безработице с абсолютным избытком трудовых ресурсов приходит структурная безработица: избыток лиц с гуманитарным университетским образованием при высоком спросе, с одной стороны, на высококвалифицированных специалистов (например, программистов), а с другой — на дешевую рабочую силу, занятую низкооплачиваемым малоквалифицированным трудом. Возрастает потребность не просто в притоке мигрантов, а в регулируемой миграции, в связи с чем могут появляться разнообразные правовые коллизии, в том числе касающиеся нарушений прав человека. Возникают проблемы интеграции мигрантов, прибывающих из-за рубежа, в культурно чуждые им социумы. И одновременно многие страны с оттоком молодого

трудоспособного населения начинают испытывать трудности с обеспечением национальных экономик квалифицированной рабочей силой.

В Балтийском макрорегионе представлены как экономически развитые страны, принимающие мигрантов, так и постсоциалистические, для которых (за исключением России) характерно значительное отрицательное сальдо миграции. Из России происходит определенный отток квалифицированных специалистов, однако он многократно перекрывается притоком переселенцев и временных работников, прибывающих из стран ближнего зарубежья. Следовательно, на примере стран Балтийского региона можно проследить все основные проблемы, связанные с современной международной миграцией.

Миграционные процессы в Калининградской области находятся в постоянном поле зрения ученых Российского государственного университета им. И. Канта. Исследования миграций особенно актуальны для региона, почти 60 % населения которого родилось за его пределами. Миграционная мобильность населения области намного выше среднероссийской при положительном сальдо миграции, составляющем в последние годы 4—5 тыс. человек ежегодно за счет значительного притока переселенцев как из других российских регионов, так и из стран ближнего зарубежья (в особенности из Казахстана и Средней Азии). Часть трудовых ресурсов работает за рубежом (прежде всего на зарубежных судах) и в то же время расширяется использование иностранной рабочей силы. Значительны внутрирегиональные миграции. Развита маятниковая подвижность населения. Дополнительную актуальность миграционной проблематике придает тот факт, что Калининградская область вошла в число 12 пилотных регионов по реализации утвержденной в 2006 г. Государственной программы содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. В области принята и реализуется соответствующая региональная программа, предусматривающая значительный приток переселенцев из стран ближнего зарубежья.

О первых этапах заселения области в 1946—1950 гг. существует ряд историко-географических работ сотрудников исторического факультета РГУ им. И. Канта. В трудах кафедры социально-экономической географии и геополитики рассматриваются аспекты влияния миграции на изменение геодемографической обстановки, делается прогноз численности трудоспособного населения региона с учетом миграционных трендов.

В 2004—2005 гг. Балтийский межрегиональный институт общественных наук (БалтМИОН) участвовал в реализации иницированного Иркутским МИОНОм сетевого проекта «Оценка пространственной мобильности населения России»¹. В ходе исследования был проведен сравнительный анализ миграционных процессов в Калининградской и Свердловской областях. Особое внимание было уделено внутрорегиональной миграции, а также существующим практикам статистического учета мигрантов и программам миграционного регулирования.

С 2006 г. миграционная тематика стала одной из ведущих исследовательских тем созданного при РГУ им. И. Канта Центра мониторинга и прогнозирования рынка труда в Калининградской области. Наряду с анализом статистических данных о миграциях в увязке с социально-экономическим развитием области и ее муниципальных образований, Центр проводит социологические исследования, в которых затрагиваются проблемы приживаемости мигрантов, их адаптации к новым условиям.

¹ Межрегиональные институты общественных наук действуют в девяти российских государственных университетах (Воронежском, Дальневосточном, Иркутском, Новгородском, РГУ им. И. Канта, Саратовском, Томском, Уральском, Южном федеральном). Институты созданы в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», которая реализуется с 2000 г. совместно Министерством образования и науки РФ, российской благотворительной организацией «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США).

Изучение миграций становится одним из приоритетов международных программ. В 2007—2008 гг. в рамках программы «Соседство» сотрудниками Российского государственного университета им. И. Канта совместно с коллегами из Гданьского (Польша) и Клайпедского (Литва) университетов был реализован совместный научно-исследовательский проект «Новый подход к миграционному регулированию в Юго-Восточной Балтике: европейский контекст». В ходе реализации проекта проводились комплексные исследования миграции в трех приграничных районах — Поморском воеводстве Республики Польша, Клайпедском округе Литвы и Калининградской области Российской Федерации. Участники проекта имели возможность активно обсуждать методику и мониторинг исследований во время круглых столов, выездных семинаров, многочисленных встреч и обсуждений с представителями служб, занимающихся миграционным регулированием.

Результаты исследовательской части проекта были представлены на заключительной конференции «Миграция и социально-экономическое развитие стран региона Балтийского моря», которая проходила 5—7 июня 2007 г. в г. Светлогорске. Конференция привлекла внимание многих ученых — географов, социологов, историков, юристов. Интерес к заявленной теме проявили не только представители научного сообщества, но, что чрезвычайно важно, практики — представители исполнительной власти, миграционных служб, правозащитные и общественные организации. Именно на эти цели, на соединение усилий в комплексном решении проблем миграционного регулирования и были направлены задачи проекта.

География участников весьма обширна. Это Польша, Германия, Литва, Украина, Грузия, Белоруссия. Сотрудники научно-исследовательских учреждений и организаций Северодвинска, Калуги, Екатеринбурга, Москвы, Калининграда представляли Россию. В сборнике материалов конференции помещены 30 докладов. В начале сборника — доклады пленарного заседания, которые содержат в том числе результаты исследований, проведенных участниками проекта. Далее доклады

сгруппированы в шесть разделов по различным аспектам миграционной проблематики. Значительное число докладов посвящено вопросам миграционного законодательства и реализации миграционных политик, а также влиянию миграции на развитие рынков труда. Большой интерес представляют сообщения по вопросам взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества, формирования идентичности и взаимной толерантности. В ряде сообщений подводится промежуточный итог реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, даются предложения по совершенствованию механизма действия Программы. Также представлены доклады теоретико-методологического и историко-географического характера.

В рамках проекта «Новый подход к миграционному регулированию в Юго-Восточной Балтике: европейский контекст» создается Центр миграционных исследований. Надеемся, что результаты проведенных исследований, их активное обсуждение на конференции, опубликованные материалы послужат хорошей основой для работы созданного Центра.

*Л. Л. Емельянова,
координатор проекта «Новый подход
к миграционному регулированию
в Юго-Восточной Балтике:
европейский контекст»*

*Г. М. Федоров,
проректор по научной работе
РГУ им. И. Канта*

МИГРАЦИИ В РОССИИ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ РЕГИОНА БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Ж. А. Зайончковская
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
Москва

Новая миграционная политика России: впечатляющие результаты и новые проблемы

Изучаются причины, лежащие в основе принятия в России нового политического курса по миграционному регулированию. Исследуются изменения в миграционном законодательстве, а также первые результаты нового политического курса за 2007 г. Большое внимание уделяется изучению трудностей, возникших в связи с внедрением нового законодательства. В статье использованы данные Международной организации по миграции (МОМ) и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) по изучению нового миграционного законодательства в России.

The reasons which have caused the adoption of a new migration legislation policy course of Russia are considered in the paper. Author discusses the changes in the migration legislation; the first results of new policy received in 2007. The significant attention have given to the new challenges which have arisen in connection with the new legislation. The data on monitoring of the new migration legislation received in research IOM and OSCE in Russia are used in the paper. The author took part in this research. The paper is designed on the basis of IOM/OSCE research on monitoring of new migratory legislation implementation.

В начале 2007 г. Россия сделала решительный шаг в сторону либерализации миграционной политики, введя в действие новые правила регистрации мигрантов и выдачи разрешений на работу иностранным работникам. Этот шаг имеет такое же принципиальное значение для жизни страны, как и закон о свободе въезда и выезда, принятый в 1993 г. и обрушивший «железный занавес».

Между обозначенными двумя событиями прошло почти полтора десятилетия, в течение которых направление миграционной политики России и ее приоритеты не единожды менялись. В первые годы после распада СССР внимание фокусировалось на приеме вынужденных мигрантов из зон конфликтов, вспыхнувших на постсоветском пространстве, а также приеме репатриантов из бывших союзных республик. Двери России в это время, можно сказать, были открыты настежь как для эмигрантов, так и иммигрантов. Свободная иммиграция привела к появлению и быстрому увеличению незаконной миграции и сопряженным с ней проблемам — разным формам трудовой эксплуатации, принудительного труда, обманной вербовки и торговли людьми, наркотрафика и др. Тогда страна бросилась в другую крайность, перейдя к жестко ограничительной политике, стержнем которой стал миграционный контроль. Этому способствовало и настороженное отношение к иностранцам со стороны населения, привыкшего раньше жить в условиях закрытой страны.

В 2002 г. было введено в действие жесткое законодательство, которое возвело труднопреодолимые барьеры на пути законного пребывания и трудоустройства иностранных граждан. Имеется в виду федеральный закон Российской Федерации «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. Легитимное пространство для мигрантов стало крайне узким. В результате жесткие меры дали обратный результат. Чрезмерное ограничение легитимного пространства, вытесняя мигрантов в неправовое поле, способствовало еще большему развитию незаконной миграции и формированию мафиозных сетей в миграционной сфере. Регистрируемая же миграция резко уменьшилась, что противоречило интересам России, переживающей демографический кризис.

Настоятельность поворота миграционной политики в сторону протектирования иммиграции становилась все более очевидной. Президент Путин в своей речи на заседании Совета

безопасности 17 марта 2005 г. назвал стимулирование миграционных процессов «нашей важнейшей задачей», актуальность которой была также подтверждена в Послании Президента Федеральному собранию в мае 2006 г. В том же году наконец было принято новое законодательство, развивающее эту линию.

Почему необходимо увеличение иммиграции?

Проблема иммиграции возникла в тесной связи с демографическим кризисом. Демографы единодушны относительно будущего населения России. И демографы ООН, и Росстат, и исследователи прогнозируют быстрое сокращение его численности. Согласно среднему варианту последнего прогноза Росстата, выполненному в 2007 г., население России к 2026 г. уменьшится до 135,6 млн человек, при условии некоторого прогресса в рождаемости (повышении коэффициента суммарной рождаемости с 1,32 до 1,62) и в средней продолжительности жизни (подъема с 60,3 до 61,8 года у мужчин и 73,2 до 75 лет у женщин), а также увеличении нетто-иммиграции со 156 тыс. человек в 2007 г. до 469 тыс. человек в 2025 г. Если же будут пролонгированы современные тенденции рождаемости, смертности и иммиграции, численность населения страны может упасть до 125 млн человек. По прогнозу ООН население России на конец 2025 г. составит 130 млн человек.

Хотя население России убывает с 1992 г., этот процесс до 2007 г. не затрагивал трудоспособные возрастные контингенты. Напротив, на фоне нисходящей тенденции общей численности населения его трудоспособная часть росла, причем весьма заметно, вследствие благоприятного соотношения входящих в трудоспособный возраст и выходящих за его пределы поколений. В 2006 г. этот рост закончился и начался период стремительной естественной убыли трудоспособного населения. Вначале, в 2007 г., убыль была сравнительно небольшой — около 300 тыс. человек, но уже в 2008 г. это будет в 2 раза больше, а в 2010—2019 гг. сокращение превысит 1 млн чело-

век ежегодно. В сумме в период до 2026 г. естественная убыль трудоспособного населения России, если оно не будет пополняться мигрантами, превысит 18 млн человек. При сравнении этой величины с численностью занятых в экономике России, составляющей 69 млн человек, чрезвычайная серьезность ситуации становится очевидной.

Такой обвал ресурсной составляющей рынка труда за столь короткий период невозможно возместить за счет технического прогресса и переструктуризации экономики, для которых характерны более плавные изменения. Не спасают и надежды (даже если они сбудутся!) на повышение рождаемости в связи с современной активной демографической политикой страны — ведь дети, которые выйдут на рынок труда в ближайшие два десятилетия, уже родились. Безусловно, необходимо мобилизовать имеющиеся внутренние резервы, но этот источник тоже не может быть основным. Все это приводит к выводу о необходимости увеличения иммиграции, особенно ее трудовой составляющей, чтобы дефицит на рынке труда не стал тормозом развития экономики страны.

Можно с уверенностью утверждать, что в ближайшей перспективе труд будет одним из самых дефицитных, если не самым дефицитным ресурсом в России, а миграция приобретает, без преувеличения, судьбоносное значение для ее развития. От того, насколько страна справится с задачей привлечения необходимого количества иммигрантов, самым непосредственным образом зависят темпы ее экономического роста, а следовательно, уровень жизни населения, его пенсионное обеспечение, социальная стабильность, региональные пропорции развития, наконец, размеры страны и ее целостность.

Ожидаемое резкое сжатие трудового потенциала выводит иммиграционную составляющую на уровень стратегического направления миграционной политики России. Следовательно, перспективная миграционная политика России — это, прежде всего, иммиграционная политика.

Диссонирующий миграционный тренд

Согласно оценке, проведенной Росстатом, миграционный прирост населения, полученный Россией за 14 лет, прошедшие между переписями, за 1989 и 2002 гг. составил 5,6 млн человек. Это в 2,3 раза больше, чем за аналогичный по продолжительности предшествующий период. В последние годы происходило быстрое снижение миграционного тренда, после того как в 1994 г. он достиг максимума (рис. 1). Нисходящий миграционный тренд и огромное количество незаконных мигрантов находится в явном противоречии с потребностью страны в мигрантах, свидетельствуя о несостоятельности недавно проводимой миграционной политики, ее фиаско.

Рис. 1. Миграционный прирост населения России, тыс. человек

Однако тренды регистрируемой миграции скорее отражают трудности правового оформления мигрантов, чем реальные

потоки. Опираясь на исследовательские оценки, общее количество иммигрантов, находящихся в России, можно оценить примерно в 7 млн человек. Большая часть из них (от 3,5 до 4,5 млн) — это трудовые мигранты, нанятые неофициально. Наличие в стране большого количества незаконных мигрантов подтвердила и последняя перепись населения 2002 г., которая зафиксировала на 2 млн больше мигрантов, чем показывала их регистрация. Масштабы необходимой в будущем иммиграции приводят к заключению, что Россия и в первой половине XXI века останется одним из самых привлекающих государств в мире.

Изменения в миграционном законодательстве

Главное направление происшедших изменений состоит в сильном упрощении регистрации иностранных граждан *по месту пребывания*, а также правил трудоустройства.

Ранее, чтобы получить право на пребывание в России, иностранный гражданин обязан был в течение трех дней зарегистрироваться по месту жительства. Регистрация производилась в милиции, соответствующий штамп ставился в паспорт. Регистрация могла быть совершена только с согласия всех лиц, постоянно проживающих по тому адресу, по которому регистрируется мигрант. Для этого требовалось не просто соответствующее заявление, но личная явка в милицию как ответственного владельца или съемщика жилого помещения, так и всех в нем проживающих лиц. Именно регистрация (прописка) в том виде, как она осуществлялась, была главным камнем преткновения на пути законного пребывания в России и официального трудоустройства. Бюрократические барьеры, связанные с регистрацией, оказались практически непроходимыми для большинства мигрантов.

Принимая во внимание, что наличие регистрационного штампа в паспорте было обязательным условием трудоустройства, не приходится удивляться буквально расцвету различных криминальных сервисов по продаже «адреса», равно

как и криминализации милиции на миграционной почве. Только зная прежний порядок, можно по достоинству оценить произошедшие перемены.

Летом 2006 г. были приняты новые законодательные документы, коренным образом изменившие миграционный режим в России. Во-первых, были внесены существенные изменения в закон «О правовом положении иностранных граждан» и принят новый закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». Оба закона вступили в силу с 15 января 2007 г.

Новый порядок сильно упростил процедуру регистрации для временно пребывающих на территории страны, каковыми и является основная часть мигрантов. Для этой категории мигрантов отменена разрешительная регистрация по месту жительства со штампом в паспорте. Она заменена уведомительной регистрацией по месту пребывания. Лицо или организация, принимающая мигранта, должны сдать заявление по установленной форме, где в качестве места пребывания мигранта может быть указан не обязательно адрес места жительства. Альтернативой может быть адрес места работы или посреднической фирмы. Заявление можно сдать не только в милицию, но и отправить по почте в местное управление миграционной службы. Корешок от заявления со штампом о его приеме является удостоверением легального пребывания мигранта. При этом до минимума сокращен перечень требуемых для постановки на учет документов. Нужны лишь паспорт и миграционная карта. Впервые со времен существования паспортной системы введена модель, отобравшая у милиции разрешительную функцию регистрации мигрантов. Впервые также временно пребывающему в России не требуется регистрационный штамп в паспорте. В 2 раза — до 180 дней — удлинён срок временного пребывания, который может быть продлен до 1 года.

Не менее решительно изменен порядок трудоустройства мигрантов. Ранее разрешение на найм иностранной рабочей силы выдавалось работодателю. Это ставило мигрантов в за-

висимое положение от работодателя, провоцировало развитие неправовых практик трудового найма, обманной вербовки, рабского труда, торговли живым товаром.

Теперь разрешение на работу в виде трудовой карты выдается лично мигранту, а не работодателю, как раньше. Мигрант получил право свободного поиска работы, а работодатель — свободного найма иностранного гражданина, имеющего разрешение на работу. Таким образом, ликвидирована «привязка» работника к работодателю и созданы условия для свободного перемещения на рынке труда иностранной рабочей силы.

Перемены пока коснулись только мигрантов, приезжающих в Россию на безвизовой основе из стран СНГ. Рабочую силу из стран СНГ Россия рассматривает как приоритетную для себя, поэтому преференции в ее отношении естественны.

Квотированный порядок выдачи разрешений на работу сохранен, но требования к квотированию расширены. Теперь квоты должны устанавливаться в зависимости от профессии, специальности, квалификации мигрантов, страны их происхождения, а также по регионам России. При этом квоты не распространяются на квалифицированных специалистов, трудоустраивающихся по своей специальности, и это тоже новшество. На 2007 г. были установлены две квоты: для иностранных граждан из безвизовых стран (6 млн разрешений) и для иммигрантов, прибывающих в визовом порядке для осуществления трудовой деятельности (308,8 тыс. приглашений). Огромная квота для безвизовых стран на 2007 г. позволила провести легализацию большинства накопившихся незаконных мигрантов из этих стран. В этих целях была проведена разовая акция по выдаче дубликатов миграционных карт мигрантам, просрочившим сроки пребывания или потерявшим миграционные карты. Но механизм квотирования в условиях России пока не является эффективным методом управления трудовым миграционным потоком. Возможность расчета квот в условиях современного российского рынка труда — быстро меняющегося, импульсивного, в значительной части находящегося в тени — проблематична.

Первые обнадеживающие итоги новой политики

Итоги первого года действия новой политики дают полные основания говорить о впечатляющем позитивном эффекте. Во-первых, впервые получены довольно достоверные данные об общем количестве иммигрантов, в том числе трудовых мигрантов. В течение 2007 г. было зарегистрировано 8 млн въездов на временное пребывание и выдано 1,8 млн трудовых карт.

Во-вторых, важнейшим результатом новой политики стало повышение уровня легальности временных трудовых мигрантов, что, в свою очередь, способствовало улучшению защиты их прав человека и трудовых прав. Ситуация изменилась радикальным образом. Если раньше почти половина мигрантов (48 %) не были зарегистрированы, то сейчас удельный вес этой категории мигрантов уменьшился в 3 раза (до 15 %). Подавляющее большинство мигрантов (85 %) встали на миграционный учет и выведены из тени (рис. 2).

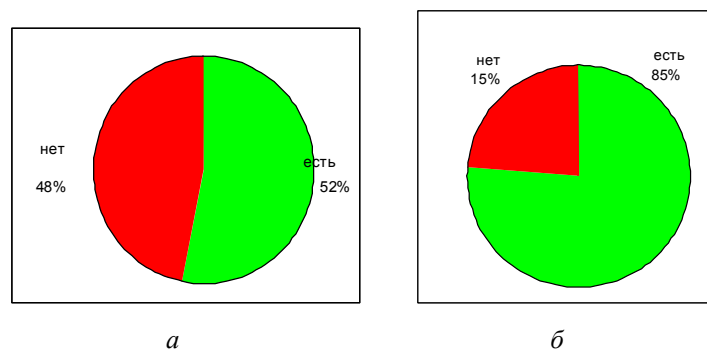

Рис. 2. Наличие регистрации у мигрантов:
а — раньше; б — сейчас

Источник: Программа МОМ и ОБСЕ по мониторингу нового миграционного законодательства в России.

Резко возросла доля иммигрантов, легально работающих на территории РФ со всеми вытекающими отсюда позитивными экономическими (рост налогооблагаемой базы и др.) и социальными (улучшение условий жизни и труда мигрантов и возможностей для защиты их прав) последствиями. Раньше, до реформирования миграционного законодательства, по данным различных исследований, официально работали лишь от 15 до 25 % трудовых мигрантов, а 75—85 % — нелегально. После введения в действие нового законодательства ситуация стала диаметрально противоположной. Три четверти мигрантов имеют разрешение на работу (75 %), а четверть не имеют. Более чем в 2 раза увеличилась налогооблагаемая база за счет иностранных работников (рис. 3).

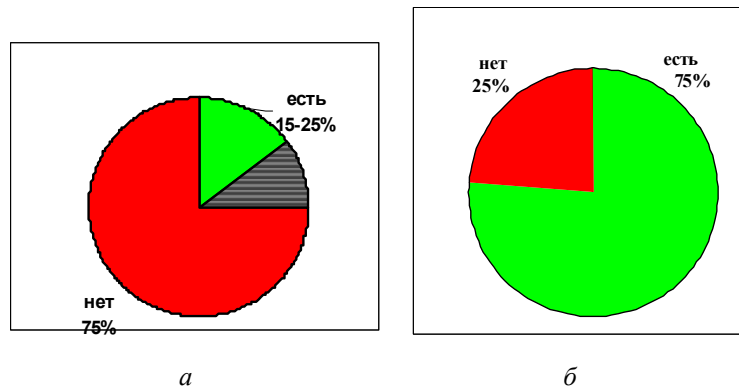

Рис. 3. Наличие разрешений на работу у мигрантов:
а — раньше*; б — сейчас**

Источники: * Данные Центра миграционных исследований;
** Программа МОМ и ОБСЕ по мониторингу нового миграционного законодательства в России.

Новые проблемы

Хотя и мигранты и особенно работодатели встретили перемены с энтузиазмом, а процент тех, кто оценивает новую миграционную политику негативно, ничтожен, все же говорить о ее единодушном одобрении пока не приходится. Это видно из рисунка 4, который наводит на размышления.

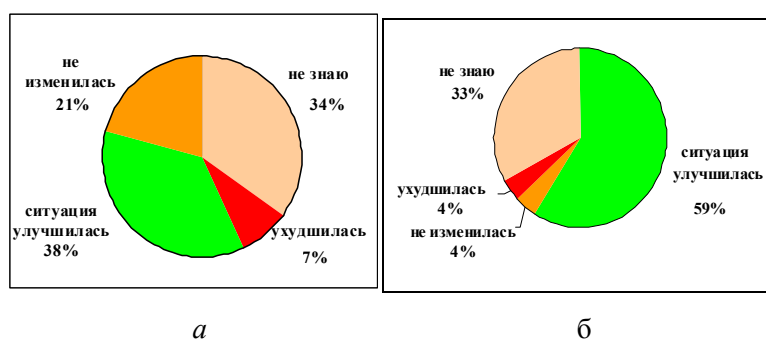

Рис. 4. Оценка нового миграционного законодательства:
а — мигрантами; б — работодателями

Источник: Программа МОМ и ОБСЕ по мониторингу нового миграционного законодательства в России.

Так, каждый третий мигрант и работодатель затруднились в оценке новых правил. Можно с большой вероятностью, что так оно было, предположить, что это те мигранты, которые впервые приехали в Россию и таким образом не сталкивались с прежней практикой оформления, и соответственно те работодатели, которые впервые наняли иностранных работников. Обращает на себя внимание также значительная группа мигрантов (21 %), не почувствовавших никаких изменений. Пока не ясно, кто вошел в эту группу. Скорее всего это мигранты, давно работающие в России и оформлением которых занима-

ется работодатель — сам или через посредническую фирму. В этом случае мигрант практически отстранен от процедурных формальностей и, что называется, «не в курсе дела».

Согласно новым правилам работодатель, принявший на работу иностранного работника, имеющего трудовую карту, обязан уведомить об этом службу занятости. Однако в 40 % случаев работодатели не сделали этого, чтобы избежать выплаты налогов. Получается, что трудовая карта сама по себе еще не гарантирует официальную занятость. Мигрант может и не знать, законный его контракт или фиктивный. Создалась парадоксальная ситуация, требующая незамедлительной корректировки.

Много проблем возникло и с медицинским обследованием мигрантов. Со всей очевидностью обнаружились неразвитость в стране миграционной инфраструктуры и несогласованность всех звеньев, участвующих в процессе правового оформления мигрантов. К сожалению, новые законы, как это стало печальным правилом в России, были введены раньше, чем были разработаны необходимые инструкции, обучены работе по новым правилам чиновники, подготовлены информационные материалы для мигрантов и др. Все это делается вдогонку. Не было подготовлено в должной мере к переходу на новый порядок и управляющее сообщество в регионах, значительная часть которого продемонстрировала скорее растерянность, чем готовность к либеральному курсу миграционной политики. Согласно упреждающему экспертному опросу, проведенному летом 2006 г., каждый третий специалист, работающий в системе Федеральной миграционной службы, совсем или частично не одобрял новый курс, был против введения легко доступной уведомительной регистрации; почти 40 % настаивали на сохранении прежнего порядка занятости иностранных работников на основе разрешений, выдаваемых работодателю.

Существует и проблема недостаточной осведомленности мигрантов и работодателей о новых процедурах, чем сразу же воспользовался рынок теневых услуг. В результате трудовые мигранты нередко получают недействительные или поддельные документы и т. д.

Нет полного согласия и в обществе, в котором явственно ощущается сопротивление реформаторским процессам приверженцев традиционных жестких порядков, как и нет единого мнения относительно необходимости протекционистской миграционной политики вообще.

Резюме

Как бы то ни было, Россия продемонстрировала перед теми странами, относительно которых она провозгласила преферентный политический интерес, что мигрантов из этих стран здесь ждут и что Россия действительно готова обеспечивать их легитимность и защищать их права. Такая доброжелательная, открытая позиция государства по отношению к мигрантам, безусловно, будет способствовать сокращению ксенофобии и рабства, преодолению трудового дефицита, прогрессирующему росту экономики страны.

Важным политическим следствием либеральной миграционной политики, далеко выходящим за рамки собственно миграции, является то, что она создает предпосылки для укрепления позиции России в СНГ, создавая базу для качественно иных, более конструктивных отношений.

Вместе с тем предстоит еще трудный путь по отлаживанию механизма работы нового миграционного законодательства. Важно продолжать этот путь и не допустить отката назад, как этого требуют сторонники прежних порядков. Важно, чтобы первый в истории России опыт либеральной политики удался. Поставить точки над «і» придется уже новому президенту.

Gabriele Burbulyte-Tsiskarishvili
Klaipėda university Regional policy and planning institute

Migration processes in Lithuania

Анализируются проблемы современных миграционных процессов в контексте вступления Литвы в Европейский союз в 2004 г. Особое внимание уделяется проблеме трудовой миграции и портрету среднестатистического эмигранта. Также анализируются причины огромного оттока населения (в частности, трудовых мигрантов) и сравнительно небольшого их притока. Представлено распределение миграционных потоков в Литве по муниципалитетам и отдельным территориям с точки зрения географии.

The article deals with the problem of recent migration processes in Lithuania in the context of entering the EU in 2004. The special emphasis is paid to the labour force migration and the portrait of statistical emigrant. The main reasons of the huge emigration (especially of the labour force) flows and the rather small immigration flows are analyzed. Geographical distribution of migration flows in Lithuania's municipalities and counties is presented as well.

Introduction

As a country in an ambivalent geopolitical context, Lithuania has experienced various demographical changes. One of the most extreme features of the recent population changes in Lithuania is a huge scale of emigration flow, followed by a quite modest immigration.

Lithuania is not an exceptional country. In 2005, the UN estimates that 190 million (or even more) people were outside their countries of birth or citizenship in the world (Martin and Martin, 2006, p. 6). Research on international migration in Lithuania, however, was forbidden for the scientists until 1990 (Sipavičienė, 2006, p. 4). Though questionable, statistics of the soviet period indicated the annual population increase (6—8 thousand per year)

due to the positive net migration from the rest of the Soviet Republics. Situation has changed considerably since then. As Sipavičienė (2006, p. 4) indicates, not only migration scale and geography have changed. Along the «traditional» flows of emigration/immigration, new types of migration become dominant: short-term migration (exceptionally for economic purposes, not cutting social connections); incomplete family migration (parents without children, only one of the spouses); irregular migration to and from Lithuania (the latter is gaining criminal elements as well).

The aim of the article, therefore, is to present the recent migration flows in Lithuania in the context of the entering the EU in 2004. The article, therefore, is composed from the three main parts. The first part of the article deals with the emigration flows, declared and undeclared emigration, portrait of the average statistical emigrant. The second part of the article deals with the immigration flows, countries of origins of the immigrants (except those returning residents of the country, geographical distribution of migration flows in Lithuania's municipalities and counties. The third part of the article deals with the socio-economic conditions that form the preconditions for the migration.

The main methods used in the research are: statistical analyses and calculation, descriptive and analytical methods, cartographical method.

Recent flows of declared and undeclared emigration in Lithuania

In 2006 and 2007, the Department of Statistics to the Government of the Republic of Lithuania conducted detailed research on declared and undeclared emigration flows. According to the Statistics Lithuania (2007, p. 50), having estimated the number of declared and undeclared departures since 1990, emigration figures made 447 thousand, while immigration — 87 thousand Lithuania's residents. In 1990—2000, undeclared emigration made up about 60 per cent, in 2001—2006—59 per cent respectively. According the same Department (2006, p. 42), at the beginning of 2006, the esti-

mated population of Lithuania was 3403,3 thousand persons, i. e. by 22 thousand less than at the beginning of 2005. Over the recent six years, this number decreased by 108,8 thousand: due to the natural decrease — by 59,3 thousand (54,5 per cent), due to the negative net migration — by 49,5 thousand (45,5 per cent). Lithuania appears among the only five EU countries (i. e. the Netherlands, Bulgaria, Estonia and Poland) that have negative net migration per 1000 population. Over the said period, negative net migration made 360 thousand persons (Statistics Lithuania, 2007, p. 50). It has the whole range of negative consequences for national development, such as the decrease of population, structural demographic deformations, increase of social problems etc. (Sipavičienė, 2007).

In 2001—2006, based on the data on declared and undeclared departures, the number of emigrants made 168,7 thousand (Statistics Lithuania, 2007, p. 10). Table 1 presents the data on declared international migration flows in Lithuania. It could be seen, that emigration reached the highest peak in 2005 (the year after entering the EU). Since then, the flow of emigration has started declining slowly: in 2006, the number of emigrants was almost two times lower than a year ago.

*Table 1***Declared migration of Lithuania's population, 2001—2006**

Year	Emigration	Immigration	Net migration	Net migration per 1000 population
2001	7253	4694	–2559	–0,7
2002	7086	5110	–1976	–0,6
2003	11032	4728	–6304	–1,8
2004	15165	5553	–9612	–2,8
2005	15571	6789	–8782	–2,6
2006	12602	7745	–4857	–1,4

Source: Statistics Lithuania, 2007. P. 10 [By data of the declaration of the place of residence].

In 2006 men composed 53, women — 47 per cent of emigrants. The most popular countries of destination in 2006 were the United Kingdom, Ireland and the USA, pulling, respectively, 26, 20 and 14 per cent of emigrants. Thus appears a very clear landmark of recent emigration flows — the year when country entered the EU. If in 2001 only about a quarter of emigrants left to the EU, so since 2004 already around 70 per cent of them have been leaving to the other EU countries (Statistics Lithuania, 2007, p.11—14).

Statistics Lithuania (2007, p.50) estimate that most emigrants were young people. In 2006, one-fifth of emigrants were persons aged 25—29, those aged 20—24 made up 15 per cent, while those aged 30—34—12 per cent. About half of emigrants had children; however, only each second of such emigrants left the country together with children.

The share of emigrants who had acquired higher or professional college education has been increasing. In 2006, each fifth emigrant had higher or professional college education, while in 2001 — each ninth. In 2006, six of ten emigrants aged 15 and older had not worked before the departure. Reasons for leaving the country have been changing. In 2006, more than half (63 per cent) of emigrants had a job contract in another country. A year ago, the number of such emigrants was 82 per cent (Statistics Lithuania, 2007, p. 50).

Flows of immigration

What concerns immigration, there is a tendency of slow, though, consistent growth since the entering to the EU. Over the recent six years, the number of immigrants has increased 1,6 times. 71 per cent of them, however, were the returning citizens of Lithuania (figure 1). In 2006, most persons arrived from the United Kingdom (1,5 thousand), Ireland (0,7 thousand), the Russian Federation (0,6 thousand), Germany and the USA (0.5 thousand), Belarus (0,3 thousand), Spain (0,3 thousand).

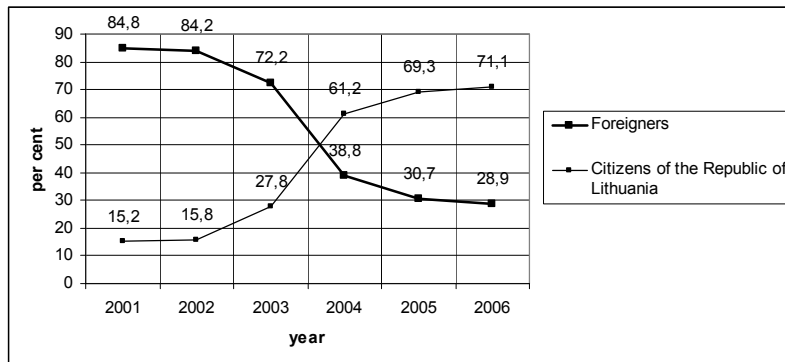

Figure 1. Immigrants by citizenship (per cent)

Source: Statistics Lithuania, 2007. P. 21, www.stat.gov.lt

The ‘true immigrants’ (i.e. except those returning residents of the country), thus, comprise only a small part of country’s population. There were only around 0,9 per cent (or 29,1 thousand) of immigrants living in Lithuania at the beginning of 2007 (table 2).

Table 2

Number of foreigners holding valid residence permits in the Republic of Lithuania (thousand)

	2003	2004	2005	2006	2007
Foreigners, including those holding residence permits in the Republic of Lithuania	30,5	30,2	32,6	35,3	29,1
Total population	3462,6	3445,9	3425,5	3403,2	3384,8
Share of foreigners in total national population, per cent	0,88	0,88	0,95	1,04	0,9

Source: Migration department, 2007. P. 14; Statistics Lithuania, 2007. P. 22, www.stat.gov.lt

The biggest part of them (table 3) is composed from the citizens of Russian Federation (12,8 thousand or 0.4 per cent), Belarus (3,5 thousand or 0,1 per cent), and Ukraine (2,3 thousand or 0,1 per cent). These numbers almost have not changed during the last six years.

Table 3

Number of foreigners residing in the Republic of Lithuania as of the beginning of 2007, by nationality

Nationality	Holding a permanent residence permit	Holding a permanent residence permit of the European Community	Holding a temporary residence permit	Holding a temporary residence permit of the European Community
European states, including:	14 839	314	4 640	1 472
— EU Member states, including:	—	308	—	1 371
— Latvia	—	59	—	233
— Poland	—	159	—	221
— Germany	—	40	—	273
— EFTA Member states	—	10	—	101
— Other European states, including:	14 839	—	4 640	14
— Armenia	167	—	105	—
— Belarus	2 031	—	1 475	5
— Georgia	82	—	36	—
— Russia	11 033	—	1 755	6
— Ukraine	1 382	—	925	3
North American states, including:	68	—	319	1
— USA	67	—	298	1

Central & South American states	17	—	57	—
Australian & Oceania states	1	—	14	1
Asian states, including:	552	—	866	5
— Israel	115	—	227	—
— Kazakhstan	196	—	48	—
— China	37	—	188	—
— Lebanon	22	—	122	—
African states	17	—	53	—
Stateless persons	5 309	5	106	3
Total:	20 803	319	6 055	1 482

Source: Migration department, 2007. P. 14.

As indicated in table 4 and figure 2, the most pulling municipalities for immigrants are those having big industrial objects and, of course, the capital city of Vilnius.

Table 4

**Number of foreigners according to the municipalities
as of the beginning of 2007**

Municipality	Number of foreigners	Municipality	Number of foreigners
Alytaus apskritis/county	774	Šiaulių apskritis/county	1 910
Druskininkai	302	Šiaulių miestas	1 337
Alytaus miestas, rajonas	303	Akmenės rajonas	64
Lazdijų rajonas	23	Joniškio rajonas	93
Varėnos rajonas	146	Kelmės rajonas	76
Kauno apskritis/county	4 179	Pakruojo rajonas	61
Kauno miestas	2 691	Radviliškio rajonas	143
Birštonas	8	Šiaulių rajonas	136
Jonavos rajonas	561	Tauragės apskritis/county	259

Миграции в России и юго-восточной части региона Балтийского моря

Kaišiadorių rajonas	102	Jurbarko rajonas	62
Kauno rajonas	306	Pagėgiai	32
Kėdainių rajonas	365	Šilalės rajonas	30
Prienų rajonas	87	Tauragės rajonas	135
Raseinių rajonas	59	Telšių apskritis/county	680
Klaipėdos apskritis/county	5 161	Mažeikių rajonas	447
Klaipėdos miestas	4 480	Plungės rajonas	114
Neringa	24	Rietavas	9
Palanga	206	Telšių rajonas	110
Klaipėdos rajonas	191	Utenos apskritis/county	3 979
Kretingos rajonas	92	Visaginas	3 371
Skuodo rajonas	27	Anykščių rajonas	62
Šilutės rajonas	141	Ignalinos rajonas	227
Marijampolės apskritis/county	366	Molėtų rajonas	55
Marijampolė	202	Utenos rajonas	94
Kalvarija	20	Zarasų rajonas	170
Kazlų Rūda	30	Vilniaus apskritis/county	14 977
Šakių rajonas	42	Vilniaus miestas	11 519
Vilkaviškio rajonas	72	Šalčininkų rajonas	663
Panevėžio apskritis/county	858	Širvintų rajonas	94
Panevėžio miestas	552	Švenčionių rajonas	492
Biržų rajonas	57	Trakų rajonas	298
Kupiškio rajonas	39	Elektrėnai	315
Panevėžio rajonas	95	Ukmergės rajonas	222
Pasvalio rajonas	47	Vilniaus rajonas	1 374
Rokiškio rajonas	68	Total:	33 143

Source: Migration department, 2007. P. 15.

The leading among the counties is Utenos county — there lives around 22 foreigners per 1000 population. Ignalina nuclear plant plays as the main pulling factor for immigration while this industrial giant employs qualified labour force and specialists from abroad.

Klaipėda county is attractive for foreigners because of the port and port enterprises. In 2006, according Klaipėda Labour Exchange, there were 887 applications to work in Klaipėda, till September 2007—924. Klaipėda Labour Exchange forecasts that in 2008 it will get at least 1200 of such applications. People are coming mostly from the Ukraine, Russia, and Belarus. The new tendencies, however, shows the increase of labour force from Romania, Bulgaria, and China.

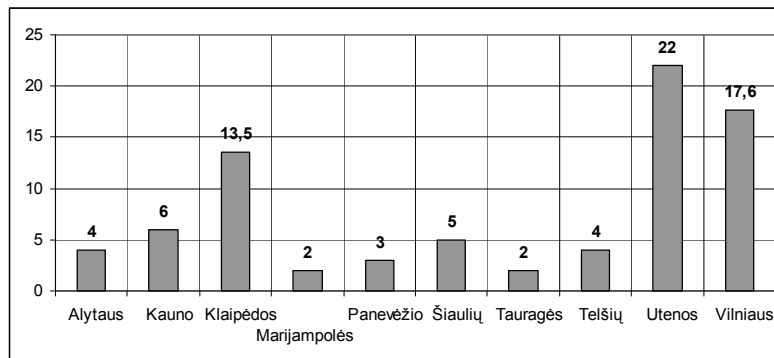

Figure 2. Number of foreigners in counties (per 1000 population)

Source: author's calculation.

As indicated in table 5, Lithuania is quite a homogenous country according its population ethnicity. There are two biggest groups of national minorities living in Lithuania — Poles and Russians. The number of population by country of birth, however, differs a lot (figure 3).

Table 5

Population by ethnicity

Ethnicity	Population number, as of 1 January, thousand		Percentage of total population	
	2001 ¹	2007 ²	2001 ¹	2007 ²
Total	3484,0	3384,9	100	100
Lithuanian	2907,3	2864,0	83,5	84,6
Russian	219,8	173,3	6,3	5,1
Pole	235,0	212,1	6,7	6,3
Belarussian	42,9	38,4	1,2	1,1
Ukrainian	22,5	21,2	0,7	0,6
Jew	4,0	3,5	0,1	0,1
Latvian	3,0	2,6	0,1	0,1
Tatar	3,2	2,9	0,1	0,1
German	3,2	3,5	0,1	0,1
Romany	2,6	2,8	0,1	0,1
Other	7,6	8,9	0,2	0,3
Not indicated	32,9	51,7	0,9	1,5

Source: Statistics Lithuania, 2007. P. 31, www.stat.gov.lt

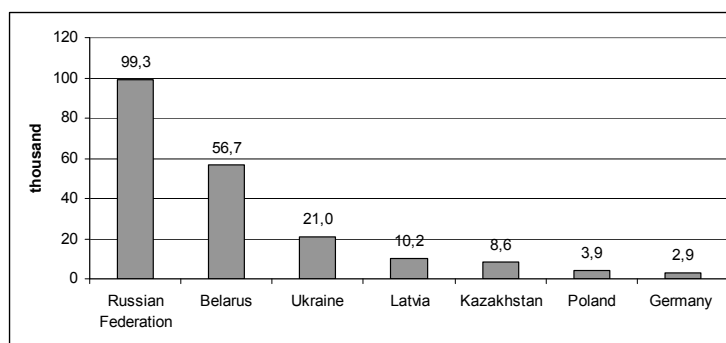

Figure 3. Population by country of birth, 2007

Source: Statistics Lithuania, 2007. P. 22, www.stat.gov.lt

¹ Population census data.

² Estimations carried out based on the data of the Residents' Register Service under the Ministry of the Interior central database.

According to the estimations carried out based on the data of the Residents' Register Service under the Ministry of the Interior central database (Statistics Lithuania, 2007, p.22), 222 thousand or 6,6 per cent of Lithuania's population is born outside Lithuania. Almost half of them (44,7 per cent) were born in Russian Federation (figure 3).

Table 6

**The number of persons who have acquired or renounced citizenship
of the Republic of Lithuania**

Previous citizenship	2001	2005	2006
Total	507	435	467
Europe	103	202	215
Latvia	—	1	—
Poland	1	1	1
Other European countries	102	200	214
Belarus	25	24	28
Moldova	2	4	5
Russian Federation	66	151	151
Ukraine	9	21	30
Other countries	—	—	—
Africa	—	1	—
Egypt	—	1	—
America	—	—	1
Bolivia	—	—	1
Asia	19	18	13
Armenia	8	5	3
Azerbaijan	—	1	—
Georgia	2	3	2
Israel	2	3	—
Kazakhstan	2	1	6
Kyrgyzstan	—	2	—
Lebanon	3	3	2

Миграции в России и юго-восточной части региона Балтийского моря

Previous citizenship	2001	2005	2006
Turkmenistan	1	—	—
Uzbekistan	1	—	—
Stateless	385	214	238

Source: Statistics Lithuania, 2007. P. 31, www.stat.gov.lt

Russian Federation is leading among the countries whose persons have acquired the citizenship of the Republic of Lithuania since 2001.

Socio-economic conditions and migration

As Statistics Lithuania (2007, p. 50) points out, migration processes in Lithuania are conditioned by economic and social factors. They are also largely influenced by globalization. One of the main reasons encouraging emigration is considerable difference in earnings between Lithuania and the old EU Member States; average annual gross earnings in Lithuania are much lower. In Lithuania, in 2004, average annual gross earnings in manufacturing and services made EUR 4261 and were 6 times lower than the average of the EU-27. The highest earnings in 2004 were recorded for employees engaging in manufacturing and service activities in Denmark and Luxembourg, i. e. 10 times higher than in Lithuania. Annual gross earnings in the United Kingdom were 9 times, in Germany and Ireland — 8 times, Spain — 5 times higher than those in Lithuania. The minimum monthly wage as of 1st July 2007 in Luxembourg was 8 times, in Ireland and the United Kingdom — 7 times, in Spain — 3 times higher than in Lithuania (Statistics Lithuania, 2007, p. 51).

While annual emigration significantly exceeds immigration, this determines the decrease in population, its ageing, shortage of labour force, especially of the skilled one. The shortage of labour force negatively influences the country's economic development. Positive consequences are as follows: lower unemployment rate, higher employment rate, higher earnings, financial support to emi-

grants' family members living in Lithuania, cultural exchange etc. (Statistics Lithuania, 2007, p. 50).

Over the recent years, the employment rate increased, the unemployment rate decreased, more job vacancies appeared, and the lack of labour force showed up.

The lowest employment rate of the population aged 15—64 was recorded in 2001, when it made up just 57,2 per cent, and the unemployment rate was the highest — 17,4 per cent. In 2006, the employment rate grew to 63,6 per cent and was the highest over the independence period. The number of unemployed persons decreased to 89 thousand, while the unemployment rate decreased to 5,6 per cent. In 2006, the number of job vacancies reached almost 20 thousand, while a year ago this figure was almost three times lower. The highest number of job vacancies in 2006 was intended for craft and related trade workers — more than 7 thousand, or one-third of all job vacancies. Given the lack of labour force, the national labour market opened up to foreigners. In 2006, the Lithuanian Labour Exchange issued almost 3 thousand temporary work permits in the Republic of Lithuania to foreigners (Statistics Lithuania, 2007, p. 51).

Continuing emigration and economic growth reached over the recent years created favourable conditions for more rapid increase in wages. Over five years, the average monthly gross earnings (figure 6) in the whole economy grew by 52,3 per cent (Statistics Lithuania, 2007, p. 51).

Nonetheless, the recent prelude of economic crises in the world shows the ambivalent conditions for migration flows. The declining cross-rates in the countries of destination for the emigrants presume the higher flows of returning emigrants. At the same time, the worsening of Lithuanian economic situation presumes the second peak of emigration from Lithuania after the joining EU. What concerns immigration, it is supposed to increase consistently.

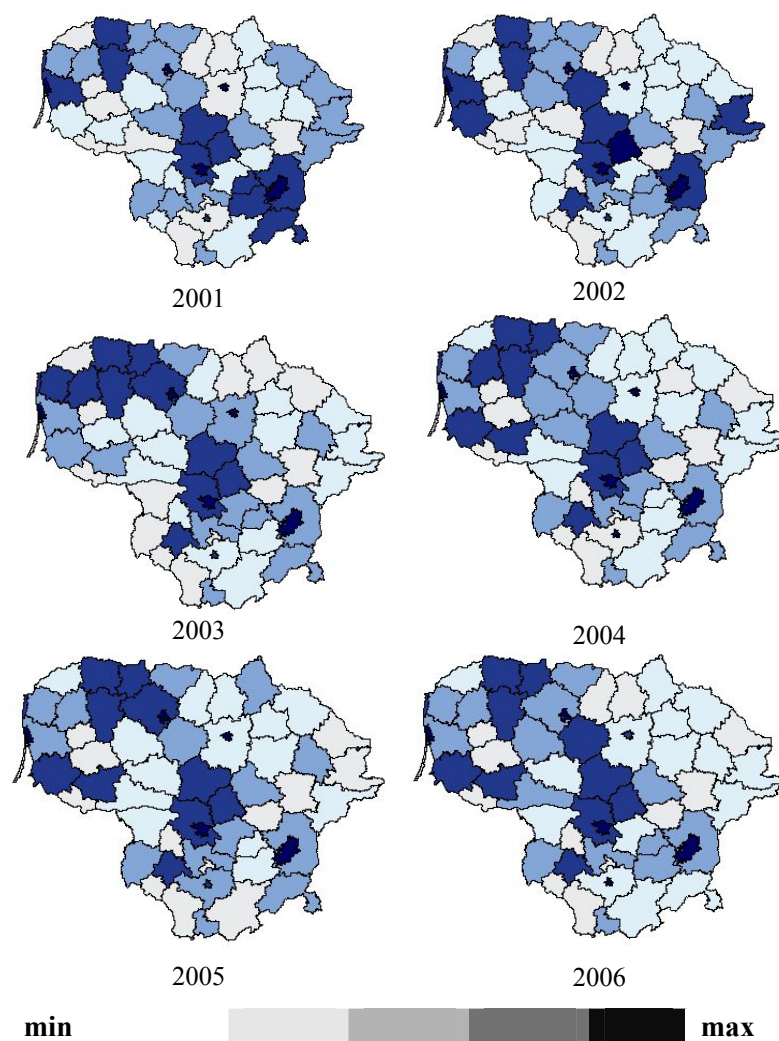

Figure 4. International emigration flows by Lithuania's municipalities
2001—2006

Source: Statistics Lithuania, 2007, www.stat.gov.lt

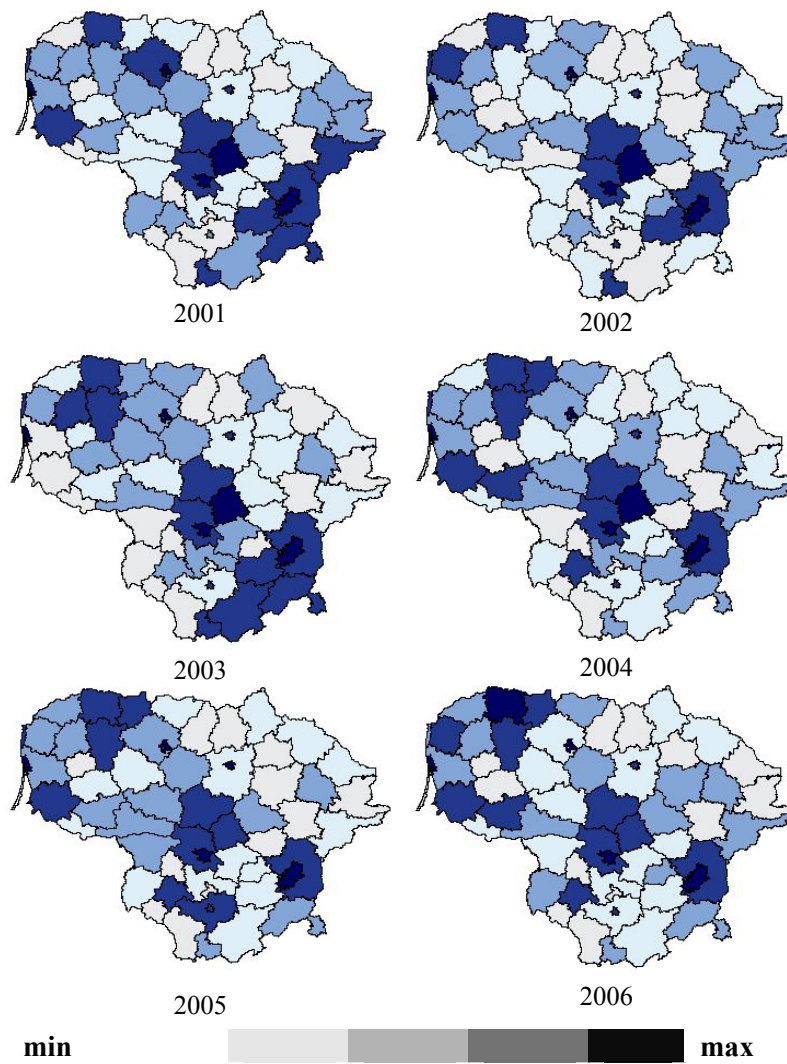

Figure 5. Immigration flows by Lithuania's municipalities 2001—2006

Source: Statistics Lithuania, 2007, www.stat.gov.lt

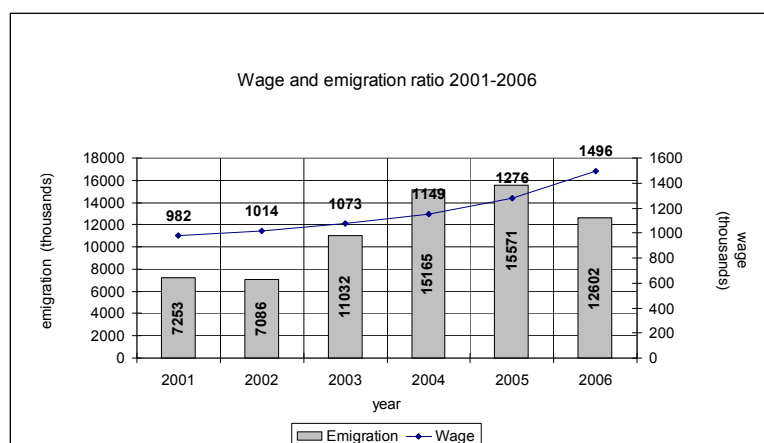

Figure 6. Average monthly gross earnings and emigration ratio

Source: author's calculations according the data from www.stat.gov.lt

Conclusions

According to the newest calculation of declared and undeclared departures since 1990, emigration figures made 447 thousand, while immigration — 87 thousand Lithuania's residents. Emigration has reached the highest peak in 2005 (the year after entering the EU). Since then, the flow of emigration has started declining slowly: in 2006, the number of emigrants was almost two times lower than a year ago.

If in 2001 only about a quarter of emigrants left to the EU, so since 2004 already around 70 per cent of them have been leaving to the other EU countries. The most emigrants were young people aged 25—35. About half of emigrants had children; however, only each second of such emigrants left the country together with children. In 2006, more than half of emigrants had a job contract in another country.

The 'true immigrants' (i.e. except those returning residents of the country) comprise only a small part of country's population.

There were only around 0,9 per cent (or 29,1 thousand) of immigrants living in Lithuania at the beginning of 2007. The biggest part of them is composed from the citizens of Russian Federation, Belarus, and Ukraine. These countries almost have not changed during the last six years

The most pulling municipalities for immigrants are those having big industrial objects and, of course, the capital city of Vilnius. The leading among the counties is Utenos county where Ignalina nuclear plant plays as the main pulling factor for immigration, and Klaipėda county which is attractive for foreigners because of the port and port enterprises.

One of the main reasons encouraging emigration is considerable difference in earnings between Lithuania and the old EU Member States; average annual gross earnings in Lithuania are much lower.

The recent prelude of economic crises in the world shows the ambivalent tendencies for migration flows. The declining cross-rates in the countries of destination presume the higher flows of returning emigrants. The worsening of Lithuanian economic situation, at the same time, presumes the second peak (after the joining EU) of emigration from Lithuania. What concerns immigration, it is supposed to increase consistently.

References

1. *Martin P., Martin G.* (2006), GCIM: A new global migration family. *International Migration*, vol. 44(1), p. 5—12.
2. *Migration* yearbook 2006. (2007), Migration department, Vilnius. www.migracija.lt
3. *Pilietinės visuomenės institutas* (2005), *Lietuvių emigracija: problema ir galimi sprendimo būdai*. Pilietinės visuomenės institutas, Vilnius. www.migracija.lt
4. *Sipavičienė B.* (2006), *Tarptautinė gyventojų migracija Lietuvoje: modelio kaita ir situacijos analizė*. Tarptautinė migracijos organizacija, Vilnius. www.iom.lt

5. Sipavičienė B. (2007), Emigracija iš Lietuvos. Naujos tendencijos? Tarptautinė migracijos organizacija, Vilnius. www.iom.lt

6. Statistics Lithuania (2007), International migration of Lithuanian population 2006. Department of Statistics to the Government of the Republic of Lithuania, Vilnius. www.stat.gov.lt

7. Statistics Lithuania (2006), Population of Lithuania: Composition and demographic development. Department of Statistics to the Government of the Republic of Lithuania, Vilnius. www.stat.gov.lt

Stanisław Rzycki, Kamila Mędrzycka

Department of Economic Geography, University of Gdansk

Migration processes in Pomorskie region of the Republic of Poland. The survey research results

Описываются миграционные процессы в Поморском регионе до 2008 г., а также отношение жителей города Гданьска к динамичным изменениям миграционных процессов. В первом разделе дается обзор миграционной политики Польши. Во втором и третьем разделе речь идет о миграционных процессах и их связи с изменениями на рынке труда в регионе. В четвертом представлены результаты исследования, которое проводилось в октябре 2007 г. и было направлено на изучение отношения жителей Гданьска к миграционным процессам и изменениям на региональном рынке труда.

The article shortly describes migration processes in Pomorskie region before 2008 and attitudes of inhabitants of the city of Gdansk towards dynamically changing migration processes. The first section gives an overview of Polish migration policy which seems to play the crucial role in shaping migration processes in the region. The second and third sections give a picture of migration processes and its links to the labour market changes in the region. The forth section describes the results of survey research conducted in October 2007, aimed to examine attitudes of inhabitants of Gdansk towards migration processes and labour market changes in the region.

Polish migration policy and migration regulations

The need for formulation of national migration policy in Poland emerged in early 1990s, as a result of liberalization of regulations regarding entering the territory of Poland, and growing number of foreigners visiting Poland. (Anioł 1992, 1994, Kozłowski 1994).

In 1990s the national migration policy was associated with actions undertaken by central authorities regarding the control of entering the territory of Poland by foreigners, access of foreigners to work and integration of foreigners in Polish society (Łodziński S., 1997; Głębicka K, Okólski M., Stola D., 1998). The works on migration policy resulted in establishment several Acts regulating inflow of migrants to Poland and their existence on the territory of Poland. Also regulations regarding access of foreigners to labour market in Poland were established. After 2002, when the negative trends of out migration from Poland continued the central authorities started to take into consideration creation of regulations regarding emigrations from Poland.

Since 2004, when Poland accessed the European Union, the European regulations regarding inflow of migrants and employment of migrants, gained crucial meaning for Polish migration policy. Before the accession to EU, Polish central authorities introduced changes in Polish regulation due to adjust them to European regulations. Nowadays, Poland is one of countries that take part in the process of creation of coherent European migration policy.

Problems with creation of coherent national migration policy are not only caused by external factors, like adjusting Polish law to European regulations. Some authors suggest that problems are also caused by lack of tradition and experience in creation of that kind of policy (Iglicka, Kaźmierkiewicz, Mazur-Rafał, 2003). A. Weinert (2006) and Iglicka (2007) suggest that these factors played crucial role in shaping Polish migration policy before accession to the UE. In the year 2000—2004 the migration policy based on adopt-

ing of EU regulation to Polish laws. What is even more crucial, the large number of institutions that took part in process of creation of the policy was also an obstacle in working out a coherent policy vision.

K. Iglicka (2007) suggests that despite the fact that Poland is obliged to fulfil the EU regulations in regard of migration policy, there are still possibilities to shape Polish own migration policy that allow us to overcome emerging problems caused by rapid changes in migration processes. The possibility to create an own policy is crucial in the context of outflow of emigrants from Poland to Western countries. Year 2006 was the first, when employment gaps appeared in certain branches. This happened despite the still existing high rate of unemployment in Poland. As Iglicka predicts, the gaps will gradually grow up and Poland will have to compete with other EU countries for workers from non-EU countries.

Migration processes in Poland

As mentioned in previous sections, Poland's accessions to EU opened labour markets of several Western countries. The labour markets of United Kingdom, Ireland and Sweden were opened for Polish workers in 2004 while markets of Spain, Portugal, Greece, Finland and Italy were opened in 2006, and labour market of the Netherlands was opened in 2007. Belgium, Luxemburg and France introduced simplifications in procedures regarding employment in certain sectors and Denmark simplified the procedures of gaining work permit. Germany and Austria plan to open their labour markets in 2011. The opening of labour markets of Western countries caused massive labour emigration from Poland.

However the official statistics do not reflect the real migration flows, there are attempts to estimate the real number of emigrants from Poland. Klos (2006) gives the list of estimations proposed by various institutions. The estimated numbers of migrants very much varies from one another, depending on the institution that conducted the estimation. The following estimations were given:

- Ministry of Labour and Social policy, estimation — 600 000 emigrants
- Roman Catholic Church, estimation — 1 000 000 emigrants
- European Citizens Action Service — 1 120 000 emigrants
- Domestic experts — 1 200 000 emigrants
- Media — 2 000 000—4 000 000 emigrants.

As Kłos (2006) suggests, the most related to the reality are estimations given by European Citizens Action Service, which do the estimation basing on official statistic of countries to which Poles migrate. The estimated number consists also of workers registered for seasonal work who contributes in about 50% to the total number of migrants. Majority of migrants worked in Germany (264 000 of workers majority of whom were seasonal workers), United Kingdom (100 000), Ireland (90 000) and France (72 000).

As Korczyńska (2005) points out, there were already emerged the fields/spheres in which foreign workers concentrates at local labour markets. The foreign workers in Poland used to decide to do the works which are not attractive to Poles. These are usually hard and not very paid jobs. Apart from that, analytics underline that the need for foreign workers will emerge in several new spheres, which need quite well skilled workers e. g.:

- High and moderate skilled IT sector workers
- Highly skilled workers of business sector
- Workers of wide range of services
- Various professions for constructing sector
- Workers of retail services
- Highly skilled workers for higher education sector
- Workers of health services.

Analyses show that we do not need to expect the growth of labour immigrations to Poland. This is caused by two main factors. First is that growing need for workers will only encompass narrow group of highly skilled and educated workers. There is not expected need for not skilled workers which would increase the scale of immigrations. Second is that there are still a lot of potential workers in Poland that may fill the growing gap in labour market.

Migrations processes in Pomorskie region and the labour market

The immigration trends at Pomorskie region are similar to those for the whole country. In recent years migration outflow was higher than inflow. The inflow of foreign migrants was stable and did not exceed 1000 migrants per year, while out migration significantly increased after 2004, reaching 4000 migrants in 2006. The increase of out migrations was facilitated by opening of labour markets of Western countries, and most of migrants were economical migrants. According to the experts, statistics do not show the real situation, because most of migrants do not register their stay and/or moving abroad. It is known that in reality migration flows are much higher.

The trends regarding number of work permits granted to foreigners in Pomorskie region are also similar to those we can observe in Poland. The number of work permits granted has been decreasing with the new labour market regulations that were introduced as a result of Poland's accession to the EU. This shows that most of permits were granted to citizens of EU countries, who after 2004 were not obliged to get a work permit for working in Poland. This also shows that there are almost no registered workers from foreign USSR working in Pomorskie region.

Similar, negative trends we can observe in regard to number of permanent stay permits granted and official invitations issued in Pomorskie region. The number of permits for permanent stay have been gradually decreasing from 1831 in 2002 to 961 in 2005, while number of officially issued invitations decreased from 2286 in 2001 to 893 in 2005. Different trend was observed in regard to number of temporary stay permits granted in Pomorskie region. The number of permits has been increasing by 2004, when reached 206 and decreased in 2005 reaching 155.

All described above changes were mostly shaped by the changing regulations in Polish migration law, and do not reflect the real situation which is mostly shaped by not registered migrations.

As official statistics are not appropriate to analyze the real migration situation and linked to it situation on labour market, additional researchers are needed. In Poland several attempts to describe the real migration situation and its relations with labour market were undertaken (Wpływ emigracji... 2007, Korczyńska 2005, Kłos 2006, Biebiecki Frelka 2007, Bojar et al 2005). Most of researchers aimed to show real situation, introducing survey researches among inhabitants of certain region or city. Researches focused on finding links between labour market changes and migrations conducting interviews with both, employers and employees.

In October 2007 the interviews with employers and labour migrants were conducted. The main objective of the research was to get to know opinions of employers on changes on Polish labour market that took place after Polish accession to the EU in 2004. There were 3 Interviews conducted with employers representing construction industry and ship building industry. There were also 4 interviews conducted with foreign workers. The interviews aimed to get to know opinions of foreign workers on Polish migration and employment regulations and work conditions.

The main conclusions of the research are:

1. The migration of Poles to Western countries will be continued until the quality of life and incomes in Poland will be similar. The main motive for migration is getting better paid job.
2. As long as out migration will be high, Polish employers will have troubles with getting skilled labour force, especially in certain sectors like shipbuilding, constructing industry.
3. Emigrants are mostly young and well skilled or educated people.
4. Complicated, not clear, restricting and often changing migration regulations are the serious obstacle preventing employers from employing foreign workers from non-EU countries.
5. The advantage of employment foreign workers are relatively low costs of employment and high motivation of workers.

Attitudes of inhabitants of the city of Gdańsk towards migration processes

The research conducted in November 2007 in the City of Gdansk aimed to examine attitudes of citizens of the city of Gdansk towards migration processes, namely:

- Perception of recent migrations in the region in the context of socio-economic situation in the region.
- Experiences of inhabitants of the city of Gdansk regarding foreign migrations in family context and neighbourhood context.
- Individual migration plans of inhabitants of the city of Gdansk.

During the survey research 1007 respondent were interviewed. In the survey the street interviews were undertaken basing on the random sample method. The respondents were asked 20 questions.

The respondents represented various social classes. 50,8% of all interviewed persons were man, while 49,2 were woman. The various age groups were represented. The largest group were elderly people over 55 years, the second persons aged from 25 to 34. The sample also varied according to the education level. Majority of respondents had secondary education (45%), 36,4% respondents had higher education, while less than 20% represented those with basic vocational education and primary education. Almost half of respondents were permanently employed, almost 5% had part-time job, while more than 20% of respondents were pensioners. Most of the respondents declared average monthly income per one person in the household between 700 and 1500 PLN [approximately 300—600 USD]. Only 6,1% declared income lower than 500 PLN [200USD] per person per month and only 7,7% declared income higher than 2500 PLN [1000 USD] per person per month.

The results of the survey confirmed assumptions concerning the attitudes to recent migrations and migrations plans of inhabitants of the city of Gdansk.

Large group of respondents is aware of recent difficult situation on the labour market caused by abroad migrations of workers and need of inflow of workers from Eastern countries to compensate growing gap. More than 30% of respondents declared that there is a need for inflow of foreign workers from abroad to keep economic development in the region. However, 50,7% still do not see the need for that kind of migrations and 17,9% do not have opinion on the problem. As results show, men are more likely to see the need for immigration to the region than woman. The need for migration is most often seen by young and better educated persons. Also, people with higher income are more likely to accept inflow of migrants.

Most of respondents agree with declaration that «inflow of foreign migrants will bring positive changes for the region». More than 40% of respondents predicts that inflow of migrants will positively affect the region, while 31,4% see the negative results of migration processes. Almost 30% do not have opinion about this issue.

Positive attitude to migration processes may be caused by the fact that most of officially working immigrants are persons migrated to the Pomorskie region from Western countries. Majority of the migrants are representatives of white collars working for large international companies. Thus, migrants are usually associated by the respondents with well educated, highly skilled workers, who bring know-how to the region. Another aspect of the migration processes that is positively assessed by respondents is economical out migration of Poles, who find well paid job abroad, mostly in the UK and Ireland. According to respondents, positive aspects of this process are: decrease of unemployment rate, new chances for getting better job and career development, economic support from the migrants to their families left in Gdansk. Moreover, respondent agree that intensive migrations will develop multicultural changes in the region, will develop entrepreneurial initiatives in the region and will support development of constructing sector. Asked persons are afraid that migrations will cause new social problems and

will also facilitate competition for workplaces. Respondents are not afraid that intensive migrations can cause decrease of level of salaries and increase prices of dwellings on real estate market.

Basing on above mentioned analyses the assumption is that local community of Gdansk have positive attitude to migrants, recognise migrations as processes that will bring positive changes in the region, however, citizens of the City of Gdansk are aware of negative aspect of migrations, like development of new social problems.

The results of the survey show that large group of respondents in some way deals with migrants in their family or neighbourhood. More than 44 % of questioned persons declared that there are migrants in their close family, of which 36,5 % declared that at least one of his/her relatives migrated abroad, 3,1 % declared that there are immigrants in their family and 5 % declared that there are both, immigrants and emigrants in their family. The mentioned results show that the scale of migrations is large and that almost half of society is in some way toughed by the process. We can also observe the asymmetry between emigrations and immigrations. More than 40 % of respondents mentioned that there are emigrants in their families, while only about 8 % declared that there are immigrants in their families.

Majority of respondents asked whether their relatives who emigrated to Western countries plan to stay there or back to Poland, answered that their relatives plan to back to Poland. 19,5 % answered that their relatives will definitely back to Poland and 26,3 % answered that their relatives will rather back to Poland. Surprisingly, there is a really large group of respondents whose relatives do not plan to back to Poland. 20,2 % respondents answered that their relatives will rather stay abroad, and 16,6 % declared that their relatives decide already to stay and live abroad. The results can be very negative for the region because more than 35 % of all migrants may stay abroad. We should remember that majority of those who migrated are rather well educated or well skilled workers that makes the situation even worse. Moreover, majority

of those who declared to be back to Poland plan to do so no earlier than in one year time and only 8% declare to be back to Poland in 3 month time. We can see that labour migrations which are predominant in migration flows are long term migrations exceeding one year. The long term migrations may cause that the gap in the labour market will grow up to the size that will destabilize regional labour market and will bring another social and economical problems.

As mentioned above, majority of migrants (relatives of questioned persons) migrated abroad in search for a job (87,1%), while only 10,4% mentioned family issues as a cause for migration. This shows that recent migrations are economical migrations.

Results of this part of the survey confirmed large asymmetry between emigration from Poland and immigration to Poland. Only 12,1% of respondents declared that there is at least one immigrant in their neighbourhood. Almost 90% of respondents declared that there are no immigrants in their neighbourhood or they do not know if there is any. The respondents mentioned the following nationalities of the immigrants living in their neighbourhood: Ukrainians 19, Russians 14, Germans 5, Arabs 4. Most of respondents answered that the immigrants living in their neighbourhood are white (45 cases), black (2), yellow (1). According to the religious status, the most of mentioned foreign neighbours were Orthodox (19 cases), Islamic (5) and Roman Catholics (3).

The respondents were asked to answer the questions regarding their individual migration plans. One of the questions was: do you want to work and live abroad? Majority of respondents (62,5%) answered that they do not want to work abroad, while about 20% declared their willingness to work and live abroad. 15,7% of questioned persons did not have opinion about the issue. The results show, that there is a large group of people who still consider emigration, so we may expect that in the near future high out migration processes will be continued. The willingness to work and live abroad was predominantly declared by young persons (under age of 25). Almost 40% of representatives of this age group wanted to

migrate. Much less older respondents than declared willingness to migrate. According to the survey, education level is not a factor shaping the willingness to migrate. A results show, about 20 % of representatives of each education level group declared willingness to migrate. Similar percentage of respondents in each income group declared willingness to migrate, it fluctuated from 26 % in lower income group to 18,5 % in middle income group.

There were also questions asked regarding the reasons of decisions for migration or not migration. Below is the list of answers given by the respondents regarding the reasons of stay in Poland. The results show that main barriers preventing respondents from migration are related to respondents' attachment to place, family and friends and culture. 43 % of respondents mentioned that kinds of barriers. Only 27 % respondents point out that they are satisfied with the job and quality of life in the region and that this is the reason why they do not plan to migrate. 24 % declared that they are too old to migrate and 4 % as the main barrier preventing them from migration is lack of language skills.

The answers for the question regarding causes of migration were gathered into 3 main groups. 62 % of respondents (I group) declared that the main cause of the migration will be run for better paid job. Among them are persons who will go abroad to earn certain amount of money and back to Poland, as well as those who want to stay abroad, because of new possibilities brought with getting well paid job. The II group (29 % of respondents), consists of those who link their willingness to migration with better quality of life, individual and professional development perspectives, better climate that they can find abroad. Majority of them seem to be more likely to stay abroad. Only 9 % of respondents (III group) mentioned reasons that suggest their temporary stay abroad. The respondents from this group wanted to improve their language skills abroad, get more experience abroad or willingness to familiarize with foreign cultures.

The results show, that a lot of citizens of the City of Gdansk consider emigration. The causes of migrations are most often re-

lated to economical issues, like getting a better paid job, while the main barriers are related to social and cultural issues.

Conclusions

The Pomorskie region, as the whole Poland deals with huge out migration processes that emerged after joining the EU. The processes were facilitated by the opening the labour markets of the UK, Ireland, Sweden and other countries. There are now statistics describing the whole process, so only estimations are possible. According to the various expertises the number of Poles who migrated from Poland to «old» EU member states since 2004 varies from 700 000 up to 2 000 000. The researches conducted by various institutions shown that majority of migrants are young people, who have just graduated universities or high schools. They leave mostly to the UK or Ireland and search for the work there on their own. There are also groups of well skilled medium level specialists like welders or high educated specialists like engineers or doctors who search for work abroad by employment agencies and work abroad as contract workers.

As mentioned above, official statistics does not give the picture of entire migration process because most of migrants who leave the region do not register. The available data for Pomorskie region, however confirm that number of persons registered as foreign migrants rose from 1000 in 2004 up to 4000 in 2006. The number of foreign immigrants registered for permanent stay in Pomorskie region remained constant fluctuating from 520 in 2002 to 750 in 2006. State authorities now aim to change migration regulations to enhance inflow of desirable professionals and low skilled labour force. Recently the regulations regarding temporary employment of foreigners were changed and now are less restricted. On the other hand, joining the Shengen zone by Poland will make visa procedures more difficult and expensive that will prevent citizens of former Soviet countries to work in Poland. This shows lack of coherent migration policy aimed to enhance inflow of labour force to Poland.

Since winter 2004 in Pomorskie region there was decrease of unemployment rate noted. The rate dropped from almost 23,1 % in winter 2004 to 11,6 % in September 2007. The most rapid decrease of unemployment rate was noted since late 2004. This phenomenon is explained by fast development of regional economy, increase of employment offers and by out migration of young people.

The most significant lack of labour force is registered in several sectors i. e. shipbuilding sector, construction sector, agriculture sector, and education sector. In two first sectors there is a need for well skilled medium level specialists, in agriculture there is a need for low skilled cheap labour force and in education there is a need for language teachers. Recently a need for health service workers emerged, especially for well skilled nurses.

Research conducted within the project in Pomorskie region confirmed the tendency that is seen in the whole country. Most of respondents agreed that inflow of migrants is needed for economic development of the region and that respondents have positive attitude to migrants. This may be explained by the fact that most of respondents associate labour migrants with well educated EU citizens who work in the region in foreign companies. The results show that immigration to Pomorskie region are marginal phenomenon in comparison to out migration. 45 % examined persons had relatives who migrated from the region to Western Countries. The majority of migrations are long term migrations. 30 % of those who migrated, planned to stay abroad for longer than 3 years and another 30 % declared willingness to stay abroad forever. There are still a lot of people who plan to migrate — 20 % of respondents declared willingness to work and live abroad.

Contemporary situations seems to show that out migration of youths from Pomorskie region, however massive, is still not the main problem for regional labour market. As experts point out, the most significant problem is outflow of well educated and skilled professionals from shipbuilding sector, constructing sector etc. This growing problem may be in some way solved by inflow of workers from Eastern European Countries, for whom Poland is still an attractive place to work.

References

1. Anioł W., *Migracje międzynarodowe a bezpieczeństwo europejskie*, ISP PAN, Warszawa 1992
2. Anioł W., 1994, *Kształtowanie się polskiej polityki migracyjnej*, [in:] *Migracje jako społeczne i ekonomiczne zjawisko w procesie transformacji ustrojowej w Polsce na tle integracji europejskiej*, MPiPS, Warszawa 1994
3. Biebiecki M., Frelka J., 2007, *Praca cudzoziemców w Polsce rozwiązaniami problemów na rynku pracy*, Analizy i Opinie 75, Instytut Spraw Publicznych, Warszawa
4. Bojar H., Gąsior-Niemiec A., Bieniecki M., Pawlak M., *Migranci na rynku pracy w Polsce. Wyniki badań przeprowadzonych wśród migrantów ekonomicznych i pracowników polskich*, Instytut Spraw Publicznych, 2005, Warszawa
5. Głąbicka K., Okólski M., Stola D., 1998, *Polityka migracyjna Polski*, Prace Migracyjne, nr 18, ISS UW, Warszawa
6. Gmaj K., 2005, *Imigranci na polskim rynku pracy w świetle opinii pracodawców*, Raporty i Analizy 3/05, Centrum Stosunków Międzynarodowych, Warszawa
7. Iglicka K., Kaźmierkiewicz P., Mazur-Rafał M., 2003, *Zarządzanie migracją. Przypadek i doświadczenia Polski w odniesieniu do dyrektyw Komisji Europejskiej*, Instytut Spraw Publicznych i Centrum Stosunków Międzynarodowych, Warszawa
8. Iglicka K., 2007, *Kierunki rozwoju polskiej polityki migracyjnej w ramach obszaru legalnej migracji pracowniczej na lata 2007–2012*, Raporty i Analizy nr 1/7, Centrum Stosunków Międzynarodowych, Warszawa
9. Kępińska E., 2006, *Recent trends in International Migration*. The 2006 SOPEMI Report for Poland, CMR Working Papers, No 15/73
10. Kłos B. 2006, *Migracje Zarobkowe Polaków do krajów Unii Europejskiej*, Biuro Analiz Sejmowych, Warszawa
11. Korczyńska J., Duszczyk M., 2005, *Zapotrzebowanie na pracę obcokrajowców w Polsce, Próba analizy i wniosków dla polityki migracyjnej*, Instytut Spraw Publicznych, Warszawa
12. Kozłowski T., 1994, *Między, tranzytem aylem a imigracją. Prawne i instytucjonalne konsekwencje zjawiska niedobrowolnych migracji*, w: *Migracje jako społeczne i ekonomiczne zjawisko w procesie*

трансформации ustrojowej w Polsce na tle integracji europejskiej, MPiPS, Warszawa

13. Łodziński S., 1997, Problemy prawne polityki migracyjnej Polski w latach 1989—1995 na tle rozwiązań obowiązujących w krajach Unii Europejskiej; w: J.E. Zamojski (red.), *Migracje i Społeczeństwo*, Zbiór Studiów, nr 2, Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, Warszawa

14. *Raport w sprawie polityki migracyjnej państwa*, 2003, IPiSS, Warszawa

15. Romaniszyn K., 2002, *Kulturowe implikacje i determinanty migracji międzynarodowych*, w: Klimaszewski B. (red.), *Emigracja z Polski po 1989 r.*, Kraków

16. Weimar A., 2006, *Europeizacja polskiej polityki wobec cudzoziemców 1990—2003*, CSM-Scholar

17. *Wpływ Emigracji Zarobkowej na gospodarkę Polski*, 2007, Ministerstwo Gospodarki, Departament Analiz i Prognoz, Warszawa

Л. Л. Емельянова

**Российский государственный университет им. И. Канта,
Калининград**

Место Калининградской области в миграционных процессах России и стран региона Балтийского моря

В рамках проекта «Новый подход к миграционному регулированию в Юго-Восточной Балтике: европейский контекст» сотрудниками РГУ им. И. Канта совместно с коллегами из Гданьского и Клайпедского университетов в течение 2007—2008 гг. проводились комплексные исследования миграции в приграничных районах трех государств — Клайпедском округе Литвы, Поморском воеводстве Республики Польша, Калининградской области Российской Федерации. Общая цель исследования — изучение миграционных процессов и оценка влияния миграции на социально-экономическое развитие приграничных территорий, анализ существующих на страновом и региональном уровнях практик миграционного регулирования, выработка рекомендаций по совершенствованию миграционного менеджмента. Результаты проведенных исследований представлены в данной статье.

During 2007—2008 staff of the IKSUR together with their colleagues from the Gdansk and Klaipeda Universities have been conducting a complex migration research in near-boundary regions of three countries, namely in Klaipeda county in Lithuania, Pomorskie Voivodship in the Republic of Poland and the Kaliningrad region of the Russian Federation, within the framework of the project “A new approach to migration regulation in the south-eastern Baltic Sea region: the European context”. The research was aimed at examination of migration processes and estimation of migration influence on socio-economic development of the near-boundary territories, analysis of existing practices of migration regulation both at state and regional level, elaboration of recommendations on improvement of the migration management. The results of conducted within the project research are presented in the article.

Приграничные территории Литвы (Клайпедский округ), Польши (Поморское воеводство), Российской Федерации (Калининградская область), входящие в регион Юго-Восточной Балтики, являются активными участниками европейских интеграционных процессов. В каждой из частей региона процессы глобализации способствуют интенсивному развитию социальной и экономической жизни, в том числе усилению сложных процессов миграции. Рост локальных и региональных экономик в условиях интеграции усилил потребность в человеческих ресурсах, что создало дополнительный стимул для проведения миграционных политик, направленных на сохранение и развитие человеческого потенциала. Сходные демографические проблемы (особенно в Литве и Калининградской области), выраженные в демографической убыли населения, сделали вопрос сохранения и наращивания человеческого потенциала за счет миграции чрезвычайно актуальным. Вместе с тем миграционная политика Литвы и Польши как стран-членов Европейского союза направлена на создание общего европейского рынка труда и достижение свободного движения рабочей силы в пределах ЕС. При вхождении в ЕС новые государства столкнулись с серьезными проблемами миграционного оттока на открытые рынки труда европейских стран. Сальдо миграции в этих странах за последние годы имеют отрица-

тельные значения, а недостающий для растущих экономик трудовой потенциал восполняется притоком временных трудовых мигрантов в основном из других восточноевропейских государств. Так, с целью стабилизации ситуации на внутреннем рынке труда с 2007 г. Польша проводит так называемую «политику голубых карт», которая значительно упростила процедуру трудоустройства на польские предприятия временных трудовых мигрантов из России, Белоруссии и Украины.

Калининградская область, имея особое геополитическое положение (приграничность, эксклавность, отсутствие свободных транспортных связей с Россией, изолированность регионального рынка труда и подготовки кадров, не позволяющая в полной мере использовать внутрироссийское перераспределение рабочей силы), реализует активную иммиграционную политику. Областная миграционная программа направлена на привлечение и всестороннюю адаптацию необходимого количества как постоянных, так и временных трансграничных мигрантов. Потребность в дополнительных трудовых ресурсах обусловлена растущим спросом региональной экономики и крупных инвесторов на квалифицированную рабочую силу.

Миграционные процессы между Литвой, Польшей и Калининградской областью имеют определенную историю. В рамках существования Советского Союза шло плановое перераспределение рабочей силы между республиками (Литвой и регионами РФ), отдельными отраслями. В пределах Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) существовал обмен специалистами в пределах государств социалистического лагеря. После распада Советского Союза вновь складывающиеся экономики новых государств имели производственные связи, что нашло выражение в движении инвестиций (на первом этапе польских и литовских инвестиций в экономику Калининградской области), создании совместных предприятий и как результат активной приграничной миграции в регионе Юго-Восточной Балтики в начале 1990-х гг.

Проект ставил задачу ответить на вопрос о сегодняшнем уровне трансграничной миграции в пределах региона Юго-Восточной Балтики и роли границы в этом процессе. Еще один важный аспект затрагивали проведенные в рамках проекта исследования. А именно, как на небольшом пространстве региона Юго-Восточной Балтики взаимодействуют два взаимно дополняющих друг друга процесса — глобализации и локализации или регионализации. Как локальные особенности проявляются в процессах свободного движения рабочей силы? Они тормозят или способствуют этому процессу? Какие последствия испытывают регионы в ответ на проявление глобализации посредством усиления миграции?

Комплексное исследование миграционной ситуации в Калининградской области включало в себя:

- анализ региональной миграционной статистики и демографический прогноз с учетом сложившихся в регионе миграционных трендов;

- обзор ситуации на рынке труда и политика региона по привлечению временных трудовых мигрантов;

- интервью с руководителями предприятий и организаций по оценке потребности в специалистах и готовности к трудоустройству переселенцев;

- выборочное социологическое обследование населения по вопросам отношения к мигрантам и миграционным процессам;

- анализ реализации в области Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Калининградскую область соотечественников, проживающих за рубежом;

- выборочное социологическое обследование прибывающих в регион мигрантов;

- обзор законодательных актов по миграции и опрос депутатов Калининградской областной думы по вопросам законодательных инициатив.

Часть исследований проводилась по согласованной участниками проекта методике, что позволило проводить сравни-

тельный анализ, в частности, результатов выборочного социологического обследования населения в трех приграничных районах, ситуации на рынке труда, законодательства в области миграции и действующих миграционных политик.

Анализ миграционной статистики Калининградской области за 2000—2006 гг. показал, что за исследуемый период объемы миграции по сравнению с периодом 1990-х гг. существенно снизились, что не способствовало компенсации демографической убыли населения региона, в результате чего с 1999 г. общий прирост населения имеет отрицательные значения. Минимальный миграционный прирост за этот период приходился на 2003—2005 гг., некоторый рост миграционного сальдо, а также улучшение демографических показателей произошли в 2006 г. (рис. 1).

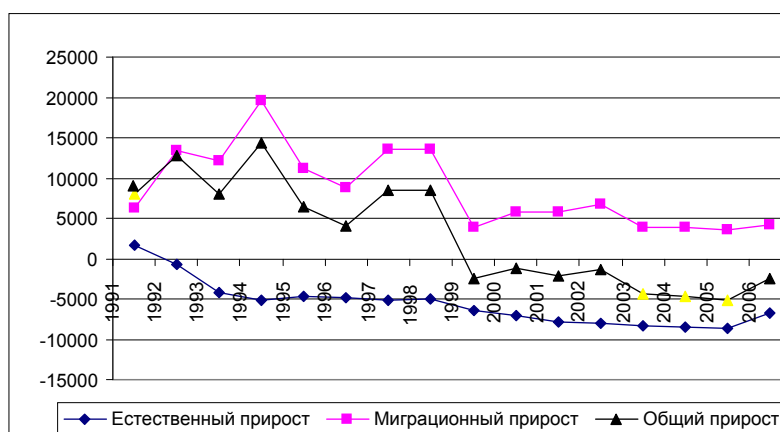

Рис. 1. Соотношение естественного, миграционного и общего прироста населения Калининградской области, 1991—2006 гг., тыс. чел. [2]

Характер объемов и направлений миграции показывает, что максимальный миграционный динамизм за последние семь лет обеспечивали страны СНГ, среди них Казахстан,

Киргизия, Узбекистан, Украина. Существенно за этот период (в 20 раз) снизились выбытия из региона в страны дальнего зарубежья, чему во многом способствовала стабилизация экономического положения (рис. 2).

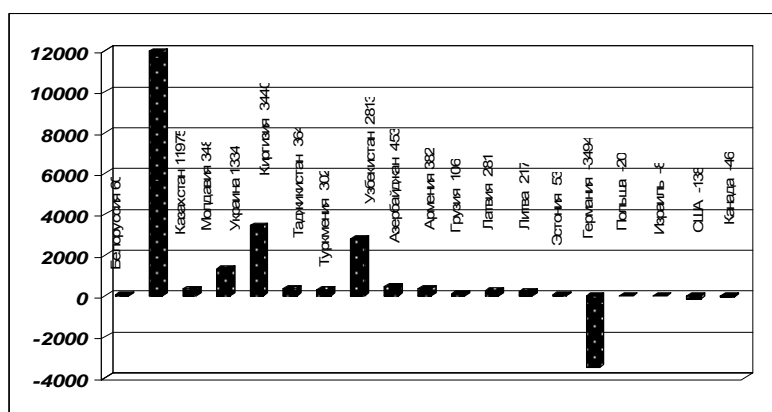

Рис. 2. Суммарный миграционный прирост по странам, 2001—2006 гг., чел. [1; 2]

Внутрирегиональная миграция направлена из восточных депрессивных районов области в западные, что способствует перемещению населения в областной центр и прилегающие к нему районы и в конечном итоге развитию Калининградской городской агломерации. Возрастные характеристики миграции показывают увеличение в потоках мигрантов в последние годы лиц трудоспособного возраста как из регионов России, так и стран СНГ. Гендерные оценки позволяют говорить о дальнейшей феминизации миграционных процессов. Национальный состав миграции при общем преобладании в потоках мигрантов лиц русской национальности стал более пестрым. В списке народов, формирующих калининградский социум, увеличилась доля коренных национальностей стран СНГ, значительной миграционной мобильностью обладали также немцы, татары, мордва.

Несмотря на снижение миграционного прироста, Калининградская область по сравнению с Поморским воеводством Польши и Клайпедским округом Литвы имеет все же положительное сальдо миграции, которое обеспечивается в большей степени притоком населения из стран СНГ, в меньшей — из других регионов России и соседних государств (рис. 3).

Рис. 3. Динамика миграционного движения населения по направлениям миграционных потоков, 2000—2006 гг., тыс. чел. [1; 2]

Суммарный миграционный прирост с Литвой за 2001—2006 гг. остается положительным и составил 217 человек, но это значительно меньше, чем в 1990-е гг. (только за 1995 г. в регион из Литвы прибыли 463 мигранта), с Польшей отрицательный (–20 человек) (рис. 2). Такие снижения объясняются, с одной стороны, исчерпанием резерва русскоязычного населения в Прибалтийских государствах, которое доминировало в региональных прибытиях в середине 1990-х гг., с другой — ориентированностью жителей Польши и Литвы после вступ-

ления в ЕС на открытые рынки западноевропейских государств в условиях отсутствия границ и иных барьеров. По данным официальной статистики Республики Польша, в 2006 г. количество эмигрантов превысило число иммигрантов в Поморском воеводстве в 5 раз. Схожая ситуация в соседней Литве, где, по данным официальной государственной статистики, последние семь лет отрицательное сальдо миграции, максимальные значения которого приходятся на 2004—2005 гг., когда эмиграция из страны превысила иммиграцию почти в три раза. Некоторое увеличение возвратной миграции произошло за последние два года с 7745 тыс. в 2006 г. до 8609 тыс. в 2007 г., но за этот же период возросла и эмиграция тоже на тысячу выбытий). Причем выбытия в основном молодого поколения усугубляют и так сложную демографическую ситуацию низкой рождаемости и высокой смертности населения (за последние три года смертность устойчиво превышает рождаемость в 1,4 раза) [5].

Анализ ситуации на региональном рынке труда Калининградской области показывает существенное снижение как официально регистрируемой безработицы (в 2007 г. она составила 1,3 % от экономически активного населения), так и безработицы, определяемой по методике МОТ (4,9 % от экономически активного населения). По данным Министерства социальной политики и труда Калининградской области, в настоящее время резерв свободной рабочей силы в регионе практически исчерпан. Уровень использования трудового потенциала в зонах экономического роста достигает 86 %. Снижение уровня безработицы сопровождается ростом количества заявляемых вакансий, который устойчиво каждый год превышает 15 %. Общее число свободных рабочих мест по итогам 2006 г. составило 46 тыс. и продолжает расти. Дефицит кадров становится реальным тормозом экономического развития региона, в связи с чем предприятия области вынуждены ежегодно привлекать более 10 тыс. иностранных рабочих. Основные поставщики работников в экономику региона — бывшие среднеазиатские республики — Узбекистан, Киргизия, Таджикистан,

из которых в общей сложности привлекается 40 % мигрантов в основном для строительной отрасли. Почти 20 % специалистов запрашивается из Украины. Они в большинстве своем востребованы на судостроительных заводах и в строительстве. В транспортной и строительной отрасли в 2008 г. увеличился запрос на работников из Литвы по сравнению с предыдущим годом почти в 2 раза, Польши в 4 раза, Турции в 1,5 раза. В связи с развитием кожевенной и обувной промышленности растет количество запрашиваемых специалистов обувного дела из Китая (в 5 раз больше по сравнению с предыдущим годом). В целом соотношение заявок по визовым и безвизовым странам выглядит в пропорции 78 % (страны СНГ) и 22 % (визовые страны ближнего и дальнего зарубежья). Общее количество профессий и должностей, которые указываются в заявках работодателей, составляет более чем 200 наименований. Среди них большую часть составляют рабочие профессии (132), в первую очередь строительные, на втором месте по заявкам — водители автотранспорта, большой процент составляют подсобные рабочие, грузчики, обработчики рыбы, продавцы. Анализ статистики по данным от работодателей заявок за три последних года показывает усиливающуюся тенденцию приглашения в регион не только специалистов рабочих профессий, растет число запрашиваемых управленческих кадров. Так, в заявке на 2008 г. из 70 заявленных должностей специалистов, включающих 348 требуемых работников, 88 составляет директорский корпус от генерального директора предприятия до технического и директора филиала, 23 — начальники отделов и участков. Но самый большой дефицит испытывают предприятия в инженерных кадрах, мастерах, прорабах, заведующих производством, технологах.

Особенность рынка труда и трудовой миграции в Калининградской области по сравнению с другими регионами страны связана с тем, что значительное число невостребованных экономикой региона специалистов направляется на временное трудоустройство за границу. По данным статистики

Управления Федеральной миграционной службы, в 2006 г. было трудоустроено за границей 7,2 тыс. калининградцев, в 2007 г. — 7,9 тыс. В течение 2007 г. большая часть работников выехала в Либерию (14%), Нидерланды (8,6%), на Багамские острова (8%), в Грецию и на Кипр (по 7%), в Норвегию (6,3%), Германию (5,7%), Сингапур (5%). Среди бывших советских республик странами приема трудовых мигрантов из Калининградской области были Латвия (5%) и Грузия (2%) [4]. Российские мигранты работают в основном на морском транспорте и на промышленных предприятиях, связанных с морским рыболовством и переработкой рыбы. Большая часть выехавших на работу за границу, имели высшее и среднее специальное образование, 59% были в возрасте от 30 до 49 лет, 98% составляли мужчины. Незначительная женская часть работников, в основном студенты, были заняты в США. Сложившаяся ситуация свидетельствует о достаточно высокой трудовой мобильности жителей самого западного региона России, их конкурентоспособности и востребованности на международном рынке труда.

В рамках проекта были опрошены руководители 20 предприятий и организаций, подписавших трехсторонние соглашения с Правительством области о трудоустройстве переселенцев. В их числе как крупные промышленные предприятия, составляющие основу экономики городов и районов области, так и предприятия малого и среднего бизнеса, государственные организации и учреждения, в основном социальной направленности. Цель обследования заключалась в исследовании потребности в специалистах, готовности работодателей предоставить организованные рабочие места и анализе возникающих трудностей, с которыми сталкиваются работодатели при трудоустройстве переселенцев.

Количество предоставляемых рабочих мест со стороны обследованных 20 предприятий составило 3060 вакансий. Спектр вакансий чрезвычайно велик: от работников сельского хозяйства (механизаторы, животноводы, ветеринары), образования (один из районных отделов народного образования зая-

вил, что ему необходимы 15 учителей) и здравоохранения (две районные поликлиники нуждаются в 34 специалистах-врачах узких специализаций), до рабочих (швеи, электросварщики, сборщики корпусов, слесари-электрики, токари, электромонтеры, маляры, шлифовщики, подсобные рабочие) и инженерных специальностей. Большая часть из опрошенных работодателей выражали надежду на приезд именно переселенцев, особенно в сельскую местность для работы в учреждениях социальной сферы, аграрного сектора. Но возможности удержать у себя специалистов из-за низких по сравнению с областным центром заработных плат, отсутствия жилья или средств за его поднаем у предприятий и организаций чаще всего нет. Такой сильный разброс в заявляемых вакансиях свидетельствует о серьезной разбалансированности регионального рынка труда и рынка образовательных услуг. Часть специалистов, которые востребованы работодателями и запрашиваются как мигранты, можно приглашать из имеющихся в регионе. Отсутствие стимулирующих механизмов закрепления в первую очередь в сельской местности как для своих работников, так и для тех, кто прибывает в регион, а также неразвитости систем переобучения по ряду специальностей, да и во многом низкой мотивации работника к переобучению, способствует продолжающемуся оттоку из аграрных районов области в город. Одна из самых острых проблем — это жилищная обустроенность. Есть смысл проработать вопрос строительства работодателями собственного служебного маневренного жилищного фонда с предоставлением его для своих работников, в том числе и для переселенцев. Нужно полностью использовать трудовой потенциал области, включая разработку законодательных актов по амнистированию нелегальных рабочих и более активное налаживание взаимодействия между предприятиями и учебными заведениями, направленного на подготовку специалистов, востребованных на региональном рынке труда.

Сложилась ситуация, когда реальное развитие региональной экономики и желание управленческих структур обеспечить экономический рост форсируют миграционный приток. С

другой стороны, это желание, а также конкретные действия в рамках миграционного регулирования (разработанные в центре механизмы регулирования наталкиваются на региональную специфику) не до конца учитывают как адаптационное поведение самих мигрантов, так и принимающего сообщества. Существует опасность, что нарастающие объемы трудовой иммиграции (по предварительным заявкам работодателей потребность в привлечении иностранных работников в 2009 г. составляет 40 тыс. вакансий, что почти в 4 раза больше, чем было запрошено на 2008 г.) могут спровоцировать социальное напряжение. Поэтому одними из главных задач в области дальнейшего исследования миграции в регионе стоят задачи выявления и всестороннего изучения факторов, оказывающих влияние на объемы и направления трансграничных миграционных потоков, анализ конкретных случаев социально-экономической адаптации трудовых мигрантов, степени подготовленности принимающего сообщества к людям другой национальности, вероисповедания, языка, культуры.

Не менее острая ситуация сложилась на рынке труда у наших соседей в Польше и Литве. Значительные объемы эмиграции из Польши были вызваны долгое время высоким уровнем безработицы и оказывали положительное воздействие на экономику, так как снижали давление на социальную сферу, способствовали росту заработных плат, легализации в теневых секторах. С 2007 г. при достаточно высоких еще показателях безработицы (11,6 % в Поморском воеводстве), но и при значительном миграционном оттоке произошло повышение спроса на работников и проблемы с набором кадров, по оценкам польских экспертов, испытывает сегодня 52,3 % фирм воеводства [6]. Эмиграция из блага становится все более тормозом для экономики, а решение проблемы структурной безработицы и растущей с каждым годом потребности в специалистах решается сегодня за счет внутренних миграций, а также либерализацией миграционного законодательства по отношению к близлежащим странам Восточной Европы, в первую очередь

Украине, Белоруссии, России. Отток из Литвы населения молодых трудоспособных возрастов также снизил давление на региональный рынок труда. Безработица с 2000 г. сократилась в три раза и составила в 2006 г. 5,6% от экономически активного населения. Уровень безработицы варьирует в пределах от 6—7 до 1%. Причем в соседнем с Калининградской областью Клайпедском округе она меньше 4%, а в самой Клайпедзе — 2,7%. Сокращение резерва трудоспособного населения, сопровождаемое миграционным оттоком населения и ростом спроса со стороны экономики, вызывает острую потребность в кадрах.

В целом, исходя из анализа ситуации на рынке труда и миграционных процессов в Калининградской области и соседних с ней приграничных районах Польши и Литвы, можно говорить о том, что в регионе Юго-Восточной Балтики усиливается конкуренция в борьбе за трудовые ресурсы. В будущем разрабатываемые механизмы в области миграционного регулирования будут направлены в первую очередь на удержание трудового потенциала своих территорий, а также создание условий для привлечения и закрепления дополнительных людских ресурсов. В выигрыше останутся те территории, где эффективнее будет проводиться весь комплекс социальных программ. Конкуренция региональных рынков труда становится все более конкуренцией социальных политик отдельных стран и регионов, что ставит перед бизнесом, управленческими структурами, в целом перед социумом много новых задач.

Выборочное социологическое обследование населения Калининградской области (в 19 муниципальных образованиях) по вопросам отношения к мигрантам и миграционным процессам проведено среди 1077 жителей в соответствии с подготовленной простой случайной квотной выборкой. В обследовании участвовали все возрастные группы, жители городов и сельской местности в соответствии с рассчитанной квотой.

Результаты опроса показали, что население региона осторожно относится к миграционным процессам и к политике по

активному привлечению мигрантов и переселенцев, которую проводит региональное правительство. Половина опрошенных считают, что мигранты не нужны в регионе, а почти 60 % полагают, что негативные процессы от миграционного притока будут и скажутся в первую очередь на повышении цен на жилье, росте преступности, снижении уровня заработных плат.

Результаты опроса позволили создать своеобразный портрет сторонников и противников миграции в регионе. К числу сторонников могут быть отнесены: респонденты с высшим образованием (31 % от их общего числа считают, что область испытывает потребность в переселенцах), жители области в возрасте от 35 до 44 лет (они чаще высказывали мнение о необходимости в области мигрантов, чем более молодые люди и люди старшего возраста), респонденты, имеющие социальный статус «предприниматель» или «представитель органов власти», жители сельских районов (почти 33 % их полагают, что переселенцы в области нужны и 14,6 % говорят о том, что негативных последствий от притока мигрантов определенно не будет), респонденты, проживающие в Калининградской области с 1992 г. (почти 40 % из них считают, что переселенцы в области необходимы). К числу противников миграции могут быть отнесены: жители области со средним профессиональным и средним общим образованием (56 % респондентов со средним общим образованием считают, что в области нет потребности в мигрантах), молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет (около 40 % опрошенных в этом возрасте ответили, что в результате миграционных процессов будут негативные последствия), респонденты, имеющие социальный статус «учащийся, студент» или «безработный», жители малых городов области (55,6 % проживающих в районных центрах области считают, что в области переселенцы не нужны), уроженцы и приехавшие в область до 1992 г. (всего 20,9 % уроженцев Калининградской области ответили, что приток переселенцев необходим для области и почти 60 % уверены в обратном).

Более толерантными по отношению к мигрантам в результате подобного опроса выглядят ответы жителей Поморского воеводства Польши. Более 30 % респондентов заявили о необходимости притока иностранной рабочей силы для поддержания экономического развития региона. Респонденты с большим доходом позитивно относятся к притоку мигрантов. Большинство респондентов соглашались с утверждением, что «приток иностранной рабочей силы принесет региону перемены к лучшему». Мигранты для жителей Гданьска ассоциируются в первую очередь с приехавшими в регион из Западной Европы квалифицированными специалистами управленческого звена, чьи усилия способствуют развитию польской экономики. Приветствуют поляки и эмиграцию как возможность найти более оплачиваемую работу и экономически поддерживать свои семьи. Оценки иммиграционных процессов жителями Клайпедского округа Литвы оказалась близкими к ответам калининградцев. Более половины принявших участие в опросе жителей Клайпедского округа считают, что иммиграция не нужна и только 12 % полагают, что она необходима. Значительная часть респондентов высказала мнение, что при увеличении иммиграции возрастут социальные проблемы, возрастут преступность, конкуренция на рынке труда.

На фоне недостаточного толерантного отношения калининградского социума к активным миграционным процессам, в регионе тем не менее осуществляется масштабная программа по привлечению добровольных переселенцев в рамках реализации Государственной программы (далее Программа). Ее активная реализация началась во второй половине 2007 г. и на сегодняшний момент среди 12 субъектов РФ, участвующих в Программе, Калининградская область приняла большую часть лиц, которые за это время прибыли в Россию в качестве переселенцев. На конец марта 2008 г. из 1600 прибывших в Россию соотечественников наш регион принял 1060 человек, на начало июня переселенцев уже насчитывалось 1451, две трети из которых прибыли в 2008 г.

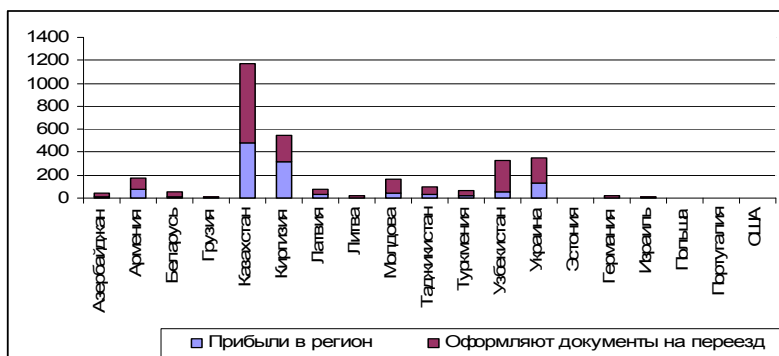

Рис. 4. Количество прибывших в регион переселенцев, получили уведомление и оформляют документы на переезд на 06.05.2008 г. [4]

Среди переселенцев большая часть — это бывшие жители Казахстана (39%), Киргизии (26%), Украины (10%), Армении (6%), Узбекистана (4,5%). Меньший поток из Прибалтийских государств — 30 переселенцев из Латвии, 4 — из Литвы, 2 — из Эстонии (рис. 4). Оформляют документы на переезд еще около 70 жителей трех Прибалтийских государств, 21 — Германии. Большая часть тех, кто в ближайшее время воспользуются Программой для переезда в область, — это жители Казахстана и государств Средней Азии. Для приема и адаптации переселенцев в регионе создан Центр временного размещения (п. Северный Багратионовского района) и Государственное учреждение «Миграционный центр», учредителем которого выступило Правительство Калининградской области в лице Министерства по развитию территорий и взаимодействию с органами местного самоуправления. Сотрудники Миграционного центра ведут согласования с муниципальными структурами по приему переселенцев, оказывают им содействие в поиске работы, информируют о возможностях найма или покупки жилья, занимаются размещением остро нуждающихся в Центре временного размещения. Окончательные согласования

на их прием в регионе проводят сотрудники Министерства по развитию территорий и взаимодействию с органами местного самоуправления. На Управление Федеральной миграционной службы возложены отдельные элементы координации Программы, оформления всех необходимых для получения статуса переселенца и гражданина РФ документов и финансовое обеспечение полагающихся переселенцам подъемных средств.

В рамках Проекта было опрошено 50 переселенцев, проживающих в Центре временного размещения. Ниже приведены выдержки из их ответов. Проблемы, с которыми им пришлось столкнуться, следующие:

— **Правовые:** оформление документов требует значительных финансовых затрат, особенно переводы (до 13 тыс. рублей), все подъемные идут на оформление нужных бумаг, желательно быстрее получить гражданство, обнаруживаются ошибки при подготовке документов в местах выезда, что требует поездки на прежнее место жительства, а денег на дорогу нет, много времени уходит на оформление.

— **Трудоустройство:** принят по согласованию через Программу трактористом, когда приехал, оказалось что место проживания далеко от места работы, работодателя это не устроило, занимаюсь поиском работы самостоятельно. Обещали работу с хорошим заработком, а трудоустроился только на 8 тыс. рублей. Необходима сертификация квалификации работника здравоохранения в Москве, Санкт-Петербурге или Смоленске, нет денег туда поехать.

— **Жилищное обустройство:** дорогое жилье, обещали земельные участки льготно, а сейчас с аукциона, ипотека от 6 месяцев работы с доходом от 33 тыс. на двух членов семьи, налоги 30 % как с иностранных граждан. Пытаюсь договориться с работой, но без жилья получаю отказ.

— **Медицинское и социальное обслуживание:** медосмотр платный, дорогой, проблема устройства детей в детский сад.

Общую тональность ответов отличает то, что переселенцы ожидали более существенную от государства поддержку (хотя таковая в документах Программы не предусмотрена), не предполагали, что будут серьезные проблемы с поиском работы с

достойным заработком и приемлемого по оплате жилья. Приходится говорить и о том, что многие переселенцы приезжают с очень незначительной суммой денег, надеясь на выплаты, большая часть которых (по их же ответам) уходит на оформление документов. Завышенные со стороны переселенцев ожидания могут быть частично объяснены неправильной или неполной подачей информации в местах выезда.

Механизм реализации Программы возлагает принятие решений по адаптации мигрантов на региональные власти. При этом региональные бюджеты к этому не готовы. Вместе с тем Правительство Калининградской области уже затратило значительные средства из своего бюджета на реализацию Программы. Так, строительство и поддержание Центра временного размещения осуществляется за счет регионального бюджета, так же как и деятельность специально созданного для работы с переселенцами Миграционного центра. Среди последних предложений регионального правительства в целях создания привлекательных условий для переселенцев и регулируемого расселения их по территории области — субсидирование процентной ставки по ипотечным кредитам за счет предприятий инвесторов, приглашающих работников. За счет средств бюджета области планируется финансировать создание инженерной и социальной инфраструктуры в восточных муниципальных образованиях. Кроме того, планируется осуществлять ипотечное кредитование и связанное с ним финансирование за счет бюджетных средств предоставлением субсидий молодым семьям на приобретение жилья, в том числе на погашение первоначального взноса при получении ипотечного кредита или займа для приобретения жилья или строительства индивидуального жилого дома. Региональные власти на базе бывших военных городков планируют создать еще дополнительно несколько центров временного размещения переселенцев, где они будут обеспечиваться жильем сроком до трех месяцев. В общей сложности все центры смогут принять одновременно до 2 тыс. человек.

Ход реализации Программы на территории региона показал, что необходимо внести в механизм ее реализации существ-

венные коррективы. Они должны коснуться как федерального, так и регионального компонента. С учетом значительных объемов миграции есть смысл подумать о разработке в Калининградской области областного закона о миграционной политике, который устанавливал бы дополнительные льготы и правила обустройства переселенцев. Для обеспечения переселенцам гарантированной работы (с заранее согласованным размером заработной платы) следует наладить более четкую координацию потребностей инвесторов и работодателей в прибытии добровольных переселенцев по готовности ввода в строй предприятий. С этой целью необходимо создать базу данных и вести постоянный мониторинг потребностей в специалистах в соответствии с планами инвестиционных проектов. Предусмотреть в законодательном порядке заключение между предпринимателем и добровольным переселенцем (мигрантом) договора о трудоустройстве в соответствии с Гражданским кодексом РФ, с привлечением государственных органов в качестве третьей стороны. Это позволит установить четкие юридические рамки и создать механизм взаимной ответственности не только между сторонами, но и законом. Важно создать условия для жилищного обустройства переселенцев. С этой целью способствовать активному строительству ведомственного жилья, для чего внести предложение в Государственную думу о принятии закона об освобождении инвесторов от налогов на строительство социальной инфраструктуры. С целью профессиональной адаптации переселенцев предусмотреть в региональном бюджете ассигнования для их переобучения.

В опубликованном Росстатом миграционном рейтинге регионов России за 2007 г. Калининградская область среди 83 субъектов РФ занимает восьмое место. Ее миграционный прирост в расчете на 10 тыс. населения (45,6) был почти равен приросту в Центральный федеральный округ (46,1) и Санкт-Петербург (46,1) [3]. Высокая миграционная привлекательность региона обусловлена как особенностями географического положения (близость к Европе, возможность приграничных контактов), так и экономическими факторами (возможности ОЭЗ для развития бизнеса, рост инвестиций, новых предпри-

ятий и их потребности в недостающих людских ресурсах). Важным фактором, способствующим поддержанию миграционного прироста, стала проводимая в регионе активная миграционная политика. Вместе с тем область находится в динамично развивающемся регионе стран Балтийского моря, где в ближайшее время в силу демографических и интеграционных процессов будет усиливаться конкурентная борьба за трудовые ресурсы, их профессиональный и квалификационный уровень. Без серьезных комплексных социальных программ по сохранению собственного демографического потенциала, усилению миграционной привлекательности региона, адаптации уже прибывших в регион переселенцев, ожидать наращивания трудового потенциала в ближайшее время не следует. Анализ реализации миграционных стратегий показал необходимость дальнейшего совершенствования миграционного законодательства, в том числе его региональной и муниципальной составляющей, мониторинга и анализа проходящих процессов. Кроме того, важен учет тенденций международной миграции и рассмотрение ее влияния на весь комплекс региональных социальных и экономических показателей.

Список источников

1. *Демографический ежегодник, 2004* // Стат. сборник Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. Калининград, 2004.
2. *Демографический ежегодник, 2007* // Стат. сборник Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. Калининград, 2007.
3. *Миграционный рейтинг регионов России* / «REGNUM». [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/995992.html>
4. *Оперативная информация* Управления Федеральной миграционной службы России по Калининградской области.
5. *Economical and Social Development in Lithuania*//Statistics Lithuania, 2008/1. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.stat.gov.lt/en/catalog>
6. *Pomorskie Obserwatorium Rynky Pracy: raport 5/2008/* red. Marcin Novicki; zespol aut. Jacek Fundowicz. Gdansk: Instytut Badan nad Gospodarka Rynkowa, 2007.

**МИГРАЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ,
СТРАН РЕГИОНА БАЛТИЙСКОГО МОРЯ
И СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПРАКТИКИ
РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ**

Elke Knappe
Leibniz-Institut für Länderkunde, Leipzig

Migration and Citizenship — an Example from Germany

Рассматриваются проблемы миграции и получения гражданства в Германии. Автор констатирует факт проживания в Европе многочисленных групп этнических и национальных меньшинств, в связи с чем обсуждаются проблемы интеграции и ассимиляции иностранцев. Сравнивается миграционная ситуация в Западной Германии и на территории бывшей ГДР. Описываются основные причины миграции и ее виды. Затрагивается вопрос о юридическом статусе мигрантов. Делаются следующие выводы: так как большая часть мигрантов проживает на западе Германии, в восточных частях существует некий страх перед мигрантами; принимая во внимание демографическую и экономическую ситуацию, необходим приток мигрантов в немецкое общество, в связи с этим следует разработать политический курс, нацеленный на натурализацию.

The article deals with the problem of migration and citizenship in Germany. The author stated that there are numerous ethnic and national minorities in Europe. So there are problems connected with integration and assimilation of foreigners. And the case of Germany is very interesting. The migration situation in Western Germany and the former GDR countries is being compared in the paper. Here main causes for migration as well as different types of migration are described. Also the author brings up a problem of legal status of migrants. Finally the author makes the following conclusions: 1. most of foreigners live in the Western part of Germany that's why in eastern areas the fear for migrants exists; 2. taking in account the demographical and economic situation the inflow of migrants is necessary for the German society; 3. so special policy aimed at naturalization should be elaborated.

Introduction

Numerous ethnic and national minorities inhabit Europe to a greater or lesser extent. Consequently, associated problems such as integration and segregation, assimilation and preservation exist. For example they know the case of Hungarians in Slovakia and Rumania the Russians in the Baltic countries (Fig. 1), Germans are living in many countries.

Due to the enlargement of the European Union and the European integration process the mobility of the population increased. Not all member countries of the European Union are confronted with a similar migration pressure from outside. The figure 2 shows the net migration in Eastern Europe the migrants from eastern countries are mostly migrating for work reasons. An important aspect of the East-West migration is the tendency towards short term or commuting migration...

The case of Germany is very interesting, because there are two different situations. While in Western Germany are living many migrants from Turkey, Italy, Greece since more then 40 years, in the former GDR the situation was completely different.

Migrants in Eastern Germany

In the former GDR migrants came from Vietnam, Cuba, Hungary and Poland for example to work and to learn some professional skills. This persons came with a special contract for a certain time — after this normally they returned to their home country.

An other case were the students coming from abroad — from European countries but also from Africa and Latin America. They also studied in the GDR with the option to return after the examine. Normally it was not wanted that the students or workers stood for a longer time in the GDR

This situation has been reinforced by the German reunification which resulted in new migration challenges. This is a complicated and intricate process.

First and almost are living less migrants in the new German Countries then in the old one (about 7 millions foreigners in Western Germany, about 300.000 in Eastern Germany). Also they come from other home countries: from Vietnam, Russia, Poland and other East European countries for example.

Main causes for migration:

- Economic crisis in the home land/ less possibilities to earn a good salary
- Ethnic refugees
- Family reunion
- ecological crisis.

Against the background of the demographic change (less births) they can see an out migration from East to West Germany. This movement is characterized by the fact, that mostly the younger, good skilled population leave the Eastern part of Germany. As consequence it is not only a population loss in terms of the number of inhabitants, it also is a brain drain, associated with negative economic consequences. As result 70 % of the population loss in Eastern Germany is the consequence of the east-west-migration (Friedrich & Schulz, 2006). Fig.3 shows the east-west-migration of the younger population and clearly they can see the difference between the new and old German countries. The increasing percentage of elderly people creates a demand for labour which most likely will have to be met by migrants from abroad. This is not only for low qualified jobs, also exists a demand for highly — skilled workers. The incoming persons belong to different groups:

- Short-term migrants
- Long-term migrants.

The short time migrants have the idea to work for some time abroad, in most of the cases they are coming alone without the family. Their aim is to earn money (more then in their sending country) and to return after some time: may be one season, may be 3 or 4 years. The temporary migrants are highly motivated in sending remittances home to invest or to insure the family at home against risks.

In case of long-term migrants the situation is different. They are coming together with the family or the family comes later. The migrants must decide in which dimensions they will integrate themselves in the new society. The topic “integration” plays a prominent role in many European countries. This has also to be understood against the background of the demographic development. In the future the population growth depends on net migration and the public and many policy makers associate a number of negative economic and social consequences with the inflow of migrants.

In case of the long-term migrants an important question is their official or legal status — will they ask for citizenship or not. The discussion about this is controversial both in Germany and between the migrants.

On one hand it seems to be the best way for a successful integration but on the other hand exists fear of too much strange elements in the receiving country, first of all if the migrants are coming from outside of Europe. Comparing the share of naturalization in Europe (Tab. 1) we can see, that Germany has a low share of naturalization.

*Table 1***Share of naturalization in some European countries (%) in 2005**

State	Share of naturalization of the migrants living in the country
Sweden	8,2 %
Hungary	6,9
Slovakia	6,2
United Kingdom	5,8
Norway	5,8
Finland	5,1
Austria	4,4
Netherlands	4,1
Denmark	3,8
Belgium	3,5
Switzerland	2,6

Миграционное законодательство России и стран Балтийского региона

Spain	2,1
Germany	1,7
Czech Republic	0,8
Luxembourg	0,5
Portugal	0,2

Source: OECD, International Migration Outlook 2007

In 2005 we had a share of 8,8% foreigners living in Germany, only Luxembourg (39,3), Switzerland (20,3) and Austria (9,7) had a higher share in Europe.

Taking in account that nearly half of the foreigners, residing in Germany have lived here for 20 years or more, the policy on foreigners is focused on integration of the migrants who are living in Germany permanently. These includes special language courses and social counselling services specifically for foreigners. The core of this policy is to integrate the foreigners by nationalization. So the migrants can active take part in public actions and decisions. Like it shows the table, the share of naturalization is low — but often the problem of nationalization is more a problem of information and bureaucracy and less a question of the intention of the foreigners.

An important role play the possibility to have two ore more citizenships. In Germany it depends from the other state — in case of the migrants from Turkey it isn't possible since 1999. So actually they have less Turkish migrants asking for nationalization.

Like mentioned earlier, the difference in number and share of naturalization in Germany is very different in the Germany countries. Table 2 shows the difference in the share of naturalization in the German countries.

Table 2

Share of naturalization in Germany

Country	Share of naturalization (%)
Schleswig-Holstein	2,85
Bremen	2,32

Rheinland-Pfalz	2,22
Niedersachsen	2,16
Hessen	1,95
Nordrhein-Westfalen	1,92
Hamburg	1,86
Saarland	1,77
Berlin	1,73
Mecklenburg-Vorpommern	1,37
Sachsen-Anhalt	1,14
Bayern	1,14
Baden-Württemberg	1,12
Thüringen	0,96
Sachsen	0,51
Brandenburg	0,49

Source: Statistisches Bundesamt 2007.

It is obvious that the new countries (the former GDR) generally have a very low share of naturalization. Of course, many migrants are living only since 1991 in the eastern part of Germany, so the idea to ask for naturalization is not so popular..

The economic situation of the foreigners in Eastern Germany is not very good — they are often unemployed. Table 3 is underlining this situation.

Table 3

**The share of unemployment in the new German countries
at the end of 2006**

German new countries	Unemployed oreigners	Total unemployed population
Brandenburg	34,60 %	16,50 %
Mecklenburg-Vorpommern	45,00 %	18,00 %
Sachsen	40,10	16,40
Sachsen-Anhalt	42,70 %	17,40 %
Thüringen	36,30 %	14,40 %

Source: Statistische Ämter des Bundes und der Länder, [www. statistik-portal. de](http://www.statistik-portal.de).

Before and during the process of the EU-expansion they discussed in a very heated atmosphere the problems of a high share of East-West-migration. Looking to the absolute migration movement it seems more or less a-balanced situation for Germany: In 2006 they had an out-migration of 697.632 persons and an incoming migration of 780.175 persons. The five new countries had a small migration loss. In 2006 went out (abroad) 52.450 persons and from abroad came 51,200 persons. (Statistisches Bundesamt, www.destatis.de).

Conclusions

8,8 % foreigners live in Germany, most of them in the Western part. Related with this is the question of integration of the migrants and their families. The naturalization is one of the ways to open possibilities to take part in public actions and decisions, but until now the share of naturalizations is low.

The problem of the five new German countries is that there lived in the past only few foreigners and so exist the fear of the migrants, that they are job killers etc.

But taking in account the demographic situation it will be essential for the future economic and social development that people from abroad is coming to work and live in Germany.

First and alsmost the policymakers, but also the active population must create an atmosphere of understanding, that migrants not only look to get social welfare, they also can be highly qualified specialists — important for the further economic development and can enrich the cultural life.

References

1. *Bridges, Barriers and Images. Regions in Eastern Europe* (2007): Cross-border Relations. p. 20—21. Leibniz-Institut für Länderkunde (ed), Leipzig.
2. *Friedrich, K.* (2008): 16 Jahre innerdeutsche Ost-West-Migration — eine Einführung in die Transformation eines geschlossenen Migrationsregimes in die Postmoderne. In: Friedrich, K., Schultz, A. (ed.): Brain

drain oder brain circulation? Konsequenzen und Perspektiven der Ost-West-Migration, p. 13—20. (Forum IfL 8.

3. OECD (2007): International Migration Outlook. Paris.

4. Statistisches Bundesamt (2007): Einbürgerungen 2006. Wiesbaden.

Internet-Sources:

www.destatis.de).

www.statistik-portal.de.

Baltic states

Change in ethnic structure

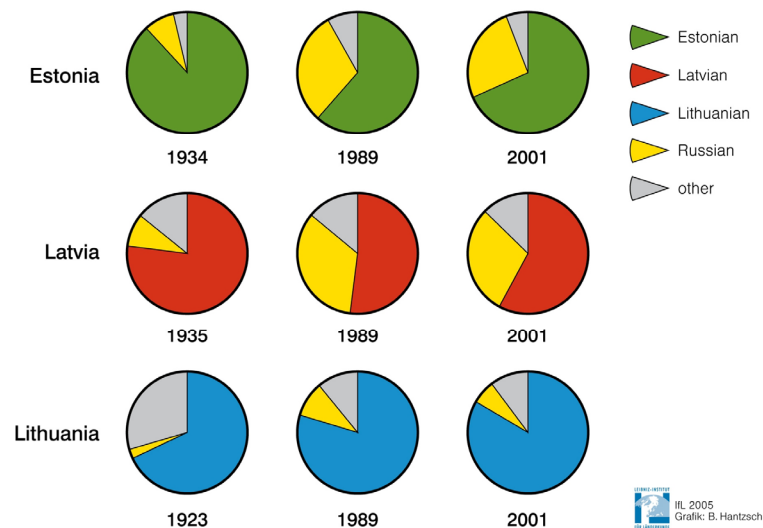

Fig.1: Ethnic structure in the Baltic States

Source: Bridges, Barriers and Images. Regions in Eastern Europe (2007): Cross-border Relations. P. 20.

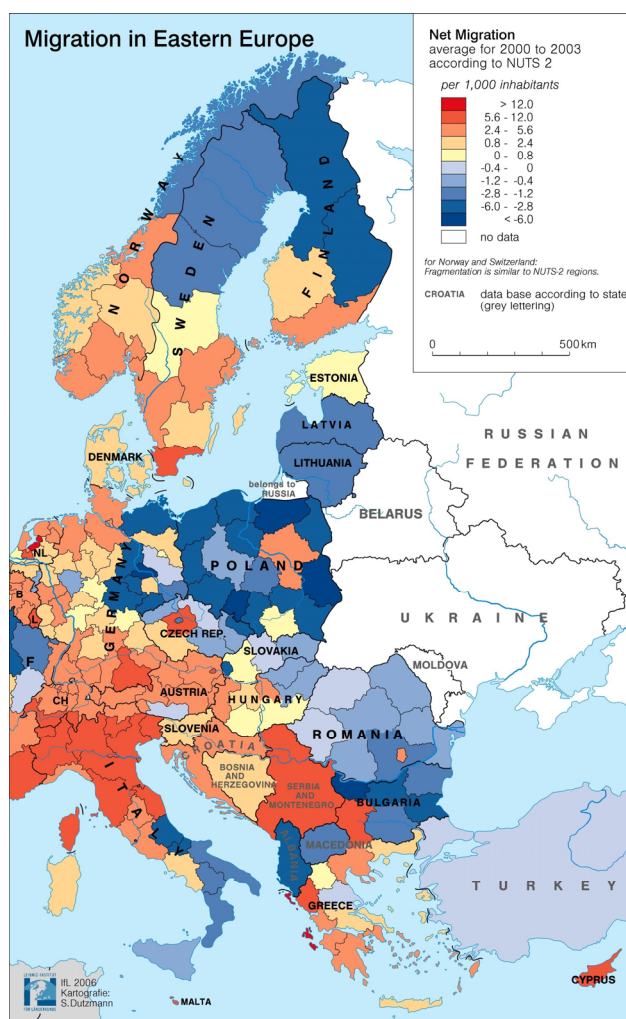

Fig. 2: Migration in Eastern Europe

Source: Bridges, Barriers and Images. Regions in Eastern Europe (2007): Cross-border Relations. P. 21.

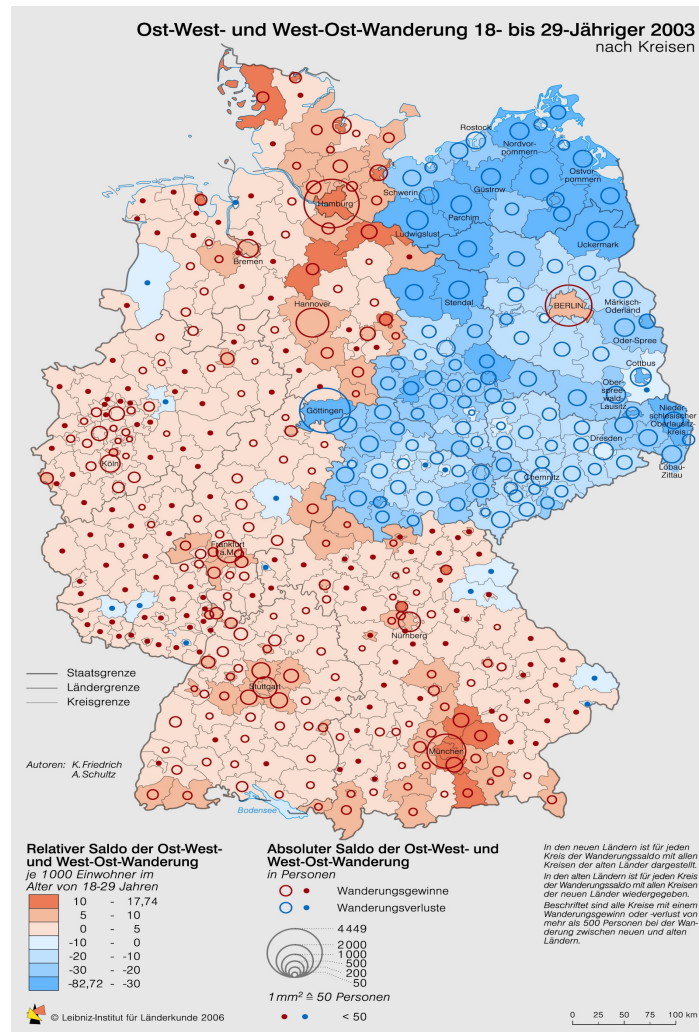

Fig. 3: East-West and West-East-Migration of younger people (18—29 years) in 2003 in Germany
Source: Friedrich, K. (2008). P. 17.

Т. В. Шевцова
Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН, Москва

О результатах и последствиях либерализации нового миграционного законодательства в России

Анализируется практика реализации нового иммиграционного законодательства в Российской Федерации. Делается попытка оценить достоинства и недостатки новаций в миграционном законодательстве. Показывается, что как новое законодательство, так и правоприменительная практика имеют ряд недостатков, которые снижают эффективность миграционной политики в России.

This paper analyzes the new immigration law practice in Russian Federation. It seeks to evaluate the advantages and disadvantages of the innovations in migration legislation. The analysis indicates that both the new legislation and the new law practice have defects which impede the effectiveness of the migration policy in Russia.

Больше года в Российской Федерации действует новое иммиграционное законодательство, позволившее переломить многие негативные тенденции в развитии миграционной ситуации. Однако уже с самого начала введения новых миграционных правил стало очевидно, что существует определенный разрыв между желаемыми (предполагаемыми) и реальными последствиями предпринятой в стране реформы в регулировании миграционных процессов.

На основе оценки результатов реализации нового миграционного законодательства в рамках поддержанного РГНФ проекта (грант № 08-02-18011е) мы рассмотрим позитивные и негативные стороны новаций в миграционной сфере, покажем, что как в самом новом законодательстве, так и в его практике применения существует ряд недоработок, препятствующих проведению в Российской Федерации эффективной миграционной политики.

Положениями принятого иммиграционного законодательства введен либеральный режим управления миграцией, устранены многие бюрократические барьеры при получении разрешения на трудовую деятельность, созданы более благоприятные условия для приема мигрантов и их легализации. С принятием ряда новых законодательных документов существенно упрощены правила регистрации прибывающих в страну иностранных граждан. Их учет ведется теперь по совершенно иному принципу — не разрешительному, а уведомительному. О прибытии в Россию мигрантов принимающая сторона может уведомить властные структуры и через отделения почтовой связи.

Определенные преимущества предоставлены для иностранных граждан, прибывших в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы. Для них упрощены процедуры получения статуса временно проживающего и разрешения на работу. Работодатели вправе использовать трудовых иммигрантов из стран с безвизовым режимом и имеющих разрешение на работу без получения разрешения на привлечение иностранных работников.

Новациями в миграционной сфере усилено государственное регулирование рынка иностранной рабочей силы. Установлены квоты для трудовых мигрантов, прибывающих не только из стран, с которыми у нас визовый режим, но и для рабочей силы из безвизовых стран ближнего зарубежья. Для безвизовых стран введена более детальная процедура квотирования по приоритетным профессионально-квалификационным группам. Путем установления допустимой доли иностранных работников введены ограничения в занятости для гастарбайтеров в отдельных секторах экономики. Одновременно в целях борьбы с нелегальной миграцией и незаконной занятостью иностранных граждан многократно ужесточены санкции за нарушение миграционного законодательства, в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях внесены изменения, цель которых — превентивное

воздействие на работодателей, использующих труд иммигрантов с нарушением установленных правил.

С изменением правового регулирования миграции наметились определенные подвижки в решении вопросов пребывания и занятости иностранных граждан. Реализация принятого законодательства имела важные экономические и гуманитарные последствия, сопровождалась антикоррупционным эффектом. Резко увеличилось число обращений за разрешительными документами иностранных граждан и лиц без гражданства, въехавших в Россию в безвизовом порядке.

Свои позитивные результаты дали меры, направленные на противодействие незаконной миграции, вывод из сферы теневой экономики иностранных работников. Более жесткие меры заставили работодателей гораздо чаще переходить на легальное оформление иностранных рабочих, заключать с ними официальные трудовые договоры. Перевод миграции из нелегального русла в легализованное пространство усилил социальную защищенность трудовых мигрантов.

Однако с принятием нового иммиграционного законодательства России полностью решить основные миграционные проблемы не удалось. Как в области миграционного учета, так и в части оформления разрешений на работу введение новых правил не вполне достигло ожидаемых результатов.

В условиях уведомительной системы миграционного учета государство в значительной мере потеряло важные рычаги в регулировании направлений, объемов и качества трудовых миграционных потоков. Несмотря на устойчивую тенденцию сокращения незаконной миграции, ее масштабы остаются все еще значительными. В результате проведенной реформы в сфере регулирования миграционных потоков большая часть трудовых мигрантов по-прежнему остается бесконтрольной. В системе управления миграцией нет четкого механизма отслеживания выбытия трудовых мигрантов из страны. Информация о том, сколько же в действительности мигрантов работает в регионах и на российской территории в целом, не стала более достоверной.

Ряд проблем возник в связи с решением задачи приоритетного использования на рынке труда национальных трудовых ресурсов — разрешение на занятость мигрантам выдается без согласования с региональными службами занятости. В связи с отсутствием антидемпингового законодательства по оплате труда миграция дешевой иностранной рабочей силы подрывает основы формирования в стране цивилизованного рынка труда.

Весьма сложная проблема связана с определением потребности в иностранной рабочей силе и неэффективностью действующего механизма определения квот, что приводит к накоплению в крупных городах невостребованных трудовых мигрантов. Между началом сбора заявок работодателей об их потребности в привлечении иностранных работников и окончательным утверждением размеров квот проходит почти год, в течение которого ситуация на рынке труда меняется. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что возможность привлечения работодателями иностранных работников никак не зависит от того, подавали они заявки или нет.

К числу актуальных проблем, связанных с пробелами и недоработками в миграционном законодательстве, относится проблема прохождения трудовыми мигрантами медицинского обследования и получения ими соответствующих медицинских заключений. Существующие реалии таковы, что уровень заболеваемости мигрантов достаточно высок, а многие из них являются носителями инфекционных заболеваний (гепатита, туберкулеза, сифилиса и СПИДа и др.), представляющих серьезную опасность для окружающих. Однако медицинское обследование проходят лишь те иностранцы, кто заключил договор с работодателем на длительный срок.

К этому следует добавить, что значительная часть мигрантов работает без медицинских справок вообще либо по поддельным разрешительным документам.

Очевидно, для того чтобы оградить в этой связи регионы от мигрантов, являющихся носителями опасных инфекционных заболеваний, необходимо внести изменения в действующее законодательство, поставив условием выдачи разрешений

на занятость предварительное обязательное прохождение медицинского обследования всеми категориями мигрантов. Целесообразно также расширить перечень опасных заболеваний, носители которых должны выдвигаться из страны.

Таким образом, мы видим, что новые федеральные законы, касающиеся миграционной политики, в целом прогрессивны. Вместе с тем значительная часть миграции по-прежнему остается бесконтрольной. В практике реализации миграционного законодательства всплыли многочисленные проблемы, которые достаточно остры и требуют дальнейшей проработки.

А. В. Косс

***Российский государственный университет им. И. Канта,
Калининград***

**Приобретение гражданства Российской Федерации
вследствие рождения лица на территории России
в советский период: некоторые аспекты
применения действующего законодательства**

Статья посвящена современным коллизиям, возникающим в результате применения законодательства о гражданстве. В России сложилась правоприменительная практика применения ч. 2 ст. 13 Закона о гражданстве 1991 г. лишь в отношении не имеющих гражданства другой страны уроженцев РСФСР, выехавших в советский период в республики бывшего СССР и впоследствии вернувшихся на постоянное место жительства в Россию. Такая редукция нормы юридически необоснованна и поставила в трудное положение многих наших соотечественников, приобретших в соответствии с Законом о гражданстве 1991 г. гражданство по рождению и вынужденных фактически заново приобретать гражданство России по другим основаниям. Автор обращает внимание на необходимость изменения такой правоприменительной практики.

The article deals with modern challenges arisen at the process of Law of citizenship implementation. In Russia there is law practice of part 2 article 13 of the Law of citizenship 1991 implementation only in rela-

tion to those natives of the Russian Soviet Federative Socialist Republic who are not citizens of other countries, who left for the Republics of former USSR in a Soviet period and later returned for permanent citizenship to Russia. Such reduction of a norm is legally unfounded. It put into difficulties a lot of our compatriots who accrued citizenship on birth according to the Law of citizenship 1991 and now have to accrue Russian citizenship again on other basis. The author pays attention to the necessity for changing such law practice.

Гражданство является одним из базовых правовых институтов современного общества. После распада Советского Союза Российская Федерация официально заявила о преемственности российской государственности по отношению к советской. Одним из важнейших вопросов выражения данной преемственности стал вопрос гражданства.

Действительно, гражданство СССР было единым и в советском праве к концу 80-гг. XX столетия не существовало определения гражданства той или иной республики Советского Союза. Появление 15 новых государств естественным образом поставило перед российским законодателем срочную задачу создания нового правового института — института российского гражданства.

Закон «О гражданстве РСФСР», принятый 28 ноября 1991 г., установил порядок и основания приобретения гражданства. В соответствии с ч. 1 ст. 12 Закона гражданство РСФСР в том числе приобреталось¹:

а) в результате его признания². Во-первых, гражданами РСФСР признавались все граждане бывшего СССР, постоянно проживающие на территории РСФСР на день вступления в силу Закона³, если в течение одного года после этого дня они не заявили бы о своем нежелании состоять в гражданстве РСФСР. Во-вторых, лица, родившиеся 30.12.1922 года и позд-

¹ Впоследствии в Закон неоднократно вносились изменения и дополнения.

² Статья 13. Признание гражданства РСФСР.

³ Закон вступил в силу 06.02.1992 г.

нее и утратившие гражданство бывшего СССР, считались состоявшими в гражданстве РСФСР⁴ по рождению, если родились на территории РСФСР⁵ или если хотя бы один из родителей на момент рождения ребенка был гражданином СССР и постоянно проживал на территории РСФСР⁶. Признание лица гражданином имело единовременный и односторонний характер (лицу, проживающему в России, лишь давалась ограниченная по времени возможность официально заявить о своем нежелании состоять в российском гражданстве) и не предполагало какой-то специальной процедуры или какого-либо активного участия лица в признании его гражданином со стороны России;

б) по рождению. Законом была введена система норм, регулирующих приобретение российского гражданства в случае рождения ребенка. Так, родившийся на территории РСФСР ребенок являлся гражданином РСФСР, если его родители состояли в гражданстве других республик, входивших в состав СССР по состоянию на 01.09.1991 г., или иностранных государств и если эти республики или государства не предоставляют ребенку своего гражданства; ребенок же, родившийся на территории РСФСР от лиц без гражданства, являлся также гражданином РСФСР;

в) в порядке его регистрации. Был предусмотрен ряд оснований, при наличии которых лицо могло приобрести гражданство путем добровольного волеизъявления, как правило, в течение определенного временного периода;

⁴ Следует обратить внимание на следующую разницу в подходах: лица, проживающие на территории РСФСР, *признаются гражданами с момента вступления в силу Закона*, а лица, родившиеся на территории РСФСР в период существования СССР, *считаются состоявшими* в гражданстве РСФСР по рождению (подразумевается с момента рождения — такое толкование содержится в решении Конституционного суда № 12-П от 16.05.1996 г.).

⁵ Под территорией РСФСР понималась территория РСФСР по состоянию на дату их рождения.

⁶ Статьи 14—17.

г) в результате приема в гражданство. Вводилась процедура рассмотрения и удовлетворения ходатайств от различных категорий лиц о приеме в гражданство;

д) в результате восстановления в гражданстве РСФСР;

е) путем выбора гражданства (оптации) при изменении государственной принадлежности территории и по другим основаниям, предусмотренным международными договорами РСФСР.

Важным обстоятельством являлось введение нормы о невозможности прекращения гражданства России иначе как в случае добровольного волеизъявления лица.

Подчеркнем, что нормы Закона 1991 г. были сформулированы не вполне четко, даже первичный их анализ показал их размытость и внутреннюю коллизионность (что особенно пагубно в практике правоприменения). Несколько ограничив сферу нашего анализа, мы увидим, что Закон 1991 г. фактически подразделял для своих целей граждан СССР на несколько категорий (в зависимости от места рождения и факта постоянного проживания). Отнесение конкретного лица к той или иной категории давало возможность квалифицировать его статус как гражданина России либо дать возможность лицу выбора варианта приобретения российского гражданства путем волеизъявления (например, регистрации или ходатайства о приеме):

Граждане бывшего СССР	Родившиеся на территории России 30.12.1922 г. и позднее	Не родившиеся на территории России 30.12.1922 г. и позднее
Постоянно проживающие на ее территории по состоянию на 06.02.1992 г.	Ч. 1 ст. 13 Закона 1991 г. Ч. 2 ст. 13 Закона 1991 г.	Ч. 1 ст. 13 Закона 1991 г.
Постоянно не проживающие на ее территории по состоянию на 06.02.1992 г.	Ч. 2 ст. 13 Закона 1991 г.	Ст. 18 п. «Г» Закона 1991 г. Ст. 19 Закона 1991 г.

Как мы видим, квалификация в отношении лиц, которые и родились, и постоянно проживают в России, была инвариантна и неоднозначна. Впоследствии правоприменитель устранил де-факто данную квалификационную коллизию следующим образом: при выдаче документов, удостоверяющих гражданство Российской Федерации (в подавляющем большинстве случаев — вкладышей, свидетельствующих о принадлежности к гражданству Российской Федерации), такие лица признавались гражданами лишь в соответствии с ч. 1 ст. 13 Закона.

Девяностые годы охарактеризовались значительными миграционными процессами, в результате которых большое количество наших соотечественников вернулось из государств, образовавшихся на территории бывших республик СССР. Именно в это период правоприменитель (органы внутренних дел и органы Министерства иностранных дел) фактически редуцировал применение ч. 2 ст. 13 Закона 1991 г. и в отношении лиц, родившихся в России, но не проживавших постоянно по состоянию на 06.02.1992 г. на ее территории. Эти лица, проживавшие в большинстве случаев в государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР, обращались с целью приобретения российского гражданства в посольские и консульские учреждения, где их, как правило, не признавали, а регистрировали в качестве граждан России в соответствии со ст. 18 п. «Г» Закона. Другая часть этой категории бывших граждан СССР переехала после 06.02.1992 г. на постоянное проживание в Российскую Федерацию, и когда вставал вопрос о гражданстве органы внутренних дел также предлагали таким лицам пройти процедуру *регистрации* гражданства.

В этой связи особый интерес имеет дело А.Б. Смирнова. А.Б. Смирнов родился 09.12.1950 г. на территории РСФСР — Московской области. В 1979 г. он выехал в Литву на постоянное жительство. В 1992 г. Смирнов покинул Литву, 8 декабря того же года зарегистрировался по месту постоянного жительства в городе Химки Московской области. Паспортный отдел ГУВД администрации Московской области отказал А.Б. Смирнову в выдаче вкладыша к паспорту гражданина СССР, свиде-

тельствующего о принадлежности к гражданству Российской Федерации, мотивируя это тем, что Смирнов не проживал постоянно на территории Российской Федерации и, следовательно, не может быть признан гражданином России. Смирнову было предложено приобрести гражданство путем регистрации в соответствии со ст. 18 п. «Г» Закона 1991 г. Смирнов, настаивая на признании себя гражданином России по рождению и пройдя соответствующие судебные инстанции, оспорил конституционность п. «Г» ст. 18 закона Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» в Конституционном суде.

Конституционный суд Российской Федерации 16.05.1996 г. вынес Постановление №12-П по делу о проверке конституционности пункта «Г» ст. 18 закона Российской Федерации «О гражданстве российской федерации» в связи с жалобой А. Б. Смирнова. Суд в том числе постановил:

«Признать не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 6 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 55 (часть 2) пункт «Г» статьи 18 Закона Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» в части, распространяющей правило о приобретении гражданства Российской Федерации путем регистрации на лиц, которые:

- родились на территории, входившей на момент их рождения в состав территории Российской Федерации;
- являлись гражданами бывшего СССР;
- не изъявили свободно своего желания прекратить принадлежность к гражданству Российской Федерации;
- выехали ранее на постоянное жительство за пределы Российской Федерации, но в пределах бывшего СССР;
- не являются гражданами других государств (входивших в состав бывшего СССР);
- и впоследствии вернулись на постоянное жительство в пределы Российской Федерации.

Пункт «Г» статьи 18 закона Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» противоречит в указанной части Конституции Российской Федерации, поскольку неопределенность содержания данной нормы и ее понимание в правоприме-

нительной практике не исключают распространение процедуры приобретения российского гражданства в порядке регистрации на лиц, состоявших в силу части 2 статьи 13 данного Закона в гражданстве Российской Федерации по рождению».

Важным обстоятельством является тот факт, что, наряду с положительным эффектом, фактически Конституционный суд своим решением запутал правоприменителя. Административная и судебная практика применения постановления свелась к тому, что компетентные органы, признавали уроженцев России ее гражданами лишь при выполнении указанных условий. Практикой стали случаи признания российского гражданства в отношении уроженцев России, получивших впоследствии гражданство других государств.

Вообще, следует подчеркнуть, что признание уроженцев России ее гражданами, будучи заявленным формально, не состоялось фактически, что обрекло многих наших соотечественников (особенно с ужесточением миграционного законодательства, имеющего место с 2001 г.) на дополнительные лишения морального (а зачастую и материального) характера.

В качестве свидетельств данного утверждения можно привести, например, формулировку п. «а» ч. 2 ст. 14 закона от 31.05.2002 г. «О гражданстве Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 11.11.2003 № 151-ФЗ):

«Иностранные граждане и лица без гражданства, проживающие на территории Российской Федерации, вправе обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке без соблюдения условия о сроке проживания, установленного пунктом "а" части первой статьи 13 настоящего Федерального закона, если указанные граждане и лица <...> родились на территории РСФСР и имели гражданство бывшего СССР».

Действительно, если лицо родилось на территории РСФСР и имело гражданство бывшего СССР, тогда оно уже приобрело гражданство России в порядке признания в соответствии с ч. 2 ст. 13 Закона о гражданстве 1991 г., не могло его утратить в результате приобретения гражданства другой страны.

В то же время рассматриваемое Постановление Конституционного суда содержало как в описательной, так и в резолютивной части ряд принципиальных положений, важных для толкования норм о гражданстве:

1. Признание принадлежности к гражданству Российской Федерации не требует ни каких-либо действий со стороны граждан, ни вынесения по этому вопросу какого бы то ни было решения государственными органами.

2. Лица, родившиеся 30 декабря 1922 г. и позднее и утратившие гражданство бывшего СССР, состояли в российском гражданстве уже с момента рождения и в силу ст. 6 (ч. 3) Конституции Российской Федерации не могут считаться лишившимися этого гражданства, если только не утратили его по собственному свободному волеизъявлению.

3. Такие лица считаются состоявшими в российском гражданстве по рождению не только в прошлом, до утраты ими гражданства бывшего СССР, но и после этого они продолжали и продолжают сохранять российское гражданство вплоть до момента, пока оно не будет прекращено на основании их собственного волеизъявления.

Само по себе это означает, что указанная редукция нормы была необоснованной.

Президент России, принимая решения об удовлетворении ходатайств о приеме в гражданство, довольно часто разрешает этот вопрос в отношении уроженцев России. Так, например, указом №45 от 15.01.2004 г. Президент удовлетворил ходатайства о приеме в гражданство Российской Федерации девяти уроженцев России, что, видимо, неправомерно.

В качестве примеров из практики, с которыми неоднократно сталкивался автор настоящей статьи в своей практической работе, можно привести следующие случаи⁷.

⁷ Аппаратом Уполномоченного по правам человека в Калининградской области зафиксировано в 2002—2007 гг. несколько десятков таких случаев. Более подробно см.: Доклады Уполномоченного по правам человека в Калининградской области о соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Калининградской области за 2003—2007 годы.

О., уроженка Ростовской области (1967 г.), в 1980 г. переехала с родителями в Казахскую ССР, где проживала до 2002 г., затем переехала в Московскую область на постоянное место жительства. В 1999 г. перед переездом получила паспорт гражданина Республики Казахстан. В России в 2002 г. обратилась в органы внутренних дел с целью разрешения вопроса о признании ее российского гражданства. Результат — в признании гражданином отказано со ссылкой на Постановление Конституционного суда № 12-П от 16.05.1996 г. — невыполнение требования об отсутствии гражданства другого государства.

К., уроженка Казахской АССР (1930 г. — в период, когда Казахская АССР входила в состав РСФСР). Прожила в Казахстане до 2001 г., казахстанского гражданства не приобретала, затем переехала в Россию, Калининградскую область. С 2002 г. неоднократно обращалась в органы внутренних дел для обмена паспорта. Результат — признана лицом без гражданства, в признании гражданином России отказано со ссылкой на Постановление Конституционного суда № 12-П от 16.05.1996 г. — отсутствие постоянной регистрации по месту жительства, что не подтверждает факт возвращения в Россию на постоянное место жительства и т. д.

Вопиющим является факт отказа со стороны органов внутренних дел в подтверждении гражданства Российской Федерации восьми несовершеннолетних сирот — воспитанников одного из интернатных учреждений Калининградской области, уроженцев России. Поводом для отказа также стало отсутствие постоянной регистрации по месту жительства.

В нескольких случаях отказы в признании гражданства оспаривались в судебных инстанциях, что также не привело к желаемому результату — суды признавали правомерность действий органов внутренних дел.

Итак, все вышеизложенное можно свести к следующему:

1. Бывшие граждане СССР, родившиеся на территории РСФСР после 30.12.1922 г., признаны Российской Федерацией своими гражданами с момента рождения, и их гражданство может быть прекращено лишь по собственному свободному волеизъявлению.

2. Данное утверждение справедливо и в отношении уроженцев России, приобретших впоследствии гражданство какого-либо иного государства. Это означает, что лица, приобретшие гражданство Российской Федерации с момента рождения и являющиеся гражданами какого-либо иного государства или государств, должны признаваться Российской Федерацией только своими гражданами.

3. После принятия Закона о гражданстве 1991 г. в России сложилась правоприменительная практика применения ч. 2 ст. 13 Закона лишь в отношении не имеющих гражданства другой страны уроженцев РСФСР, выехавших в советский период в республики бывшего СССР и спустя время вернувшихся на постоянное место жительства в Россию. Впоследствии данная практика была закреплена рядом нормативных документов и актов применения.

4. Такая редукция нормы юридически необоснованна и поставила в трудное положение многих наших соотечественников, приобретших в соответствии с Законом о гражданстве 1991 г. гражданство по рождению и вынужденных фактически заново приобретать гражданство России по другим основаниям.

Список литературы

1. Авакьян С. А. Гражданство Российской Федерации. М., 1994.
2. Басик В. Приобретение и прекращение гражданства Российской Федерации // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. 2003. № 54. С. 100—124.
3. Блинов А. Б., Чаплин Н. Ю. Гражданство России: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2002. № 4. С. 3—4.
4. Власенко И. Б. Институт гражданства в Российской Федерации // Осуществление политической и правовой реформ в Российской Федерации. М., 1997. Вып. 5. С. 79—95.
5. Калинин В. Н., Смородин Н. М. Развитие законодательства о гражданстве Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2003. № 3. С. 40—43.

6. Кутафин О.Е. Российское гражданство: Монография. М., 2003.

7. Смородин Н.М. Основания и порядок приобретения гражданства Российской Федерации // Закон и право. 2003. № 5. С. 59—61.

8. Тюнина И.И. Изменение оснований приобретения гражданства Российской Федерации // Студенты в правовой науке: Сб. науч. тр. Правовой режим законности: обеспечение и защита. Вып. 4. Воронеж, 2003. С. 123—130.

9. Чесовской Е.И. Судебная практика по вопросам приобретения (прекращения) гражданства РФ // Конституция Российской Федерации и развитие отраслевого законодательства: Материалы Межрегиональной науч.-практ. конф. Белгород, 2003. С. 148—151.

Ю.В. Мургин

**Управление Федеральной миграционной службы России
по Калининградской области**

Миграционное законодательство России и существующая практика регулирования миграции

Исследуются вопросы становления современного миграционного законодательства Российской Федерации. Отражены основные тенденции формирования миграционного законодательства России, которое, с одной стороны, адаптируется к международным стандартам регулирования правоотношений в сфере миграции, с другой стороны, учитывается специфика России на постсоветском пространстве. Автор делает акцент на практическую сторону применения действующих нормативных правовых актов в сфере миграционных отношений. При этом особое место уделяется оценке эффективности существующей системы регулирования и управления миграционными потоками, а также имеющимся механизмам предупреждения и пресечения незаконной миграции в Российскую Федерацию.

This article deals with the problem of formation of modern migration law in the Russian Federation. The main tendencies of Russian migration law formation which on the one hand adapts to international standards of migration regulation on the other hand Russian specific character on the «post Soviet» territory is taken into consideration — are reflected. The

author underlines the practical side of implementation of normative documents being in force in the sphere of migration regulation. At the same time special emphasize is paid to the effectiveness assessment of the functioning system of regulation, migration flows monitoring and existing mechanism of notification and prevention of illegal migration to the Russian Federation as well.

Миграция в той или иной степени охватывает большинство государств современного мира, оказывая при этом влияние на многие происходящие в стране правовые, политические, социальные явления и процессы. Перемещение населения — явление, которое в определенной мере носит естественный для природы человека характер, подчиняется закономерностям функционирования и развития общества, однако его условия существенно различаются в зависимости от эпохи и глобальных или локальных событий, оказывающих стрессовое воздействие на население, и вынуждают его к миграции.

Становление миграционного законодательства России приходится на начало 90-х гг. прошлого столетия, когда в Россию хлынули потоки мигрантов из бывших республик Советского Союза. Российская Федерация оказалась перед необходимостью в кратчайшие сроки, в «авральном режиме» разработать и принять миграционное законодательство и на его основе приступить к государственному регулированию данной проблемы.

Миграционная ситуация в России вызвала необходимость разработки основных направлений миграционной политики, формирования правовой сферы, создания учреждений соответствующих экспертных и исполнительных органов.

В 1992 г. был принят Закон о присоединении Российской Федерации к Конвенции ООН 1951 г. о статусе беженцев и Протоколу 1967 г., касающемуся статуса беженцев. Россия также присоединилась в этот период ко многим международным договорам, закрепляющим права и свободы человека: Всеобщей декларации прав человека, Международному пакту о гражданских и политических правах, Международной кон-

венции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Европейской конвенции о защите прав и основных свобод и др.

В 1993 г. принимаются федеральные законы «О беженцах», «О вынужденных переселенцах». Они готовились в условиях практически непрекращающегося оперативного приема и размещения десятков тысяч беженцев и вынужденных переселенцев, а также при ощутимой нехватке специалистов в этой области. Принятые в те годы законы не были экономически соотнесены с реальными возможностями государства по приему и размещению вынужденных мигрантов и вследствие этого носили во многом декларативный характер.

На сегодняшний день в российском законодательстве существует более десятка федеральных законов, свыше ста действующих указов Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, нормативных актов различных министерств и ведомств, несколько десятков межгосударственных и межправительственных соглашений.

Предпринятые в последнее время меры, связанные с совершенствованием правовых и организационных основ деятельности по противодействию незаконной миграции, несут в себе значительный потенциал для улучшения ситуации в сфере государственного регулирования миграционных процессов.

Вместе с тем либерализация миграционного законодательства, как показывает мировая практика, требует одновременного усиления мер иммиграционного контроля за въездом, выездом, транзитом и пребыванием иностранных граждан на территории Российской Федерации, который является основным механизмом регулирования миграционных процессов.

Современные миграционные потоки в Российскую Федерацию из стран СНГ и дальнего зарубежья (Ближнего и Среднего Востока, Африки и Азии), в том числе со сложной общественно-политической, экономической и санитарно-эпидемиологической обстановкой, носят, без преувеличения, масштабный характер. И хотя из года в год фиксируется существенное снижение числа прибывших в Россию из зарубежных стран,

число въехавших в Россию иностранных граждан стабильно превышает количество выехавших.

Несмотря на то что в миграционных потоках доминируют представители русского этноса (их потенциал в бывших союзных республиках формировался не один десяток лет), число прибывающих в Россию представителей иных национальностей, пытающихся в новой иноэтнической среде реализовать свой потенциал и определиться со своим будущим, тоже весьма внушителен. При этом значительные объемы миграционных потоков иностранцев далеко не во всех случаях носят вынужденный характер [2].

Миграционная обстановка в Российской Федерации остается напряженной. Ежегодно на территорию России прибывает более 20 млн иностранных граждан и лиц без гражданства, преимущественно из республик бывшего СССР. Вместе с тем часть иностранных граждан, въехавших в Россию на законных основаниях, остается на российской территории с нарушением установленных правил и переходит в категорию незаконных мигрантов. По экспертным оценкам, в настоящее время в России с нарушением правил пребывания находится около 10 млн иностранных граждан и лиц без гражданства. В настоящее время проблема незаконной миграции в России приобретает весьма острый характер: рост масштабов миграции, трудности в регулировании; тесное переплетение ее с проблемой лиц, ищущих убежища, и беженцев. Сегодня в России проблема незаконной миграции и поиск мер по ее противодействию стали важнейшей составляющей внутривнутриполитической жизни страны и в связи с этим провозглашены одним из приоритетных направлений деятельности государства.

Что такое нелегальная миграция? В первую очередь это колоссальный ущерб для страны, так как нелегальные мигранты не платят налогов, уклоняются от уплаты пошлин. Помимо уклонения от налогов, это еще незапланированная нагрузка на ЖКХ, медицину, транспорт и другие виды социума. Это одна из главных проблем, с которой приходится иметь дело органам внутренних дел и территориальным органам Федеральной

миграционной службы. Нестабильность политической обстановки в ряде государств мира, «прозрачность» российских границ со странами СНГ, недостаточная урегулированность вопросов въезда-выезда и ряд других причин приводят к массовому и во многом бесконтрольному наплыву в Россию всевозможных мигрантов. Выходцы из стран Африки, Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока, других регионов мира используют Россию в качестве транзита для проникновения в страны Западной Европы, а также для незаконного проживания на территории Российской Федерации. Многие из них пребывают на территории России длительное время из-за отсутствия действенной системы учета и контроля за перемещением иностранцев. Наибольшим вниманием незаконных мигрантов пользуются крупные города, экономически развивающиеся зоны и приграничные регионы.

Миграция населения предопределяет социально-экономические процессы не только нынешнего дня, но и более длительной перспективы. Изменение гражданской принадлежности населения влияет на экономику, культуру страны и в конечном счете сказывается на геополитическом климате. Проблемы миграции выходят за рамки деятельности миграционной службы только одного государства. Она имеет международно-правовой аспект. Учет традиций, психологии и культуры народов, гуманизм в отношении соотечественников требует от законодателей различных стран регулировать вопросы миграции сообща, исходя из интересов всех и каждого конкретного человека вне зависимости от его национальности.

Одним из приоритетных направлений миграционной политики является содействие привлечению иммигрантов в Российскую Федерацию исходя из интересов обеспечения экономики страны и ее регионов необходимыми трудовыми ресурсами. При этом предполагается как содействие возвращению в страну высококвалифицированных специалистов, так и разработка системы мер по натурализации и адаптации иммигрантов, вовлечению их в российский социум (в приоритетном по-

рядке — граждан стран СНГ). При этом существует необходимость разработки мер селективной миграционной политики (по отдельным странам, профессиям, квалификационным признакам), а также определение пропорций привлечения мигрантов на временной и постоянной основе. Планируя социально-экономическое развитие России на среднесрочную или долгосрочную перспективу, надо делать упор на переселение соотечественников. Как признали на первом Международном информационном форуме «Интеграция соотечественников — 2007», хотя в принятой Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» есть шероховатости и принята она с опозданием на добрый десяток лет, ее необходимость и польза очевидны [1].

Сегодня миграционная политика под давлением обстоятельств начинает гуманизироваться. Ключевым словом нового поворота является «легализация», то есть расширение правового поля миграции для облегчения легализации мигрантов в стране, приехавших как на время, так и постоянное жительство.

Анализируя предлагаемые в настоящее время изменения в миграционном законодательстве, направленные на либерализацию миграционной политики и снятие лишних административных барьеров, не стоит питать иллюзий по поводу возможностей планирования и регулирования потоков мигрантов в «нужном» для государства направлении. На данном этапе сложно, если не сказать практически невозможно, определить ежегодную потребность в привлечении трудовых мигрантов из других стран, тем более в разрезе специальностей и отраслей. Во-первых, нет подобных методик; во-вторых, никто не обладает достаточными знаниями рынка труда, значительная часть которого, особенно в так называемых «мигрантских» отраслях, лежит в зоне неформальной экономики; в-третьих, неизвестен потенциал внутренней миграции и пр.

В развитие миграционной политики вписываются новые законодательные инициативы. Несмотря на некоторые проблемы, существующие при исполнении миграционного зако-

нодательства, следует отметить, что оно в целом соответствует международно-правовым актам по защите прав человека. Государственная миграционная политика России должна иметь комплексный, всеобъемлющий характер, учитывать разносторонние аспекты, на деле стать одной из важнейших составляющих, определяющих степень демократизации и зрелости политической культуры общества.

С 15 января 2007 г. вступили в силу федеральные законы «О внесении изменений в федеральный закон "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" и признании утратившими силу отдельных положений федерального закона "О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации", "О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации"».

Эти законы в первую очередь направлены на обеспечение миграционной привлекательности Российской Федерации и формирование качественно нового административно-правового механизма учета иностранных граждан и лиц без гражданства. Их внедрение позволит нашему государству более эффективно управлять миграционными процессами, сократить нелегальную иммиграцию и в то же время существенно повысить уровень конституционно-правовых гарантий прав соотечественников и других категорий иностранцев, желающих трудиться и жить в Российской Федерации.

Нормы названных федеральных законов предоставляют преимущества в получении разрешений на временное проживание и трудоустройство гражданам иностранных государств, с которыми у Российской Федерации заключены соглашения о взаимных безвизовых поездках граждан.

Основной доминантой законов является строгое соблюдение конституционных и международно-правовых стандартов прав человека и гражданина. Они содержат новые для российского законодательства правовые категории, цели, принципы и содержание правовых механизмов сбора, обобщения, фиксации, использования и хранения необходимой информации о

миграционных процессах в стране с целью выработки и реализации государственной миграционной политики, обеспечения гарантий соблюдения прав человека в процессе осуществления миграционного учета.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях был дополнен рядом новых составов административных правонарушений в сфере трудовой миграции (ст. 18.15—18.17), которыми ужесточена ответственность работодателей, незаконно привлекающих к трудовой деятельности иностранцев. Введена ответственность за нарушение правил привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства к трудовой деятельности, осуществляемой на торговых объектах (в том числе в торговых комплексах), а также за несоблюдение установленных в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных организаций ограничений на осуществление отдельных видов деятельности.

Значительно повышен максимальный порог размеров административных штрафов, налагаемых за совершение ряда правонарушений, в том числе в сфере миграции. Установлен дифференцированный подход к определению размера административного штрафа в зависимости от количества незаконно привлеченных к трудовой деятельности мигрантов.

Анализ административной практики показывает, что из более 55 тыс. выдворенных в 2006 г. из страны по решениям судов иностранных граждан около 7 тыс. помещались до завершения процедуры выдворения в специальные помещения органов внутренних дел, условия содержания в которых вызывают критику общественности и правозащитных организаций [3].

Практика борьбы с преступностью незаконных мигрантов из числа иностранных граждан и лиц без гражданства убедительно показывает, что миграционное законодательство требует постоянного совершенствования.

Задачи правотворчества всегда стояли перед наукой с тем, чтобы совершенствование миграционного законодательства происходило на подлинно научной основе. Но для этого нуж-

но иметь как теоретическую базу в виде научных концепций, так и действенный механизм внедрения в законодательную практику предложений, соответствующих общественному сознанию и отражающих реальные социальные потребности.

Поэтому с принятием нового миграционного законодательства правотворческий процесс переходит на иную ступень, не заканчивается, а продолжает оставаться в центре внимания науки. Происходит постоянный процесс осмысления накопленного опыта работы над миграционным законодательством, как в методическом, так и содержательном и организационном аспекте.

Список литературы

1. *Ананьева Г.* «Нам нужны свои и насовсем // Земляки. 2008. № 4.
2. *Нечевина Н.Д.* Криминальная иммиграция как угроза национальной безопасности России // Российский следователь. 2005. № 8.
3. *Шкилев А.Н.* Миграция: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. 2006.

Е. П. Кулдышев,
координатор по международным связям
регионального отделения партии «Единая Россия»

О некоторых проблемах легализации мигрантов в РФ

Решая проблемы незаконной миграции, нельзя не говорить о легализации. После распада Советского Союза на территории России осталось много лиц, по тем или иным причинам не имевших гражданства РФ. Рассматриваются аспекты законодательного решения ситуации.

Solving the problems of illegal migration we can not leave aside legalization issues. After the collapse of the Soviet Union a lot of people

without Russian citizenship due to some reasons stayed on the territory of the Russian Federation. The article deals with some aspects of legislative solution of the situation.

Официально в мире зарегистрированы 5,8 млн человек без определенного гражданства. По оценкам ООН, их реальная численность — 15 млн (целая страна). Как сообщил в одном из своих выступлений директор ФМС России К. Ромодановский: «...абсолютной цифры нелегальной миграции в РФ нет. Раньше мы называли 10—15 млн человек. Эти показатели в два раза сокращены и на сегодняшний день число нелегальных мигрантов в России ориентировочно составляет 5—7 млн человек». В это число входят и люди без гражданства из числа бывших граждан СССР, оказавшиеся в положении нелегальных мигрантов после распада Советского Союза.

Такие люди есть и на территории Калининградской области. Поэтому процесс легализации, не имеющий для реализации законов прямого действия, должен помочь уменьшению числа нелегальных мигрантов не только в регионе, но и во всей России.

Следует отметить, что несмотря на легализацию законодательства, а по инициативе или при участии ФМС на федеральном уровне принято 7 законов, 8 указов и распоряжений Президента РФ, 28 постановлений Правительства, ситуация все еще сложная. Следует отметить, что работа УФМС РФ по Калининградской области в 2007 г. дала ощутимые результаты — легализовано 2800 человек.

Но в связи с несогласованностью, противоречивостью и необоснованной жесткостью российского законодательства о правовом положении иностранных граждан и о гражданстве значительная часть этих лиц оказались фактически бесправными.

Проживая в России по несколько лет, будучи обеспеченными работой, имея семьи и развитые социальные связи, все эти годы они считали себя частью российского общества.

Важно отметить, что значительную часть проживающих в России бывших граждан СССР составляют уроженцы России. Отдав лучшие годы жизни освоению и становлению окраин Советского Союза и затем возвратившись в Россию, многие из них также оказались выброшенными за пределы правового поля и находятся фактически без определенного правового положения.

Жесткие требования к условиям выдачи вида на жительство (предварительное проживание с разрешением на временное проживание, которое также сложно получить), квотирование, наличие самостоятельного жилья, источника значительного дохода, огромные сложности в оформлении регистрации (даже временной) в совокупности с большой коррупционностью законодательства до предела усложнили процедуру легализации значительного количества бывших граждан СССР.

Будучи полностью лишенными большинства социальных прав и возможности трудоустройства, многие бывшие граждане СССР вынуждены реализовывать свои права полулегально, боясь быть привлеченными к ответственности и выдворения за пределы России. В особенно тяжелом положении оказались нетрудоспособные лица указанной выше категории и иждивенцы, находящиеся на их содержании. Главная проблема возникла из-за несоответствия двух законов в вопросе документального подтверждения постоянного проживания бывших граждан СССР на территории Российской Федерации при изменении законодательства (1 ноября 2002 г.). Закон СССР «О правовом положении иностранных граждан в СССР» не возлагал на этих лиц обязанность получать вид на жительство в подтверждение своего постоянного проживания в СССР.

Они считались законно проживающими в России и без вида на жительство, до 1995—1997 гг. их без проблем регистрировали по месту жительства.

Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» установил обязательность наличия вида на жительство у всех иностранных граждан в подтверждение законности их проживания в России, и с

01.11.2002 г. превратил в нелегалов всех бывших граждан СССР, не имеющих разрешительных документов на проживание.

Проблема может быть частично решена принятием законопроекта о внесении изменений в федеральные законы «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и «О гражданстве Российской Федерации», разработанного Уполномоченным по правам человека в РФ в декабре 2004 г. Смысл данного законопроекта состоял в том, что постоянное проживание иностранного гражданина в России может быть подтверждено одним из следующих документов:

- видом на жительство;
- постановкой на учет по месту жительства;
- удостоверением переселенца либо свидетельством на переселение в Россию в соответствии с межгосударственными соглашениями Российской Федерации (при наличии документального подтверждения переселения);
- документами об убытии с прежнего места жительства и проживанием по новому месту жительства;
- при отсутствии этих документов — решением суда об установлении факта постоянного проживания на территории субъекта РФ.

Таким образом, при наличии одного из перечисленных документов (либо группы документов) иностранный гражданин или лицо без гражданства из числа бывших граждан СССР сразу может обратиться за приобретением гражданства или получить вид на жительство (в случае его отсутствия).

Серьезным препятствием в легализации бывших граждан СССР, проживающих в России, является квотирование выдачи разрешений на временное проживание. Квота определяет количество разрешений, которое может быть выдано в субъекте Федерации и устанавливается каждым субъектом самостоятельно. Без учета квоты разрешения на временное проживание выдаются:

- уроженцам РСФСР или России;
- признанным нетрудоспособными и имеющим дееспособных сына или дочь, состоящих в гражданстве Российской Федерации;

- имеющим хотя бы одного нетрудоспособного родителя, состоящего в гражданстве Российской Федерации;
- состоящим в браке с гражданином Российской Федерации, имеющим место жительства в Российской Федерации (с этой целью заключается много фиктивных браков);
- осуществившим инвестиции в Российской Федерации в размере, установленном Правительством РФ;
- поступившим на военную службу, на срок военной службы.

Проблема заключается в том, что даже в тех субъектах, где проживает значительное число иностранных граждан, размер квоты чрезвычайно маленький, что делает невозможной легализацию уже проживающих в стране иностранных граждан и лиц без гражданства. Например, в Москве на 2004 г. она составила всего 5 тыс. разрешений и была исчерпана уже к весне.

Что делать иностранным гражданам, не вошедшим в квоту? Причем даже имеющим жилье, работу и содержащим семьи. Предлагается, чтобы с учетом количества иностранных граждан, уже находящихся на территории каждого субъекта Федерации, Правительство РФ установило для каждого субъекта Федерации размер квоты, выше которого ее определять не допускается. Эта квота отвечает проблемам безопасности. Мы видим, что в Париже, Лондоне и ряде крупных городов ЕС то и дело вспыхивают беспорядки, где высокая концентрация приезжих привела к расовой национальной напряженности.

Для подачи документов на выдачу разрешения на временное проживание (а для лиц, зарегистрированных по месту жительства, — на получение вида на жительство) требуется представить документ о наличии дохода от не запрещенной законом деятельности, обеспечивающего прожиточный минимум. Заработная плата весьма значительной части населения России (тем более иностранных граждан и лиц без гражданства, особенно в отдельных регионах страны) не обеспечивает прожиточный минимум всем членам семьи, а в ряде случаев даже и самому заявителю (при отсутствии иждивенцев).

Кроме того, с большими проблемами сталкиваются одинокие малообеспеченные иностранные граждане, приобретшие право на пенсию (получившие инвалидность, потерявшие кормильца, лица предпенсионного возраста и др.), но которым пенсия не назначается по причине отсутствия вида на жительство. Получается замкнутый круг: нельзя назначить пенсию из-за отсутствия вида на жительство, а вид на жительство не выдается из-за отказа в назначении пенсии. Проблему не решает и установленное в постановлении Правительства РФ от 01.11.2002 г. № 789 право иностранного гражданина, имеющего право на пенсию, в качестве документа о наличии дохода предоставить пенсионное удостоверение. Эти лица не имеют такого удостоверения, поскольку в назначении пенсии им отказано.

Предлагается исключить из федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» требование о представлении документального подтверждения дохода размером не меньше, чем прожиточный минимум в расчете на заявителя и членов семьи. Следует оставить только требование представить документ о наличии дохода от не запрещенной законом деятельности и разрешительные документы на трудовую деятельность. С 1 января 2005 г. вступили в силу изменения в федеральный закон «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» от 15.12.2001 г. (ред. от 20.07.2004 г.) и право на пенсию в России получили иностранные граждане и лица без гражданства, не только постоянно, но и временно проживающие в Российской Федерации (ст. 7). Между тем в законы о пенсионном обеспечении, регулирующие основания возникновения права граждан на пенсии и порядок их назначения, (ст. 3 федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» от 15.12.2001 г. и ст. 3 федерального закона «О трудовых пенсиях» от 17.12.2001 г.), соответствующее изменение не внесено. Для защиты социальных прав иностранных граждан и лиц без гражданства требуется внести аналогичное изменение в два вышеназванных закона.

С неразрешимыми проблемами сталкиваются временно пребывающие в России лица без гражданства при утрате документа, удостоверяющего их личность (в основном паспорта гражданина СССР образца 1974 г.), либо при смене фамилии. Действующим законодательством не предусмотрена форма документа, хотя бы временно удостоверяющего их личность. Предлагается разработать документ под названием «Удостоверение личности лица без гражданства», порядок выдачи и форму которого утвердить постановлением Правительства РФ, а существо данного документа закрепить в ст. 2 федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», дополнив ее последним абзацем примерно следующего содержания: «удостоверение личности лица без гражданства документ, удостоверяющий личность временно пребывающего в Российской Федерации лица без гражданства, выданный взамен утраченного удостоверяющего личность документа».

Существуют проблемы и в правоприменительной практике. Предлагается продолжить продление срока временного пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства из числа бывших граждан СССР, получивших миграционные карты и не имеющих оснований отказа в продлении срока временного пребывания (причастность к терроризму, угрозы основам конституционного строя или безопасности граждан и др. основания по аналогии с отказами в выдаче разрешения на временное проживание и вида на жительство). Это можно сделать приказом ФМС России. Одновременно привлекать к ответственности должностных лиц, необоснованно отказывающих в продлении срока временного пребывания и в принятии документов на выдачу разрешения на временное проживание и вида на жительство. Такая позиция несостоятельна за очевидной незаконностью. Ни международное, ни российское законодательство не возлагают на лиц, прибывших в Россию по безвизовому въезду, обязанность немедленно выехать из страны и въехать по визе, в подтверждение законности своего проживания. И после 01.11.2002 г. они также являются закон-

но находящимися в России и при отсутствии виз, но при наличии разрешительного документа на проживание (уведомление о пребывании, разрешения на временное проживание, вида на жительство). Поэтому их выдворение по причине отсутствия визы незаконно.

Следующей проблемой в легализации являются имеющиеся, в основном на периферии, отказы в выдаче разрешений на временное проживание либо в принятии документов на их выдачу по причинам, не предусмотренным законодательством (например, из-за отсутствия супруга — гражданина России, отсутствия жилья в собственности, несоблюдения при вселении нормы социальной площади жилья и др.). Впоследствии подавляющему большинству этих лиц немотивированно отказывается в продлении срока пребывания. Следствием самоуправства в применении законодательства является переход законопослушного человека в категорию нелегалов, что, с одной стороны, обязывает его уехать из России, а с другой — создает почву для коррупции, когда законность восстанавливается за взятки. Предлагается подзаконным актом ФМС России обеспечить исполнение закона.

Несовершенство законодательства в вопросе подтверждения постоянного проживания в России приводит к большим сложностям в осуществлении иностранными гражданами и лицами без гражданства из числа бывших граждан СССР социальных прав (назначение пенсии, получение полиса обязательного медицинского страхования и оказание медицинской помощи, поступление в вуз и др.).

Постоянное проживание в России иностранных граждан, а также реализацию их социальных прав существующая правоприменительная практика связывает исключительно с наличием вида на жительство. Между тем постоянное проживание человека может быть подтверждено не только видом на жительство, но и другими документами, в том числе решением суда об установлении факта проживания.

Конституционный суд РФ определением подтвердил, что пенсионное обеспечение иностранных граждан и лиц без гражданства не зависит от их регистрационного учета и наличия

вида на жительство, поскольку факт постоянного проживания в России может быть установлен, в том числе и судом. Это определение пенсионными органами игнорируется из-за разъяснений ПВУ ФМС России, постоянно ссылающимся на подтверждение постоянного проживания только единственным документом — видом на жительство. Но ФМС России не занимается пенсионными, медицинскими и иными вопросами, в связи с чем не может давать указания социальным органам.

Проблема может быть решена исполнением вышеназванного определения Конституционного суда РФ и учетом всеми органами власти и учреждениями судебного решения об установлении постоянного проживания в России иностранного гражданина и лица без гражданства из числа бывших граждан СССР в качестве документа, подтверждающего его постоянное проживание в России (хотя бы в течение определенного срока до получения вида на жительство).

Для этого предлагается внести изменения в основные регулирующие законы и подзаконные акты (в сфере пенсионного обеспечения, обязательного медицинского страхования, образования и др.), установив следующие подтверждения постоянного проживания:

- вид на жительство;
- регистрация по месту жительства;
- судебное решение об установлении факта постоянного проживания на территории России.

И. Ф. Вершинина,
Уполномоченный по правам человека
в Калининградской области

**О деятельности аппарата Уполномоченного
по правам человека в Калининградской области
по соблюдению прав мигрантов**

*Статья посвящена деятельности института Уполномоченного
по правам человека в Калининградской области в сфере защиты*

прав мигрантов, иностранных граждан, лиц без гражданства, проживающих (пребывающих) на территории Калининградской области. Рассказывается о проблемах, связанных с нарушениями прав человека из-за невыполнения и несовершенства законодательства о гражданстве Российской Федерации и правовом положении иностранных граждан. Делаются выводы и даются рекомендации для органов государственной власти и местного самоуправления, их должностным лицам, а также руководителям предприятий и учреждений с целью улучшения ситуации с соблюдением прав мигрантов.

The article deals with the institute of Ombudsman for human rights in the Kaliningrad region in the sphere of respect for rights of migrants', people without citizenship living (staying) on the territory of the Kaliningrad region. The problems connected with violation of human rights due to default or defects of law on citizenship of the Russian Federation and legal status of foreigners are covered in the article. The paper ends up with conclusions and recommendations for public authority and the local government, their officials as well as heads of companies and institutions for the purpose of improvement of the situation with migrants' rights observance.

В марте 2001 г. был учрежден институт Уполномоченного по правам человека в Калининградской области. Это стало новым этапом реализации обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в области.

Уполномоченный реализует закон Калининградской области «Об Уполномоченном по правам человека в Калининградской области», строго руководствуясь Конституцией Российской Федерации, международными договорами и соглашениями, участницей которых является Российская Федерация, федеральным законодательством и законодательством области. Уполномоченным освещается состояние проблем в сфере прав человека в регионе, анализируются причины нарушения прав и основных свобод, делаются выводы и даются рекомендации органам государственной власти и местного самоуправления Калининградской области, их должностным лицам, а также руководителям предприятий и учреждений с целью улучшения ситуации с соблюдением прав человека. Одно из

направлений деятельности Уполномоченного — работа с обращениями и жалобами иностранных граждан, лиц без гражданства, прибывших и проживающих на территории региона.

В Калининградской области влияние миграционных процессов на отдельные сферы жизни весьма значительно. В регионе сформировались отдельные национальные общины, активно реализуется Программа переселения соотечественников. В то же время вынужденные переселенцы, мигранты по-прежнему продолжают испытывать сложности в решении вопросов, связанных с осуществлением миграционного учета, приобретением статуса вынужденного переселенца, регистрацией близких родственников, получением постоянного или временного жилья, трудоустройством на новом месте жительства, оформлением видов на жительства, разрешений на временное проживание и приобретением гражданства РФ. Серьезные трудности возникают с медицинским и пенсионным обеспечением переселенцев.

Вступление в силу 01.07.2002 г. федерального закона №62-ФЗ от 31.05.2002 «О гражданстве Российской Федерации», установившего более жесткие требования приобретения гражданства России по сравнению с ранее действовавшим законом РСФСР №1948-1 от 28.11.1991 «О гражданстве РСФСР» привело к возникновению у многих мигрантов ряда новых, зачастую не решаемых проблем.

В период с 2001 по 2007 г. в аппарате Уполномоченного было рассмотрено более 400 письменных обращений, связанных с нарушениями прав человека из-за невыполнения и несовершенства законодательства о гражданстве Российской Федерации и правовом положении иностранных граждан. Обращения были связаны

- с проведением паспортной реформы;
- с нарушениями при признании гражданами России лиц, родившихся в СССР на территории РСФСР и подпадающих под действие Постановления Конституционного суда РФ №12-П от 16.05.1996;
- с отказом в регистрации рождения детей мигрантов от делами ЗАГСов;

— с отказом в выдаче разрешения на временное проживание и вида на жительство;

— связанные с затягиванием сроков рассмотрения документов;

— с пробелами в действующем законодательстве;

— с трудностями оформления гражданства и регистрации несовершеннолетних;

— с легализацией граждан бывшего СССР, постоянно проживающих на территории Российской Федерации по состоянию на 01.07.2002 г., а также прибывших в безвизовом порядке до вступления в силу ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан в Российской Федерации»;

— с проблемой легализации мигрантов, прибывших на территорию области из стран СНГ и проживающих без регистрации по месту жительства, без вида на жительство или без разрешения на временное проживание по состоянию на 01.07.2002 г.;

— с легализацией иностранной временной рабочей силы.

В течение 2006—2007 гг. в аппарат Уполномоченного поступали обращения граждан, приобретших гражданство Российской Федерации в консульских отделах посольства Российской Федерации, в республиках бывшего СССР. Всем им необходимо было подтвердить факт приобретения гражданства Российской Федерации. Во всех случаях Уполномоченный обращался в представительство МИД России в Калининграде, в результате большинство обращений было удовлетворено. Сотрудники представительства МИД России в Калининграде активно сотрудничали с аппаратом Уполномоченного и после получения официальных данных выдавали справки заявителям, подтверждающие наличие у них гражданства РФ.

Остается неурегулированным вопрос с правовым положением лиц без определенного правового статуса, являющихся носителями ВИЧ-инфекции и длительное время проживающих на территории Калининградской области. Действующее законодательство о пребывании иностранных граждан, лиц без гражданства в РФ не дает шанса ВИЧ-инфицированным ли-

цам, длительное время проживающим нелегально на территории России, оформить свой статус. Обязательное требование ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» содержит требование о предоставлении сертификата об отсутствии ВИЧ-инфекции. Такие граждане не имеют документов, необходимых для выезда за пределы области. Все они должны выехать добровольно либо в порядке депортации. В случае, когда человек является лицом без гражданства, депортировать его некуда, следовательно, он останется на территории области без права на получение необходимой медицинской помощи, без соответствующего контроля компетентных структур. Данная ограничительная норма отсутствует во многих европейских странах, например в Польше и Литве.

В бесправном положении также оказываются лица, вышедшие на свободу после отбытия наказания. Бывшие осужденные, являющиеся лицами без гражданства, не имея действительных документов, с непогашенной или неснятой судимостью за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, не имеют право обратиться в компетентные структуры для оформления разрешения на временное проживание в РФ. Значительная часть иностранных граждан, лиц без гражданства, проживающих нелегально на территории области, не проходят профилактическое медицинское обследование, не имеют медицинской страховки, следовательно, не получают полноценного медицинского обслуживания.

В связи с реализацией в Калининградской области Указа Президента РФ по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников в Россию возникнет множество проблем при обустройстве их на новом месте жительства: вопросы обеспечения жильем, занятости, социальные (посещение детьми детсадов, учебных заведений, медицинские услуги, социальная защита).

Остро встанут нерешенные вопросы тех, кто уже длительное время проживает в области без документов, не имея возможности легализации. Представители этой группы мигрантов

находятся в крайне тяжелом положении, поскольку это фактически беженцы, которые прибыли в Россию всей семьей, часто бросив в покидаемой стране все свое имущество и оставшись без средств к существованию. Длительное отсутствие легального статуса в стране, которая фактически стала местом их постоянного жительства, усугубляет тяжесть их ситуации и превращает их в маргинальную группу.

Необходимо отметить, что область в данный момент не в состоянии обеспечить жильем поток мигрантов, тем более что очередь на предоставление жилья вынужденным переселенцам практически не двигается, а цены на жилье растут очень быстрыми темпами. На семь семей, получивших свидетельства на получение субсидии на жилищное обустройство в 2005 г., из федерального бюджета поступил 1,64 млн рублей. Пять семей реализовали выданные средства и приобрели жилье, две семьи приняли решение отказаться от выделенных средств из-за нехватки собственных.

Не уделяя должного внимания проблемам соотечественников, прибывших в область еще в 90-х гг. на основании безвизового режима, власть может спровоцировать в обществе социальный конфликт, поскольку причин для разделения этих переселенцев нет.

В процессе реализации в Калининградской области Государственной программы по добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, компетентные структуры региона столкнулись с рядом таких проблем, как:

- зачастую предлагаются устаревшие базы данных рабочих мест;

- согласование вопросов условий и оплаты труда затягиваются, в связи с чем часть мигрантов из-за отсутствия информации вынуждены искать работу самостоятельно.

Негативную роль играет и неудовлетворительная работа консульских служб, недостаток информационного обеспечения Программы по линии Министерства иностранных дел в странах проживания соотечественников.

Так как переселенцы не имеют ни налоговой, ни кредитной истории, это затрудняет получение банковского кредита на приобретение жилья по ипотеке. Существенная проблема — это адаптация к новым условиям детей переселенцев. Трудности возникают при приведении в соответствие документов об образовании переселенцев. Поэтому крайне важно уже на первых этапах Программы совершенствовать механизмы ее реализации и процессы адаптации мигрантов.

Кроме того, в ходе реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников стало понятно, что в Программу необходимо внести дополнения. Требуется разработать механизмы по переселению активных социальных групп — предпринимателей и молодежи, въезжающей на учебу. Целесообразно включить в круг участников Программы тех соотечественников, которые уже продолжительное время находятся и работают на территории Российской Федерации, но не имеют российского гражданства.

Особое геополитическое положение Калининградской области породило ряд проблем при реализации Соглашения между Российской Федерацией и европейским сообществом об упрощении выдачи виз гражданам Российской Федерации и Европейского союза. Введение сбора за оформление виз, усложнение визовых процедур привело к сокращению приграничного сотрудничества, контактов между людьми, что является важным условием устойчивого развития экономических, гуманитарных, культурных, научных и иных связей, осложнило жителям Калининградской области посещение своих близких на Украине и в Белоруссии. Несмотря на то что Соглашение содержит ряд визовых упрощений — упростились требования к документам, подтверждающим цель поездки, отдельным категориям граждан оформляются многократные визы сроком на 5 лет, перечень таких категорий является ограниченным, и правила не распространяются на лиц, совершающих неофициальные поездки. Необходимо рассмотреть вопрос о возможности оформления многократных виз жителям региона

на годичный срок. Данное Соглашение оказало негативное влияние и на реализацию прав мигрантов, находящихся на территории области. В связи с изменением порядка пересечения государственной границы Российской Федерации после вступления Литвы в Европейский союз имеются случаи нарушения прав мигрантов на свободу передвижения, обусловленные трудностями в оформлении документов, удостоверяющих личность мигранта, а также проблемы с легализацией их на территории региона.

Для оформления разрешительных документов в Российской Федерации иностранные граждане, лица без гражданства должны предоставить ряд действительных документов, имеющих ограниченный срок действия. Если срок действия документа, необходимого для сдачи в отделение Федеральной миграционной службы истек, то заявителю приходится выезжать за получением нового в государство, где он ранее проживал, либо в посольство (консульство) данной страны на территории Российской Федерации. При отсутствии соответствующих действительных документов у них нет возможности выехать железнодорожным транспортом, а из-за высокой стоимости билета они не могут воспользоваться услугами авиакомпаний.

Следовательно, увеличивается количество нелегально пребывающих на территории Калининградской области граждан, которые не имеют возможности легализоваться в России и пользоваться в полной мере всеми правами.

Рекомендуется активизировать принятие комплекса мер по упрощению визового режима для жителей области, а также необходимо продолжать активно вести работу по привлечению в Калининградскую область представителей различных консульских служб для решения проблем соотечественников.

Главный недостаток действующего законодательства состоит в том, что оно не делает различий между мигрантами дальнего зарубежья и нашими соотечественниками, которые давно приехали в Россию по безвизовому режиму. Многие из них уже имеют свое жилье, постоянную работу, интегрирова-

лись и вносят вклад в экономику страны. Однако в соответствии с новыми законами они тоже считаются нелегальными мигрантами, что делает их уязвимыми для любых нарушений их прав со стороны недобросовестных работодателей, чиновников силовых структур и преступного сообщества. В подобных ситуациях многие принимающие страны используют программы легализации мигрантов. В России же в этих целях до сих пор применялись лишь методы административных запретов и ужесточения порядка въезда и пребывания.

Количество обращений к Уполномоченному снизилось после вступления в силу в 2006 г. поправок в федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», касающихся продления срока временного пребывания для иностранных граждан. Теперь иностранным гражданам продлевается регистрация на период рассмотрения в УФМС документов для получения разрешения на временное проживание, что позволяет им не выезжать за пределы России, пока будут рассматриваться их документы. В аппарате Уполномоченного неоднократно рассматривались обращения иностранных граждан, въехавших на территорию области в безвизовом режиме, которым по истечению 90 дней было отказано в продлении регистрации по месту пребывания, несмотря на то, что у них были приняты документы для оформления разрешения на временное проживание в РФ. Вышеуказанная норма помогла решить проблемы многих переселенцев, тем более что регистрация в соответствии с новым законом от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» несет теперь уведомительный характер.

По сравнению с предыдущими годами количество обращений и жалоб к Уполномоченному по вопросам оформления гражданства РФ значительно сократилось. Положительная тенденция стала наблюдаться за последний год по разным причинам: упрощение законодательства, выработаны механизмы правоприменительной практики по данной проблематике. Необходимо отметить позитивные тенденции в работе

Управления Федеральной миграционной службы. Руководство УФМС России по Калининградской области, сотрудники районных отделений и управления идут навстречу в решении спорных вопросов, возникающих при оформлении разрешений на временное проживание, видов на жительство, гражданства, при осуществлении миграционного учета.

Тем не менее число желающих проживать в Калининградской области и оформить гражданство РФ по-прежнему остается достаточно высоким. По сведениям УФМС России по Калининградской области, гражданство РФ в 2006 г. получили 5 777 человек, в 2007 г. — 6 004 человека (из которых 1 399 несовершеннолетние).

Ю. В. Мурзин, Е. А. Малышев, А. Л. Васильев
Калининградский юридический институт

Актуальные вопросы организации иммиграционного контроля в Российской Федерации

Раскрывается понятие иммиграционного контроля и рассматриваются пути совершенствования иммиграционной политики России в современных условиях.

The essence of immigration monitoring is that state in the process of social and economic targets of migration achievement gives monitoring functions to public authority. These functions provide observance of legal framework of due and possible conduct by subjects of migration legal relationships. Perfection of immigration monitoring base occurs in the framework of general development of migration processes legal basis and requires new legal description complying with a modern stage of state formation. This article reveals the very notion of immigration monitoring and considers the ways of perfection of the Russian immigration policy in modern conditions.

Нелегальная миграция способна оказывать существенное влияние на многие сферы жизнедеятельности общества. Серьезность проблемы нелегальной миграции связана, во-первых,

со сложностью определения количественных параметров такого явления; во-вторых, с невозможностью окончательного прогнозирования ее последствий. Так, в 2007 г. территориальными органами ФМС России на миграционный учет по месту пребывания поставлено почти 8 млн иностранных граждан, это в два раза больше, чем в 2006 г., при этом каждый десятый из них впервые воспользовался возможностью почтового уведомления. По-прежнему проникновение на территорию страны иностранцев по недействительным или поддельным въездным документам или вообще без них — достаточно распространенное правонарушение. Одновременно Российская Федерация привлекательна для миграционного транзита в Западную и Восточную Европу, чем активно пользуются мигранты из азиатских и африканских стран. По данным Глобальной комиссии по международной миграции ООН, Россия занимает второе место после США по количеству мигрантов — 13,3 млн человек в год [6, с. 2].

В Положении о Федеральной миграционной службе, утвержденном указом Президента РФ от 19 июля 2004 г. №928 [15, с. 2], определено, что ФМС России в соответствии с законодательством Российской Федерации реализует меры по предупреждению и пресечению незаконной миграции, осуществляет иммиграционный контроль в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства. В структуре ФМС России функция организации иммиграционного контроля возложена на Управление иммиграционного контроля [10, с. 2], призванное координировать деятельность территориальных органов ФМС России по субъектам Российской Федерации при осуществлении иммиграционного контроля.

Говоря об иммиграционном контроле, необходимо подчеркнуть, что его эффективность во многом определяется уровнем взаимодействия с органами внутренних дел. Являясь субъектом оперативно-розыскной деятельности, милиция обладает дополнительными возможностями по пресечению каналов незаконной миграции. Так, в 2007 г. благодаря совместной работе Федеральной миграционной службы с МВД Рос-

сии, а также интенсивным контактам с судами и органами прокуратуры, было возбуждено 189 уголовных дел, связанных с организацией незаконной миграции, выдворено за пределы РФ в административном порядке более 6 тыс. злостных нарушителей закона. Следует отдельно отметить совместную работу с МВД России в рамках реализации комплекса мер по защите интересов отечественных товаропроизводителей, а также обеспечению прав граждан России на рынке труда. Это позволило в 2007 г. отрегулировать присутствие иностранных работников в сфере оптовой и розничной торговли, в том числе усилить ответственность администраций за нарушения миграционных правил. В настоящее время, если подобные нарушения и выявляются, они уже не носят такого массового характера, как раньше [10, с. 3].

В отличие от начала 90-х гг. XX в., причины, которые побуждали людей покидать свою страну, изменились. Если раньше беженцы стремились въехать в Россию ради спасения своей жизни во время войн или гражданских конфликтов, чтобы избежать преследований по признаку расы, вероисповедания, принадлежности к определенной социальной группе, то теперь трудовые мигранты предпочитают наше государство в поисках лучшей жизни, больших экономических возможностей или с целью реализации своего личного потенциала. Трансформация преобладающего типа мигрантов (от беженцев к трудовым мигрантам) изменила и расширила диапазон государственного регулирования миграционных процессов. Миграция стала объектом государственного регулирования иммиграционного контроля в трех сферах: 1) социальной (обеспечение законности, прав и свобод граждан, проведение единой демографической и миграционной политики); 2) экономической (трудовая миграция, формирование рынка трудовых услуг, привлечение инвестиций); 3) правовой (обеспечение национальной безопасности и правоохранительной деятельности). В связи с этим встает задача обновления правового и управленческого механизма регулирования миграционных процессов и иммиграционного контроля на территории Российской

ской Федерации, приведения норм права в соответствие с реалиями современной экономической и социальной жизни.

Правовую основу иммиграционного контроля в Российской Федерации составляют федеральные законы: от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [20, с. 4]; от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [12, с. 4]; от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [11, с. 4]; Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации» [3, с. 5]; Указ Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» от 9 марта 2004 г. № 314, предусматривающий создание Федеральной миграционной службы, к которой перешли правоприменительные функции, функции по контролю и надзору и функции по оказанию государственных услуг в сфере миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации [14, с. 5]; Указ Президента РФ «Вопросы Федеральной миграционной службы» от 19 июля 2004 г. № 928 [15, с. 5], утверждающий Положение о Федеральной миграционной службе России; постановления Правительства РФ от 27 мая 2006 г. № 312 «О паспортах пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации» [18, с. 5]; от 16 августа 2004 г. № 413 «О миграционной карте» [17, с. 5]; приказ МВД России № 1095, МИД России № 16531, Минтранса России № 143, МПС России № 49, ГТК России № 1189, ФПС России № 692 от 11 ноября 2002 г. «О введении в действие миграционных карт» [1, с. 5]; приказ ФМС России от 16 января 2007 г. № 10 «Об утверждении регламента проведения проверочных мероприятий по соблюдению законодательства Российской Федерации в сфере миграции территориальными органами Федеральной миграционной службы» [2, с. 5].

Позиция государства по вопросу организации иммиграционного контроля на территории Российской Федерации на среднесрочную перспективу была изложена в Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, одобренной распоряжением Правительства РФ от 1 марта 2003 г. № 256-р [13, с. 6]. В Концепции предложен вариант решения демографических проблем посредством реализации селективной* миграционной политики — путем содействия добровольному переселению соотечественников из государств-участников СНГ и государств Балтии. Закономерным этапом реализации поставленной задачи стало утверждение указом Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [19, с. 6].

Современное видение места миграционных процессов в обеспечении динамичного развития российской экономики изложено в утвержденной распоряжением Правительства РФ от 19 января 2006 г. № 38-р Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006—2008 гг.) [21, с. 6]. Главными целями миграционной политики, соответственно и иммиграционного контроля, являются содействие устойчивому росту экономики и сбалансированному социальному развитию страны, соблюдение интересов национальной безопасности и профилактика актов международного терроризма посредством государственного регулирования миграционных процессов.

Как справедливо отмечает Т. Я. Хабриева, именно «с учетом интересов того или иного государства формируется его миграционная политика, а как следствие этого — правовая политика» [23, с. 6]. При этом следует учитывать, что «международная трудовая миграция приводит к разнообразным видам и

* От лат. *selectio* — выбор, отбор.

весьма противоречивым последствиям, связанным с изменениями конструкции хозяйственного строя страны, количественных и качественных характеристик человеческого потенциала и эффективности использования экономических ресурсов и результатов производства» [7, с. 7], что обуславливает актуальность осуществления и совершенствования государственного контроля за миграционными процессами.

Рассматривая миграционные процессы с позиций административного права в их взаимосвязи с экономическим эффектом от трудовой миграции, исследователи отмечают, что «неконтролируемая государством миграция населения актуализирует проблемы, связанные с социально-экономическим развитием государства, способствует совершению административных правонарушений и преступлений» [4, с. 7], а также «демпингу на рынке труда и сферы услуг, массовым экономическим правонарушениям» [6, с. 7].

Большое значение для повышения эффективности учета и государственного контроля в миграционной сфере приобретает развитие современной информационной инфраструктуры, включая внедрение средств автоматизации¹.

Полагаем, что проблемы эффективного контроля над иммиграцией и предупреждения потоков нелегальной иммиграции могут быть решены путем создания общего информаци-

¹ В декабре 2007 г. центральный банк данных принят в промышленную эксплуатацию. В настоящее время он установлен в 48 территориальных органах. В ближайшей перспективе установить — во всех подразделениях. Указанное программное обеспечение позволит формировать на каждого иностранного гражданина электронное досье — историю его пребывания в стране, а при необходимости мгновенно прореагирует на появление в ней сведений о лицах, чье пребывание нежелательно. При этом реквизитный состав такого досье увеличен с 32 до 123 параметров, что дает возможность фиксировать абсолютно все регистрационные действия в отношении иностранного гражданина.

онно пространства в рамках международного сотрудничества. Этот механизм уже определен Соглашением о сотрудничестве государств участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией, однако в его реализации существуют определенные трудности. Создание общей базы данных осуществляется на основе заключенных между государствами международных договоров о вопросах информации, участниками которых они являются. Кроме того, требуется обеспечение координации усилий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации с зарубежными государствами по противодействию нелегальной миграции.

Если основная цель иммиграционного контроля — это создание условий, обеспечивающих регулирование иммиграции, а также комплекса мер по предупреждению нелегальной иммиграции на территории Российской Федерации, то работа в рассматриваемой сфере должна вестись на следующих уровнях: а) иммиграционный контроль за рубежом (ведется в дипломатических и консульских учреждениях за рубежом; в аэропортах, морских портах и железнодорожных узлах, откуда осуществляются прямые поездки в Россию); б) иммиграционный контроль в пунктах пропуска через государственную границу РФ² (органы пограничного контроля ФСБ России; миграционные карты) [22, с. 8]; в) иммиграционный контроль на территории Российской Федерации (за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации и их транзитом через территорию России; миграционный учет).

В заключение с учетом всех объективных характеристик иммиграционного контроля необходимо отметить, что в на-

² В этой связи заинтересованным федеральным органам исполнительной власти, в том числе ФМС, поручено разработать проект постановления Правительства РФ, предусматривающий введение иммиграционного контроля в пунктах пропуска через государственную границу РФ.

стоящее время открытым остается вопрос о порядке и направлениях взаимодействия государственных органов исполнительной власти, участвующих в управлении иммиграционными процессами. Правовая регламентация компетенции федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Федерации в ряде случаев не дает полного представления о степени участия того или иного органа управления в механизме реализации иммиграционной политики, о степени его ответственности за принимаемые решения. В связи с этим Правительству РФ было бы целесообразно разработать и утвердить единый порядок взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных для реализации иммиграционной политики, и определить ответственность каждого из указанных субъектов управления за принимаемые решения [8, с. 9].

Список литературы

1. *Бюллетень* нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2002. № 48.
2. *Бюллетень* нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 9.
3. *Ведомости* СНД и ВС РФ. 1993. № 17. Ст. 594.
4. *Вострокнутова О. Ю.* Институт миграции в административном праве России: Автореф. дис. канд. юр. наук. М., 2006. С. 4.
5. *Доклад* Глобальной комиссии по международной миграции «Миграция во взаимосвязанном мире: новые направления деятельности». М., 2006.
6. *Кутепова Н. А.* Институт незаконной миграции в постсоветской России: политико-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 4.
7. *Метелев С. Е.* Международная трудовая миграция и развитие российской экономики: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2006. С. 13.
8. *Организация* иммиграционного контроля в Российской Федерации: Учеб.-метод. пособие. Вып. 2 / Под общ. ред. К. О. Ромодановского. М., 2006. С. 33—38.

9. *Положение* об Управлении иммиграционного контроля Федеральной миграционной службы Утверждено директором ФМС России 3 февраля 2005 г.

10. *Ромадановский К.* Об итогах служебной деятельности ФМС России за 2007 год и задачах по реализации миграционной политики в сфере миграции на 2008 год// Выступление директора ФМС России Константина Ромадановского на заседании расширенной коллегии Федеральной миграционной службы, прошедшей 31 января 2008 года. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.fmsrf.ru. 13 февраля 2008 г.

11. *Собрание* законодательства РФ. 1996. № 34. Ст. 4029; 2003. № 2. Ст. 159; 2006. № 31. Ст. 3420; 2007. № 3. Ст. 410.

12. *Собрание* законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032; 2003. № 27 (ч. I). Ст. 2700; № 46 (ч. I). Ст. 4437; 2004. № 35. Ст. 3607; № 45. Ст. 4377; 2006. № 30. Ст. 3286; № 31 (ч. I). Ст. 3420.

13. *Собрание* законодательства РФ. 2003. № 10. Ст. 923.

14. *Собрание* законодательства РФ. 2004. № 11. Ст. 945; 2005. № 12. Ст. 1023.

15. *Собрание* законодательства РФ. 2004. № 30. Ст. 3150; 2005. № 19. Ст. 1786. № 52 (ч. 3). Ст. 5687.

16. *Собрание* законодательства РФ. 2004. № 30. Ст. 3150; 2005. № 19. Ст. 1786.

17. *Собрание* законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3553; 2006. № 19. Ст. 2092.

18. *Собрание* законодательства РФ. 2006. № 23. Ст. 2504. № 52 (ч. 3). Ст. 5600.

19. *Собрание* законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 2820.

20. *Собрание* законодательства РФ. 2006. № 30. Ст. 3285.

21. *Собрание* законодательства РФ. 2006. № 5. Ст. 589.

22. *Указ* Президента РФ от 27 июля 2007 г. № 993 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам государственного управления в сфере миграционной политики и признании утратившими силу Указа Президента Российской Федерации от 16 декабря 1993 г. № 2145 «О мерах по введению иммиграционного контроля» // *Собрание* законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4020.

23. *Хабриева Т. Я.* Миграция в России: о модели правового регулирования // *Журнал российского права*. 2006. № 7. С. 3.

А. С. Чесноков
Уральская государственная юридическая академия,
Екатеринбург

**Общая характеристика
современных иммиграционных процессов на Урале***

Представлена всесторонняя картина современных иммиграционных трендов в одном из наиболее важных российских регионов России — Свердловской области. Уральский регион находится в авангарде территорий России, сталкивающихся с вызовами и проблемами, связанными с иммиграцией.

Статья содержит обзор иммиграционной ситуации в Свердловской области, а также ряд количественных и статистических показателей. Анализируются некоторые вопросы реализации государственной и региональной иммиграционной политики.

The paper provide comprehensive picture of current immigration trends in one of the most important Russian Region namely Sverdlovskaya Oblast which is located in the middle of Ural. Ural is in its turn stands on the crossroads of Europe and Asia and represents travel, logistic and industrial knot of Russia. Therefore Ural faces the same immigration challenges that faces other regions of Russia but do it in the first lines. The paper contains a number of figures, key statistics indicators and valuable observations on immigration situation in Sverdlovskaya Oblast. The author also discusses basics of federal and regional government immigration policy and its implications on local level.

Свердловская область — пятый по численности населения субъект РФ, в демографическом отношении уступающий только Москве, Московской области, Краснодарскому краю и

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Иммигранты и этнические диаспоры в региональных политических процессах в Российской Федерации: сравнительный анализ Юга, Урала и Дальнего Востока», проект № 07-03-00105а.

Санкт-Петербургу. Административный центр области — город Екатеринбург, также пятый в России по численности проживающего в нем населения (1,29 млн чел.), уступает только Москве, Санкт-Петербургу, Новосибирску и Нижнему Новгороду.

Современная демографическая ситуация в Свердловской области продолжает определяться отрицательными показателями демографического прироста, проявившимися в 1991 г., когда показатели смертности в области впервые превысили показатели рождаемости. Впрочем, в последние годы ситуация в этом отношении улучшается. По данным на 1 января 2007 г., численность населения области составила 4,39 млн человек. При этом естественная убыль населения, продолжая сокращаться, по сравнению с предыдущими годами, все же оставалась довольно высокой: число умерших в 2006 г. на 40 % превысило количество родившихся (в 2002 г. — на 100 %, в 2005 г. — на 60 %).

Несмотря на преимущественно положительную динамику миграционного прироста населения области, все же он лишь частично перекрывает отрицательную динамику естественной убыли населения. Разные варианты прогнозов развития демографической ситуации в области на ближайшие годы различаются незначительно. К 2015 г. население старше трудоспособного возраста увеличится на 4,2 %. На 3,4 % сократится население в трудоспособном возрасте и на 0,8 % — число детей в возрасте до 15 лет. Коэффициент рождаемости, по разным оценкам, будет колебаться от 9,5 до 8,7 на 1000 человек, в то время как коэффициент смертности — от 18,2 до 16 на 1000 человек. Коэффициент миграционного прироста специалисты оценивают в диапазоне 12,9—13,9 % на 10 тыс. человек. Таким образом, естественный и миграционный прирост будет стабильным и даже с учетом сокращения темпов естественной убыли, в совокупности они при любых прогнозах не будут перекрывать естественную убыль населения области, которого в 2002 г. насчитывалось 4,48 млн, в 2005 г. — 4,45 млн, в 2006 г. — 4,40 млн, в 2007 г. — 4,39 млн человек. В 2010 г. ожидается сокращение населения области до 4,31 млн, а к 2015 г. — до 4,17 млн человек.

Сальдо миграционного баланса в Свердловской области все годы, после открытия области для международных связей, оставалось положительным, хотя и не крупномасштабным. Однако общий миграционный прирост в области за период с 1991 по 2002 г. компенсировал естественную убыль только на 22 %. Начиная с 2003 г. увеличение миграционного прироста и сокращение естественной убыли привели к тому, что миграционный прирост населения Свердловской области стал компенсировать естественную убыль населения в гораздо большей мере. Так, миграционный прирост в 2005 г. компенсировал убыль на 48,2 %.

Миграционные тенденции последнего десятилетия характеризуются в Свердловской области значительным всплеском миграционного прироста в 1995—1997 гг., обусловленного вынужденной миграцией из республик бывшего СССР, резким снижением в 2002—2003 гг. и некоторым незначительным увеличением миграционного прироста в последние 2004—2005 гг.

Тренды иммиграции в Россию в 1989—2007 гг. неоднократно изменялись, сохраняя при этом неизменное положительное сальдо миграционного баланса. Сальдо миграционного баланса в Свердловской области в 1995—2007 гг. (кроме 2002 г.) было положительным, но характеризовалось довольно нестабильной динамикой. В 1995 г. миграционный прирост (превышение количества прибывших в область из-за пределов России над количеством выбывших из области за пределы России) в Свердловской области составил 17,3 тыс. человек. В последующие годы прирост снижался и к 1999 г. сократился почти в три раза, составив только 5,8 тыс. человек. В 2000 г. наблюдался незначительный рост до 7,2 тыс., после чего тенденция сокращения миграционного прироста снова возобновилась и в 2002 г. впервые за 15 лет область имела отрицательный миграционный баланс, составивший –1,4 тыс. человек. Впрочем, уже в следующем году ситуация стабилизировалась — был зафиксирован миграционный прирост на уровне 0,2 тыс. человек, а с 2004 г. началось довольно быстрое увеличе-

ние миграционного прироста, который составил 5,4, а в 2005 г. — 8,7 тыс. человек.

Однако масштабность проблем, связанных с иммиграцией, с которыми столкнулась страна после открытия границ, объективно вылилась в ряд недостатков, связанных с проведением адекватного статистического исследования иммиграционной ситуации не только в Свердловской области, но и в России в целом.

Во-первых, довольно строгие законы, связанные с въездом/выездом и пребыванием иностранцев на территории РФ, способствуют более тщательному и точному учету «легальных» иммигрантов (прежде всего прибывающих на длительные сроки или на постоянное место жительства), но излишней забюрократизированностью регистрационных процедур (особенно в виде жесткой привязки регистрации к определенному месту жительства) загоняют в тень сезонных и краткосрочных трудовых иммигрантов, которым легче уплатить штраф или дать взятку, чем соблюсти предусмотренную законом процедуру.

Во-вторых, несмотря на необходимость заполнения миграционных карт при пересечении государственной границы и обязательной регистрации по месту пребывания, далеко не все иностранные граждане делают это, фактически являясь нелегальными иммигрантами уже при въезде в страну или становясь таковыми при нарушении правил и сроков пребывания иностранных граждан в РФ.

В-третьих, несмотря на существующую практику ежегодного принятия Правительством РФ постановления о размере квот на выдачу виз на временное проживание и на выдачу виз, разрешающих осуществление трудовой деятельности в каждом из субъектов РФ (по представлению органов исполнительной власти самих субъектов), практика показывает, что квоты не лимитируют приток иммигрантов, поскольку сверх установленных квот без ограничений выдаются соответствующие визы ряду лиц, причисляемых российским законодательством к соотечественникам. Кроме того, довольно прозрачный режим пересечения государственной границы на кон-

трольно-пропускных пунктах, оборудованных на границах с Белоруссией, Украиной и Казахстаном, в сочетании со слабо охраняемой границей с этими странами, позволяет сравнительно легко пересекать ее не только легальным мигрантам, но и значительному числу нелегальных (т.е. намеренно прибывающих в РФ без необходимых или должным образом оформленных документов и/или по прибытии в РФ намеренно нарушающих российское административное, гражданское или уголовное законодательство).

В-четвертых, есть проблема учета въезжающих в регион иностранных граждан. Свердловская область не является пограничным регионом, поэтому в ней существует только один пограничный контрольно-пропускной пункт (в международном аэропорту «Кольцово» в г. Екатеринбурге), на основе данных которого региональные органы государственной статистики и миграционная служба формируют сводные данные о различных качественных параметрах иммиграционного потока. Однако очевидно, что гораздо больше иностранных граждан въезжает на территорию области железнодорожным и автомобильным транспортом, прибывающим из соседних, в том числе приграничных, регионов страны, а также авиатранспортом, совершающим внутренние пассажирские перевозки, чем прилетает воздушным транспортом прямыми рейсами из-за рубежа. Из первичного иммиграционного учета, таким образом, выпадают иностранные граждане и лица без гражданства, пересекшие пограничные контрольно-пропускные пункты в иных субъектах РФ, которые, находясь на территории России, уже могут относительно свободно перемещаться по всей ее территории. Отследить внутрироссийские миграционные тренды иностранных граждан, особенно прибывших в РФ нелегально и/или нелегально в ней пребывающих, представляется довольно сложным. Впрочем, впоследствии данные об общем количестве иностранцев и их статусе на территории Свердловской области корректируются с помощью учета лиц, вставших на регистрацию в органах ФМС, получивших разрешение на работу, временное проживание или

вид на жительство. Однако и в этом случае учету поддаются только «легальные» иммигранты.

Имея в виду условность возможности экстраполяции данных по иммигрантам, прибывшим в Свердловскую область через пограничный контрольно-пропускной пункт в международном аэропорту «Кольцово», ко всей совокупности иммигрантов, приезжающих в Свердловскую область, все же представим картину по иммигрантам, прибывшим в регион международными рейсами.

Органы ФМС в последние годы отмечают устойчивые тренды увеличения общего количества иностранцев, въезжающих в область через международный аэропорт, и превышения количества въехавших иностранных граждан над выехавшими (через аэропорт «Кольцово»). Только за первое полугодие 2007 г. на территорию Свердловской области через государственную границу Российской Федерации в пункте пропуска «Кольцово» аэропорта г. Екатеринбурга въехали 49,1 тыс. иностранных граждан, в то время как за весь 2006 г. — 75 тыс. иностранцев, а за 2005 г. — немногим более 63 тыс.

По данным пункта пограничного иммиграционного контроля аэропорта, в 2006 г., в аэропорт прибыли граждане 100 стран мира; из общего числа лиц, пересекших государственную границу, 49,4% были гражданами Таджикистана; за ними со значительным отрывом следовали граждане Узбекистана (10,3%), Армении (7,9%) и Казахстана (6,9%). Из Германии прибыло — 5,7%, Турции — 3,5%, Азербайджана — 2%, Кыргызстана — 1,5%. Подданные Соединенного Королевства и граждане Украины, США и Чехии составили по 1,2% от иммиграционного потока. Граждане Грузии — 1,1%, Италии — 1%, Франции — 0,8%, Австрии — 0,7%, Израиля — 0,4% и Вьетнама — 0,2% (всего 120 человек). Оставшиеся 2,6% въехавших являлись гражданами 82 стран мира.

С введением в действие миграционных карт существенно облегчился сбор данных о целях въезда иностранных граждан в Российскую Федерацию. Большинство иммигрантов, прибывших в Россию в 2006 г. через международный аэропорт

«Кольцово», обозначили целью въезда «работу» (50%); 26 % прибыли по «частным делам»; 8 % — с «туристическими целями»; лишь 1 % (менее 900 чел.) — на «учебу»; почти десятая часть въехавших прибыли со «служебной» (5 %) и «коммерческой» (4 %) целями; 6 % находились в Свердловской области транзитом.

Из иммигрантов, указавших целью «работу», 78,3 % въехали с целью осуществления трудовой деятельности именно на территории Свердловской области. Большинство трудовых иммигрантов, прибывших на работу в Свердловскую область, являлись гражданами Таджикистана, Узбекистана, Армении, Казахстана и Турции.

Количество временно зарегистрированных и поставленных на миграционный учет по месту пребывания иностранных граждан в Свердловской области постоянно растет: по состоянию на 1 октября 2007 г. их число превысило 174 тыс. человек. За весь 2006 г. на территории области было временно зарегистрировано «только» 145,5 тыс. иностранных граждан, что, в свою очередь, на 18 % превысило показатели 2005 г. Из 145,5 тыс. человек, зарегистрированных в 2006 г., 27 % являлись гражданами Таджикистана; 16 % — Узбекистана; 11 % — Казахстана; 9 % — Кыргызстана; 8 % — Азербайджана; 7 % — Китая; 4 % — Армении; 2 % — Украины. При этом прошедшие процедуру регистрации в Свердловской области иммигранты в подавляющем большинстве случаев декларируют только две цели прибытия: либо «частный визит» (67%), либо «работу» (23 %). Для 7 % зарегистрированных в области мигрантов цель прибытия — «деловая поездка». Лишь около 3 % приходится на «учебные» и «туристические» цели вместе взятые.

Показатели первой половины 2007 г. по гражданству лиц, прибывающих из-за рубежа и по декларируемым целям въезда в Российскую Федерацию, с незначительными колебаниями, фактически аналогичны показателям 2006 г., что подтверждает стабильность и устойчивость сложившихся в последние годы иммиграционных трендов.

Отметим при этом, что общее количество разрешений на работу, выдаваемых в Свердловской области в 2002—2007 гг., росло стремительными темпами на фоне стабильного увеличения числа прибывающих в Свердловскую область иностранцев и роста общего количества иностранцев, имеющих временную регистрацию в области. Так, в 2002 г. иностранным гражданам было выдано 1023 разрешения на работу, что составило около 1 % от общего количества иностранных граждан, имевших на тот момент временную регистрацию в Свердловской области. В следующем, 2003 г., это соотношение составило 2,4 %; в 2004 г. — 6,2 %; в 2005 г. — 16,4 %, а в 2006 г. этот показатель уже достигает 23,3 %. По данным за первое полугодие 2007 г., доля трудовых мигрантов в общем количестве временно зарегистрированных в области иностранцев составила 61,5 %.

Следует отметить, что Свердловская область продолжает оставаться сравнительно привлекательным для мигрантов регионом. Так, в 2002 г. в области было временно зарегистрировано 94,8 тыс. иностранных граждан. В 2003 г. их количество выросло до 117,9 тыс., а в 2004 г. — до 122,4 тыс.. В 2005 г. произошел незначительный спад — до 119,7 тыс. человек, который в 2006 г. снова перешел в рост (145,5 тыс. чел.), который продолжился и в 2007 г., когда в области по состоянию на конец года было зарегистрировано 215,8 тыс. человек.

Доля иммигрантов из стран СНГ в общем количестве иностранцев, имеющих временную регистрацию в Свердловской области, в 2002—2007 гг. имела волновую динамику и колебалась в коридоре от 76 до 83 % (76,5 % — 2002 г.; 82,8 % — 2003 г.; 77,8 % — 2004 г.; 76 % — 2005 г.; 81 % — 2006 г.). В 2007 г. доля иммигрантов из стран СНГ составила 78,4 %.

Иммиграционная политика Свердловской области в целом соответствует целям и задачам, обозначенным в национальной концепции регулирования миграционных процессов. Вместе с тем очевиден больший акцент не на «преодолении негативных последствий стихийно развивающихся процессов миграции», а на «создании условий для беспрепятственной реализации прав

мигрантов», «соблюдении и защите прав мигрантов», а также оказании помощи нуждающимся категориям иммигрантов.

В Свердловской области органы ФМС наладили эффективное сотрудничество с общественными объединениями мигрантов и иными местными и региональными структурами гражданского общества, занимающимися проблемами адаптации иммигрантов. С августа 2007 г. при Управлении ФМС по Свердловской области функционирует Общественно-консультативный совет. Несмотря на то что область формально не входит в число 12 пилотных регионов, включенных в программу добровольного переселения соотечественников, правительство области принимает меры по стимулированию добровольного переселения в Россию и «созданию условий для самообеспечения мигрантов» на новом месте жительства. Показательно, что правительство области делает акцент на углублении «информационного взаимодействия со странами СНГ и Юго-Восточной Азии в вопросах миграционной политики», что является отражением этнического состава прибывающих в область иммигрантов.

В связи с вступлением в законную силу с 15 января 2007 г. федерального закона №109 «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» упростилась система регистрации иностранных граждан на территории Российской Федерации и получения разрешений на работу. Значительно увеличился приток иностранной рабочей силы в г. Екатеринбург и Свердловскую область. С 15 января по 24 марта 2007 г. в городе Екатеринбурге и области было выдано около 11,5 тыс. разрешений на работу для иностранных граждан, в то время как за аналогичный период 2006 г. таких разрешений было выдано всего 5600. Вместе с тем очевидно, что иностранная рабочая сила не оказывает заметного влияния на региональный рынок труда, так как отношение количества иностранных граждан, получивших разрешение миграционной службы на работу на предприятиях Свердловской области (26552 чел.), к численности экономиче-

ски активного населения Свердловской области (2340 тыс. чел.) в 2005 г. составило всего 1,1 %.

Основными сферами применения иностранной рабочей силы, согласно данным ФГСЗН по Свердловской области, в 2006 г. являлись:

- оптовая и розничная торговля — 45,6 %;
- строительство — 35,9 %;
- обрабатывающие производства — 8,8 %;
- предоставление прочих коммунальных, социальных услуг — 4,1 %;
- транспорт и связь — 4,1 %;
- сельское хозяйство — 0,5 %.

Главными экспортерами иностранной рабочей силы продолжают оставаться страны СНГ (39 %), в том числе Казахстан (9,2 %), Кыргызстан (7,6 %), Таджикистан (11,9 %), а также Северная Корея (23,4 %), Китай (14,4 %), страны бывшей Югославии (7,3 %), Болгария (7,2 %).

Иностранные граждане трудятся в основном в крупных промышленных городах — Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Первоуральске, Каменске-Уральском, а также в населенных пунктах, расположенных рядом с административным центром области, — в городах Верхняя Пышма, Березовский, Алапаевск, Сысерть.

В 2006 г., из почти 34 тыс. иностранных граждан, получивших разрешение на работу, 38 % составили граждане Таджикистана, 19 % — Китая, 17 % — Узбекистана, граждане Турции и Азербайджана — по 4 %, Армении — 2 % и Украины, Вьетнама и Казахстана — немногим более 1 % от каждой страны.

Всего в 2006 г. в Свердловской области по разрешениям на работу осуществляли трудовую деятельность 52845 иностранных граждан (в 2005 г. — 26552, т. е. прирост составил 99 %!); 74 % трудовых иммигрантов — это мужчины, у 73,6 % возраст составил от 18 до 39 лет.

Среди иммигрантов старше 14 лет, прибывающих в Свердловскую область из государств СНГ, 19 % имели высшее обра-

зование. При этом показательно, что доля лиц, имеющих высшее образование среди коренных жителей области (согласно данным переписи 2002 г.), лишь ненамного превышает 13 %. Эти показатели аналогичны общероссийским: высшее образование в России, по переписи 2002 г., имели 16,2 %, в то время как среди иммигрантов (прибывших в страну в 2004 г.) этот уровень составил 20,9 %. По количеству лиц, имеющих среднее специальное образование, иммигранты также демонстрируют более высокий уровень, чем граждане РФ: 34,9 и 27,5 % соответственно.

По состоянию на 1 июля 2007 г. по разрешениям на временное проживание в Свердловской области проживали 5784 человека, а по виду на жительство — 695 человек; 93 % из числа лиц, имеющих разрешение на временное проживание, составляли граждане стран СНГ, в то время как среди лиц, имеющих вид на жительство, число граждан стран СНГ не превышает 73 %.

Среди лиц, имеющих разрешение на временное проживание, наибольшее представительство имели граждане Узбекистана (22,8 %); Армении, Таджикистана и Украины (примерно по 15 %); Азербайджана (11,8 %); Грузии (8,7 %); Молдовы (3 %). Граждан Китая среди временно проживающих было только 1,2 %.

Среди лиц, имеющих вид на жительство, большинство составили граждане Казахстана и Украины (почти по 20 %); Узбекистана — 9 %; Грузии и Армении — примерно по 7 %; Китая — около 4 %.

За 2005 г., на территории области в российское гражданство были приняты 12,9 тыс. человек, а в 2006 г. — только 7 тыс. Резкое сокращение количества лиц, принятых в российское гражданство, при одновременном увеличении числа выданных разрешений на временное проживание в 2006 г. объясняется тем, что с 1 января 2006 г., согласно ФЗ РФ «О гражданстве» иностранным гражданам и лицам без гражданства для приобретения российского гражданства сначала необходимо оформить разрешение на временное проживание.

В связи с вступившими в силу с 15.01.2007 г. изменениями в ФЗ-115, для иностранных граждан, прибывших в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, значительно упростилась процедура получения разрешения на временное проживание, количество принятых в первой половине 2007 г. заявлений о выдаче такого разрешения резко увеличилось. Учитывая, что ч. 4 ст. 14 федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», дающая право на упрощенный порядок приобретения российского гражданства без оформления вида на жительство ограничена сроком действия до января 2008 г., ожидается резкий рост количества заявлений о выдаче видов на жительство.

Важно отметить, что доля иностранных граждан в населении области в настоящее время составляет 3,3 %, но при этом, они несут ответственность лишь за 0,8 % преступлений, совершенных в области в 2006 г.

В 2006 г. с территории Уральского федерального округа за пределы РФ было выдворено 3 тыс. иммигрантов. Привлечено к административной ответственности за нарушение режима пребывания на территории РФ более 46 тыс. иностранных граждан, за осуществление трудовой деятельности без разрешения на работу — около 4 тыс. человек

Удельный вес преступлений, совершаемых иностранцами, не свидетельствует о сколько-нибудь значительном их влиянии на общую криминогенную ситуацию в Свердловской области. В 2006 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства было совершено 1326 преступлений, т. е. 0,82 % от общего количества зарегистрированных в области преступлений; 43 % совершенных иностранцами преступлений имеют экономическую направленность. По данным правоохранительных органов, это прежде всего преступления, связанные с подделкой документов, квалифицируемые таковыми ст. 327 УК РФ. На втором месте (29 %) — преступления общеуголовной направленности и на третьем — преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (17 %).

Доля преступлений, совершенных иммигрантами в общем количестве зарегистрированных в 2006 г. преступлений аналогичной направленности, составляет: для преступлений общеправовой направленности — 0,8% для преступлений экономической направленности — 9,0%, для преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, — 2,8%. Таким образом, очевидно, что наиболее значителен «вклад» иностранцев в преступления, связанные с подделкой документов — миграционных карт, медицинских документов и т. п. Высокая доля граждан Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана и Кыргызстана среди иностранцев, совершивших преступления на территории области, отражает высокий удельный вес граждан этих стран в общем количестве иностранцев, временно зарегистрированных и поставленных на миграционный учет по месту пребывания в Свердловской области.

Примечательно, что в криминальной статистике практически отсутствуют граждане Китая, Белоруссии, Грузии, Молдовы и Туркменистана. Относительно последних четырех стран это может объясняться довольно малым количеством граждан соответствующих стран, зарегистрированных на территории области (от 200 до 1200 чел.), в то время как граждане Китая, при размере диаспоры более 10 тыс. человек (шестая по численности этническая община в области), демонстрируют почти исключительную законопослушность. Таким образом, не представляется обоснованным утверждать, что иммигранты сами по себе или факт их присутствия на территории РФ являются факторами, имеющими серьезное значение для ухудшения криминогенной обстановки в регионе.

Свердловская область сегодня — один из стабильно развивающихся и инвестиционно привлекательных регионов Российской Федерации. Экономический рост предприятий, успешное функционирование сектора предпринимательства, повышение благосостояния жителей делает область привлекательной для мигрантов. Ее географическое положение таково, что через ее территорию проходят миграционные потоки ино-

странных граждан, переселенцев и трудовых мигрантов, направляющихся из стран ближнего зарубежья, Юго-Восточной Азии в Россию, Восточную и Западную Европу и частично оседающих на территории области.

Несмотря на положительную динамику показателей миграционного движения, миграционный прирост населения области ниже его естественной убыли и лишь частично компенсирует тенденции старения и депопуляции, отмечаемые в Свердловской области. Сложившаяся ситуация сохранится и в долгосрочной перспективе. Именно поэтому экономика области заинтересована в мигрантах как силе, способной поддерживать экономическое развитие региона за счет обеспечения занятости рабочих мест, особенно тех, которые предполагают низкую квалификацию работников.

Источники

1. *Аналитический отчет о миграционной ситуации в Свердловской области по состоянию на 1 января 2007 года* / Управление ФМС по Свердловской области. Екатеринбург, 2007. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://ufms-ural.ru/public/?news=4&page=4&date=2008-07>
2. *Аналитический отчет о миграционной ситуации в Свердловской области по состоянию на 1 июля 2007 года* / Управление ФМС по Свердловской области. Екатеринбург, 2007. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://ufms-ural.ru/public/?news=13&page=2&date=2008-07>
3. *Концепция миграционной политики Свердловской области*. Утверждена Постановлением Правительства Свердловской области от 22 октября 2003 г. № 652-ПП. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://sverdl.gks.ru/public/release.htm>
4. *Концепция действий на рынке труда Свердловской области на 2004—2005 годы*. Утверждена Постановлением Правительства Свердловской области от 19 апреля 2004 г. № 283-ПП. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.sverdl.rostrud.ru/portal/load/doccf849193922834db358c09d49ab6342-3ebe54.cfc849193922834db358c09d49ab63423ef278.htm>
5. *О привлечении и использовании иностранных работников на территории Свердловской области за 2005 год*. Управление ФГСЗН

по Свердловской области. Дата публикации 14.04.2006 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.midural.ru/minek/DepWork/Docs/консерМР.doc>

6. *Федеральный Закон № 115-ФЗ от 25.07.2002 года «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»*. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r05/acrobat/nr2005.pdf

7. *Демографическая ситуация в Свердловской области за I полугодие 2007 года*. Публикации Свердловскстата. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.sverdl.rostrud.ru/portal/load/doccf849193922834db358c09d49ab63423ebe52.49ba9981398f334d993bce9bf6a4edfe1d2172.htm>

8. *Федеральный Закон № 109-ФЗ от 15.01.2007 года «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»*. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.sverdl.rostrud.ru/portal/load/doccf849193922834db358c09d49ab63423ebe52.49ba9981398f334d993bce9bf6a4edfe1d21a4.doc>

9. *Население России 2003—2004*. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006.

10. *Федеральный Закон № 121-ФЗ от 18.07.2006 года «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»*.

11. *Распоряжение Правительства Свердловской области от 23 июля 2004 года № 837-РП об утверждении плана мероприятий по реализации Концепции миграционной политики Свердловской области на 2005—2007 годы*.

РЫНОК ТРУДА И МИГРАЦИЯ

Tadeusz Palmowski, Maciej Tarkowski
Department of Regional Development Geography/Institute
of Geography/University of Gdańsk

Impact of migration on the regional labour market after Poland's accession to UE — case of Pomorskie Voivodship

Вступление Польши в ЕС совпало по времени с очень хорошей хозяйственной конъюнктурой. В результате совпадения этих двух обстоятельств, растущий спрос на работников в отечественной экономике превратился в их осязаемый дефицит, вызванный трудовой эмиграцией. В Поморском воеводстве описываемые перемены происходили наиболее динамично. Это результат исключительной хозяйственной конъюнктуры и высокой пространственной мобильности трудовых ресурсов. Лишь в течение одного года (2006) количество работающих увеличилось на 24 тыс., а безработных уменьшилось на 40 тыс., то есть приблизительно на ¼. В 2006 г., по оценкам, за границей находилось от 90 до 140 тыс. жителей региона. Вместе с конъюнктурой это главный фактор настолько же динамического уменьшения безработицы. Данные перемены имели негативные последствия для предприятий, проявляющиеся в быстром росте оплаты труда и в трудностях поиска квалифицированных работников, что ухудшило их конкурентное положение.

Poland's accession to the European Union coincided with a period of economic prosperity. These circumstances and the growing demand for employees in domestic economy brought about a severe deficit of labour resources caused by emigration for gainful employment. Pomorskie Voivodship is a region which noted the most dynamic transformations. The situation resulted from exceptional economic prosperity and spatial mobility of labour resources. Within merely one year (2006) the number of employed rose by 24 thousand and unemployment fell by 40 thousand, i. e. by approximately ¼. It is estimated that in 2006 between 95 and 140 thousand residents of the region were abroad. This factor contributed,

apart from the economic prosperity in the period, to a rapid drop in unemployment. The transformations had their adverse impact on developing companies, causing rapid salary growth and difficulty in finding skilled employees and in effect in company's losing competitive edge.

Free flow of people as one of EU freedoms

One of the key pillars of European integration is the free flow of people. It provides the residents of member states with an earlier unprecedented opportunity to develop their life aspirations. The free flow of people would not be successful if it were not linked with the possibility of permanent residence in a different member state or the possibility of undertaking professional employment. In view of unparallel EU expansion, embracing 10 Central and Eastern European States (EU-10), EU-15 states raised concern in the pre-accession period about migration of immigrants from the new EU states residing and working in their countries. These concerned potential destabilisation of the labour market and more generally the social security scheme in result of the inflow of significant numbers of emigrants from new member states. These concerns voiced during negotiations in agreeing accession terms resulted in stipulating transition periods in scope of liberalised access to the labour markets of EU-15. These assumed the sequence 2+3+2, i.e. during the first two years following accession of the new member states access to EU-15 labour markets were to be regulated by earlier bounding regulations (state law, bilateral agreements), with an option to extend validity of these regulations for another three years and in exceptional cases for another two. In practice, four years after accession the majority of EU-15 states opened their labour markets with no restrictions. Countries such as Ireland, Sweden and Great Britain opened their labour markets with May 1, 2004 without introducing any restrictions. By the beginning of May 2009 restrictions will most probably be lifted in Denmark, Belgium (there are no restrictions in Flanders) and in France. Only two countries Austria and Germany foresee restrictions in access to their labour markets up to 2011. Liberalisation of rules governing

free flow of employees that took place earlier than theoretically projected and stimulated integration of new member states with the European labour market. This is a fundamental condition for best use of opportunities generated by free flow of people.

Pomorskie Voivodship — social and economic brief

As the impact of migration on the regional labour market is presented in this study on the example of Pomorskie Voivodship a few words are required about the social and economic development of the region.

Pomorskie Voivodship lies on the Baltic Coast in the northern part of Poland with a population of 2.3 million residents. It is divided into 20 poviats three of which: Gdańsk, Gdynia and Sopot, are inhabited by ca. 750 thousand and form the main economic hub in the region. The TriCity agglomeration numbers in total (TriCity together with neighbouring towns and rural gminas) ca. 1078 thousand inhabitants. Another centre of regional significance is Słupsk, which located in the western part of the region (98 thous. inhabitants).

Synthesising the social economic development rate we can state that according to selected indicators (Table 1) the Voivodship rates as one of the last among the better developed regions or heads the average developed group of voivodship. Pomorskie Voivodship is thus a region developed above average, though it is practically not a leader in any of the studied areas. No doubt the region's asset is the favourable demographic structure — the share of young people in the population structure is the highest in the country. Unfortunately, similarly as in other regions, we can observe progressing aging of the society. Another advantage of the region is the relatively modern economic structure evidenced by the considerable significance of services among the total number of employed residents. From the point of view of households relatively high remuneration can be recognised as an asset.

Table 1

**Level of socio-economic development of Pomorskie Voivodship
in 2006**

Indicator	Pomorskie Voivodship	Position in ranking of 16 voivodships
Total area (in km ²)	18 314	8
Population (in thous.)	2203,6	7
Population density (per 1 km ²)	120	6
Population at age (in% of total population):		
under 25 years old	33,1	4
65 years and over	12,1	13
Employed persons (per 1000 residents)	313,5	11
Employed persons (in% of total)		
agriculture, hunting and forestry; fishing	9	13
industry and construction	31	5
Services	60	3
Entities of the national economy (per 10 thous. residents)	1039	5
Registered unemployment rate (in%)	15,3	7
Average monthly gross wages and salaries (EUR)	611	3
Gross domestic product per capita in 2005 (EUR)	6259	5

Source: Statistical Yearbook of the Regions — Poland, 2007.

Due to its coastal location Pomorskie Voivodship specialises in such economic sectors as: ship building, logistics, transport and distribution, tourism, amber based jewellery and agricultural and food processing industry with a significant share in fish processing (T. Brodzicki et al, 2007). The factor of key significance for the development of Poland, including Pomorskie Voivodship, is the inflow of foreign capital. The Voivodship is seen as average in terms of investment attractiveness. The location factor favours service related and high tech investments rather than industrial investments (T. Kalinowski et al, 2007).

Pomorskie Voivodship, similarly as the rest of Poland, is experiencing a period of economic prosperity starting 2003¹ (Fig. 1). The situation of Pomorskie Voivodship is above the average. Economic prosperity is the major factor contributing to the improved state of the labour market. In 2006 alone, the number of jobs rose by nearly 24 thousand whereas the number of the unemployed fell by 40 thousand persons (M. Nowicki et al, 2008a). The difference between the figures indicates the role of migration in improving the regional labour market. Such a drop in the unemployment rate cannot be perceived as justified solely by the growing number of jobs available or demographic changes (retirement, pensions, etc.).

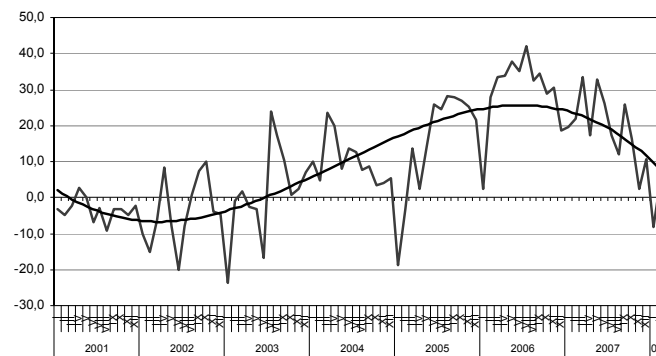

Fig. 1. Regional business indicator of Pomorskie Voivodship in the years of 2001—2008

Source: M. Nowicki et al, 2008b. P. 14.

Changes in migration intensity and target locations following Poland's accession to the European Union

As substantiated by the above, migration is an important factor contributing to the falling unemployment rate. Emigration for gains

¹ The regional business indicator is calculated on the grounds of cyclic opinion surveys among employers. Positive indicator value show domination of positive opinions whereas negative indicate the majority of negative opinions.

in 2006 has been estimated at ca. 95 thousand to 140 thousand persons². Irrespective of whether the actual emigration figures were closer to the first or the second figure, this is a significant value compared to the number of employed in the Voivodship (ca 690 thousand). The scale of migration surged in 2004. A relevant study can be carried out on the grounds of data found in the census files³. The total migration balance in the years 2002—2004 was in plus and growing. The next two years showed a clear drop. In 2006 it was negative. Nevertheless, Pomorskie Voivodship continues to be rated as a region enjoying a good balance in terms of migration (Fig 2.).

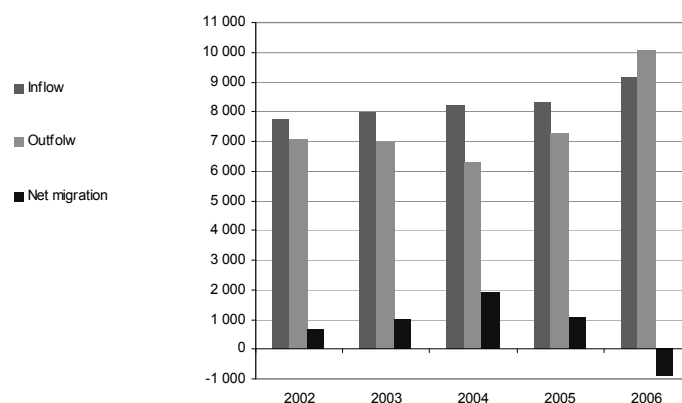

Fig. 2. Internal and international migration for permanent residence in Pomorskie Voivodship in the years 2002—2006

Source: M. Nowicki et al, 2008a. P. 76.

² Main Statistical Office data collected from target migration states provides the most reliable information on the scale and foreign migration target locations. The data cover Poland as a whole. There is no data referring specifically to Pomorskie Voivodship. However, approximations of scale of the phenomenon in the region can be made.

³ They cover only migration for permanent residence or temporary residence reported in the relevant offices. Therefore, data obtained are decidedly underestimated. Their asset is continuity of data collected, which enable tracing not the actual migration stream volume but the migration trends.

The migration balance involves both migrations between voivodships and between countries. The region enjoyed a favourable balance in migration between voivodships in the entire period under study. The balance was in plus and growing. The most numerous groups came from three neighbouring voivodships.

Concurrently, a clear drop was noted in migrations abroad starting 2005. In 2006, it read as one of the lowest in the country. The growing number of reported changes of permanent address was clearly correlated in time with liberalised access to EU labour markets.

Migration processes observed in the region are clearly spatially diversified. In 2006, the figures of poviats surrounding the TriCity showed a high positive balance, stimulated mainly by outflow of TriCity residents who similarly as in case of Słupsk showed a clear preference for outflow than inflow migration. Figures on peripheral poviats such as Czluchowski, Kwidzyński and Sztumski show a similar outflow trend.

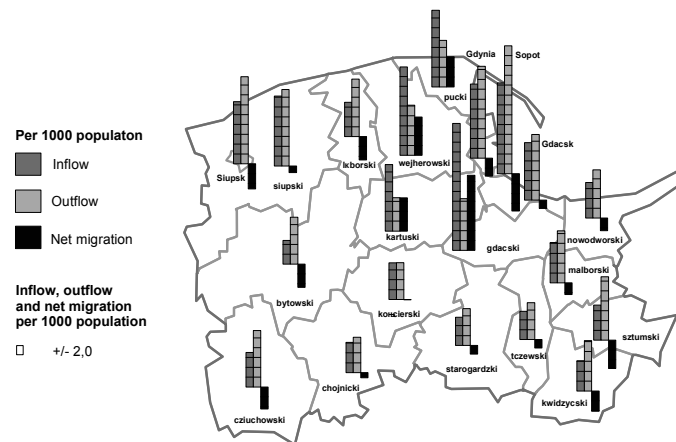

Fig. 3. Migration of population for permanent residence in Pomorskie Voivodship in 2006

Source: M. Nowicki et al, 2008b. P. 70.

In the years 2004—2006, the total migration balance dropped in all poviats except for: Wejherowski, Kartuski and Nowodworski. These areas are attractive settlements locations due to their proximity to the TriCity labour market. At the same time lower real-estate prices in the area show another asset.

On the basis of the described transformations we can attempt to reconstruct the mechanism governing migration following Poland's accession to EU and liberalisation of access to the labour market of most member states. We can identify several elements. Opened labour markets directly resulted in a clear growing emigration trend abroad and beyond the territory of Pomorskie Voivodship. Due to the migration trend among Pomorskie Voivodship inhabitants, the emigration scale is also above the average. This phenomenon combined with the economic prosperity, higher than in other regions, means disruptions in supply and demand on the labour market. This disruption encourages inhabitants of other voivodships, particularly neighbouring areas, to migrate, and to a certain extent mitigate the labour supply deficit.

The disrupted balance of the labour market is also spatially diversified inside the region contributing to growing internal migration figures in the Voivodship.

From the point of view of the labour market, the dynamic inflow of people from other regions in the country and growing internal migration were beneficial phenomena. The data on job supply indicate that the migration figures proved insufficient to mitigate the gap, which appeared in labour market resources in result of migrations abroad.

Effects of migration on the labour market

The consequences of migration for the job market can be reviewed in several dimensions. They may refer to employees, employers or the entire population. The same phenomena may generate benefits to one group and loss to others. Today, a full balance of profit and loss cannot be made as not all migration effects are

known (e.g. the question whether temporary migration for gains will contribute to appreciation or depreciation of human resource capital of the region). This study emphasises the most important, presently felt impact of migration on the regional labour market. These include unemployment, salary growth and deficit of qualified work force.

The number of unemployed at the end of 2007 read 86.9 thousand people. The unemployment rate read 10.9 percent and was lower by 0.5 percentage points than the indicator for Poland. The unemployment figures fell during the year by 39.0 thousand. The registered unemployment rate for the first time in the history of Pomorskie Voivodship (since 1999) remained for the last quarter of 2007 below the figures for Poland. The difference favouring the Voivodship ranged from -0.3 in October to -0.5 percentage point in December.

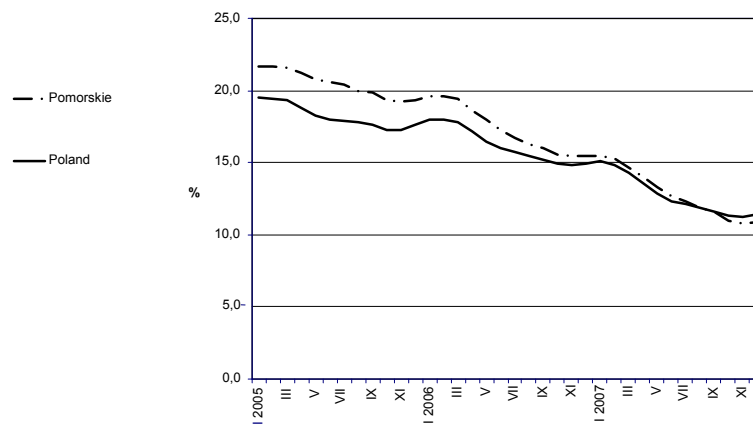

Fig. 4. Registered unemployment rate in Pomorskie Voivodship in the years 2005—2007

Source: M. Nowicki et al, 2008b. P. 24.

Within a year the drop of unemployment rate appeared in all poviats ranging from —2.4 percentage point in Gdańsk to —9.1 percentage points in powiat Sztumski. Minor drops in unemployment rates characterised the remaining poviats of TriCity as well as the majority of poviats in eastern part of the Voivodship. Bigger drops were noted in the majority of poviats in the western part of the Voivodship. Within a year, further closing of the unemployment rate gaps in the Voivodship were noted which is deemed to be a positive phenomenon. Though at the end of 2006 this gap read 28.0 percentage point, at the end of 2007 it read 25.2 percentage points.

Two groups are especially affected by the improving situation on the labour market: unemployed youth (to the age of 25) and those suffering long-term unemployment (over one year). These groups noted the biggest reductions in unemployment figures. The unemployed over 50 years old and more benefited least. Their number dropped but not as much as compare to the two groups mentioned afore. These differences can be explained, above all, by lesser mobility of this group both in professional and spatial terms.

One of the most important indicators for the labour market is the remuneration level. The average gross monthly salary in the company sector at the end of 2007 was PLN 3 410 (947 EUR) and was 5 percent above the national average. The increase of average gross salaries at the end of 2007, in an annual perspective, amounted to 13 percent and was above the analogous national indicator by 5.8 percentage points. Remuneration growth was noted in almost all company sectors. Power supply, gas and water supply companies were an exception. The greatest dynamics were noted in trade and repair services (149.1) and in hotels and restaurants (115.6) (M. Nowicki et al, 2008b.). Remuneration growth has a dual impact on the labour market. On one hand, it provides motivation to undertake employment or more efficient performance. On the other hand, it has an impact on labour costs, company profitability and may discourage the opening of new job opportunities that may in future result in degradation of the labour market.

Such remuneration growth as observed in Pomorskie Voivodship was the result of insufficient job supply. Data of 2006 (Job demand..., 2007) indicate that Pomorskie Voivodship featured the biggest labour shortage in Poland. An analysis of the structure of jobs available, both in terms of vocational groups and qualification requirements, facilitates identification of these deficits. Nearly half (48 percent) of all jobs available were open to industrial workers or craftsmen with basic vocational training. A large share (11 percent) concerned jobs for specialists with university education and machine and device operators with vocational training (9 percent). A significant number of jobs are available for technicians and other medium qualified personnel (7 percent.). The fewest jobs were open to personal services providers and sales staff with a secondary general education and a secondary professional and primary vocational education background. In all these cases they remained below the 1 percent threshold of all jobs available. The deficits generally correspond to the range of professions performed by emigrant abroad (Regional markets analysis, 2007).

The study shows that migration for gains has a significant impact on improving the Voivodship labour market. The departure of a considerable group of skilled employees in the period of dynamically growing economic prosperity created the rare opportunity for groups of unemployed inhabitants to enter the labour market predominantly young people and those suffering long-term unemployment. Growth of remuneration stimulated employment or legalisation of employment. Supported by income transfers from abroad, the purchase capacity of the region's inhabitants rose significantly and generated the multiplying effect thus developing new job opportunities. On the other hand, emigration impeded the beneficiary effects of the economic boom. Growing salaries similarly as costs of training and higher labour fluctuation have reduced company profits. Problems in attracting skilled workforce resulted in discounting orders and arrested company expansions or enforcement of company standing on the market. The loss and benefit balance for the regional labour market resulting from escalating

emigration for gains in the years 2004—2007 seems to be positive. 15 years after the economic transformation the situation of the labour market has improved sufficiently to state that the Voivodship does not belong to the group of regions classified as suffering severe labour market problems.

References

1. *Analiza regionalnych rynków pracy Pomorskie Voivodship. Najważniejsze wyniki badania wśród mieszkańców województwa pomorskiego — Part.1*, 2007, PBS DGA, Sopot, p. 59.
2. *Brodzicki T. et al.* 2007, *Analiza struktury gospodarki woj. pomorskiego pod kątem identyfikacji klastrów (wersja robocza)*, Instytut Badań nad Gospodarką Rynkową, Gdańsk, p. 77.
3. *Kalinowski T. (ed.) et al.* 2007, *Atrakcyjność inwestycyjna województw i podregionów Polski 2007*, Instytut Badań nad Gospodarką Rynkową, Gdańsk, p. 72.
4. *Nowicki M. (ed.) et al.* 2008a, *Pomorskie Obserwatorium Rynku Pracy — wersja rozszerzona*, nr 5, Instytut Badań nad Gospodarką Rynkową, Gdańsk, p. 90.
5. *Nowicki M. (ed.) et al.* 2008b, *Pomorskie Obserwatorium Rynku Pracy — wersja rozszerzona*, nr 6, Instytut Badań nad Gospodarką Rynkową, Gdańsk, p. 94.
6. *Popyt na pracę w województwie pomorskim w 2006 r., 2007*, Opracowania sygnałne, Urząd Statystyczny w Gdańsku, Gdańsk, p. 4.

Л. П. Шахотько

**Институт экономики Национальной академии наук
Республики Беларусь, Минск**

Миграционные тенденции населения Республики Беларусь

Исследуются тенденции внешней миграции населения со странами СНГ, Балтией и с другими странами, а также международной трудовой миграции. Долгосрочная миграционная политика в Белоруссии должна быть направлена на активное привлечение имми-

грантов, их успешную интеграцию в белорусское общество и нейтрализацию возможных отрицательных последствий растущей доли иммигрантов для населения страны. При разработке и реализации миграционной политики следует учитывать возможность «утечки умов» и квалифицированной рабочей силы.

Belarus is located in the geographic center of the European continent, on the crossroad of main transportation routes. The population in Belarus is reproduced only by 60 per cent due to the vital processes, and this will last for a long time, that is why migration will compensate the population deficit resulting from depopulation. Tendencies of development of external moving of the population of Belarus with the CIS countries, Baltic and with other countries, and also tendencies of the international labour moving in the report are investigated. An effective long-term migration policy in Belarus should be aimed at the active attraction of immigrants, their successful integration into the Belarus society, and neutralization of possible negative aftereffects of the growing share of immigrants for the national population. Developing and implementing migration policy, qualified manpower and brain drain should be taken into account.

Белоруссия находится в географическом центре европейского континента, на пересечении основных транспортных путей из центральных районов России в Западную Европу и из стран Балтии к государствам Черноморского побережья. Миграция населения играет важную роль в жизни белорусского общества. Начиная со второй половины 80-х гг., в Республике Беларусь произошли кардинальные изменения в объемах, интенсивности и направленности миграционных потоков. Особенно существенно на изменения тенденций миграционных потоков повлиял распад СССР, сказались также перестройка экономической и политической жизни в республике и последствия катастрофы на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 г.

Существуют потоки безвозвратной миграции со сменой постоянного места жизни и возвратной — международной трудовой миграции.

Безвозвратная миграция. Вот уже более 15 лет Республика Беларусь развивается как самостоятельное государство. За эти годы произошли кардинальные изменения в объемах, ин-

тенсивности и направленности миграционных потоков. Если в 60—70-е гг. во внешней миграции преобладали потоки, направленные из Белоруссии в другие республики страны, в 80-е гг. интенсивность оттока была незначительной, то в 90-е гг. в республике стали преобладать иммиграционные потоки над эмиграционными, и сальдо миграции стало положительным.

Решающее значение на изменения тенденций миграционных потоков населения в начале 90-х гг. повлиял распад СССР на независимые государства, а также начавшаяся перестройка экономической и политической жизни, сопровождавшаяся глубоким кризисом в социально-экономическом развитии страны. Ранее межреспубликанская миграция населения автоматически превратилась в международную, со всеми вытекающими последствиями. Резко уменьшились, особенно в первые годы, объемы экономических, родственных и учебных миграций и возросли объемы потоков, вызванных стрессовыми ситуациями. Существенно снизились миграционные потоки внутри страны, в том числе резко замедлились темпы экологической миграции, вызванные последствиями катастрофы на Чернобыльской АЭС. Распад СССР, экономический и политический кризис, возникновение военных конфликтов («горячих точек») на территории некоторых бывших республик СССР и другие причины обусловили ряд новых тенденций. Широкое распространение в начале 90-х гг. XX в. получили репатриационные миграционные потоки; появились потоки беженцев и переселенцев, нелегальной иммиграции в республику, увеличился поток выезжающих из республики в дальнее зарубежье — как на постоянное место жительства, так и с целью временного трудоустройства.

В настоящее время безвозвратная миграция населения Белоруссии складывается из двух разнонаправленных потоков: первый — со странами СНГ и Балтии и второй — с другими странами, не входящими в СНГ и страны Балтии. Если в первом потоке Белоруссия на протяжении 90-х гг. постоянно имела положительное сальдо миграции, то во втором — оно было постоянно отрицательным (рис. 1).

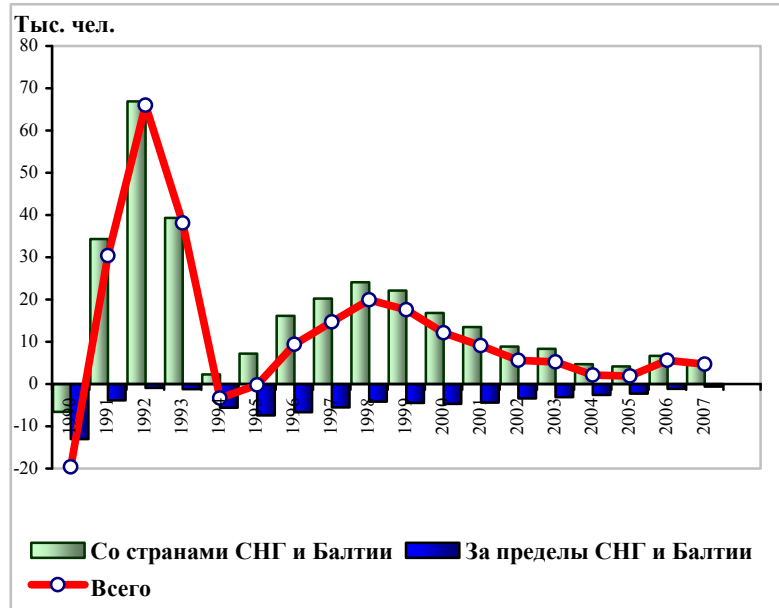

Рис. 1. Динамика сальдо миграции населения Беларуси в 90-е гг. по основным потокам

Однако в целом оборот безвозвратной миграции республики с другими странами как в первом, так и во втором потоке в 90-е гг. снижался.

Следует отметить, что в 90-е гг. XX века Белоруссия стала единственной страной на постсоветском пространстве, имевшей положительное сальдо миграции со всеми без исключения другими государствами СНГ и Балтии. Эта закономерность характерна и для первого десятилетия XXI века. Столь притягательной для мигрантов из стран СНГ и Балтии Белоруссия стала по ряду как объективных, так и субъективных причин. Во-первых, возвращались те, кто выехал из республики не так давно и не потерял с ней связи. У большинства из них здесь остались родственники, у которых можно было ос-

становиться хотя бы на первое время. Особенно активно выезжали из тех мест, где после распада СССР обострились межнациональные конфликты. Кроме того, мигрантов республика привлекала тем, что она выгодно отличалась от всех остальных: здесь не было межнациональных конфликтов, экономический спад был не таким резким, как в большинстве других республик. Безусловно, большое влияние оказало также то, что в республике после референдума 1995 г. русский язык получил статус государственного. К тому же абсолютное большинство населения на работе и в семье говорит на русском языке. Это позволяет легко адаптироваться в республике русскоязычному населению из любой страны. Свободные рабочие места и возможность приобретения жилья в сельской местности, в том числе на территориях, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС, также стимулировало приток населения в республику. Вооруженные конфликты люди сочли более страшной угрозой, чем загрязнение радионуклидами. В результате сельская местность Белоруссии имела положительное сальдо миграции как за счет сельских жителей, так и горожан из стран СНГ и Балтии.

В то же время сальдо миграции внутри страны постоянно сохраняло свою направленность: из сельской местности в городскую. В последние годы не только резко уменьшились объемы сальдо миграции, но изменился состав мигрантов. В первой половине 90-х гг. XX века, когда иммиграция в значительной степени была вызвана экстремальными причинами, в положительном сальдо миграции в Белоруссию была велика доля женщин с детьми.

В начале XXI века (особенно в 2003—2004 гг.) обращает на себя внимание большой приток молодых людей обоего пола в возрасте 15—24 года со средним общим и неполным средним и отток молодежи в возрасте 20—29 лет с высшим образованием. Молодежь из соседних областей России и Украины приезжает на учебу в Республику Беларусь. Приезжают на учебу также те молодые люди, кто имеет на территории республики родствен-

ников. Следует отметить, что стоимость образования в Белоруссии ниже, чем в соседних государствах. После окончания учебы многие из них выезжают из республики.

В последние годы наблюдается большой приток в страну и лиц в пенсионном возрасте, что связано с возвращением тех, кто ранее выехал из Белоруссии в другие государства СНГ и откладывал свое возвращение на родину до окончания трудовой деятельности. Уровень пенсионного обеспечения в Белоруссии выше, чем в других государствах, и выплачивается без задержек. Кроме того, медицинское обеспечение в стране в большей степени, чем в других государствах, остается бесплатным и в результате более доступным. Следует отметить, что из России в Белоруссию едут в основном, конечно, не из столичных городов, а из периферийных регионов, где социальная сфера развита слабее. В 90-е гг. наблюдался большой отток из республики женщин с высшим образованием. Это, видимо, было связано со значительным оттоком на постоянное место жительства молодых образованных девушек в страны Западной Европы и Америку с целью заключение брака. Белоруссия для западных стран становится поставщиком невест.

По мере стабилизации социально-экономической ситуации в стране меняются направления, объемы, структура и цели миграционных потоков.

В условиях депопуляции, когда население страны воспроизводится только наполовину, миграции предстоит компенсировать убыль населения. Поэтому государство заинтересовано в притоке населения в республику и стремится проводить в стране эффективную миграционную политику, направленную на активное привлечение иммигрантов, особенно из стран СНГ, их успешную интеграцию в белорусское общество и нейтрализацию возможных отрицательных последствий. В 2006 г. сальдо миграции населения в Белоруссию из стран СНГ и Балтии увеличилось и уменьшилось

отрицательное сальдо миграции с другими странами, в результате чего в республике вырос общий миграционный прирост населения. Однако это повышение пока не стало устойчивой тенденцией. В 2007 г. показатели положительного сальдо миграции уменьшились со странами СНГ и Балтии, но и отрицательное сальдо миграции с другими странами тоже снизилось. В результате миграционный прирост остается небольшим и не может перекрыть убыль населения за счет естественного движения. Население страны продолжает уменьшаться.

Отток населения из Белоруссии за границы бывшего СССР в начале 90-х гг. был вызван резким ухудшением социально-экономической и экологической ситуации в республике, либерализацией жизни в стране. Существенному увеличению способствовало также разрешение свободной этнической эмиграции и упрощение порядка выезда и въезда по другим причинам. В результате в 1989—1990 гг. внешняя миграция населения Белоруссии со странами, не входящими в СНГ и Балтию, резко возросла, затем с середины 90-х гг. стала снижаться. В настоящее время в обмене с этими государствами Белоруссия продолжает терять свое население, т.е. численность выезжающих за рубеж превышает приток граждан из-за границы, но объемы этих миграций небольшие и в целом практически не влияют на динамику населения страны. Так, в 2007 г. из страны в «дальнее зарубежье» выехали 2,2 тыс. человек, обратно в страну прибыли 1,6 тыс., и сальдо миграции составило всего 612 человек.

Трудовая миграция — очень распространенное явление в мире. Ее разнонаправленные потоки существенным образом влияют на развитие ситуации на региональных и национальных рынках труда. По данным экспертов Международной организации труда, численность иностранных работников-мигрантов в мире находится в пределах от 36 до 42 млн человек, а вместе с членами их семей — от 80 до 97 млн человек [8, с. 5]. Республика Беларусь только в 90-е гг. реально столкну-

лась с проблемами международной трудовой миграции. До этого случаи выезда на работу за границу, как и приезд на работу в республику иностранцев, были единичными, их практически можно было не учитывать. Проблемы вызывали только межреспубликанские и внутриреспубликанские миграционные передвижения, и миграционная политика была направлена на регулирование этих потоков. В настоящее время новые миграционные проблемы, связанные с легальной и нелегальной международной трудовой миграцией, требуют своего решения.

Объемы международной трудовой миграции в стране с каждым годом возрастают, а с этим видом миграции связано большое количество экономических, правовых и социальных проблем. В международной трудовой миграции Белоруссия является в основном страной-экспортером рабочей силы. Трудовые мигранты из Белоруссии выезжают как на Восток, в основном Россию, так и на Запад, в страны ЕС, США, Канаду. Из страны трудовые мигранты выезжают как по официально заключенным договорам и контрактам, так и без них. Причем поток выезжающих без официально заключенных в Белоруссии договоров и контрактов, по экспертным оценкам, в несколько раз превышает численность выезжающих туда официально. Как показывают обследования, не все из них являются нелегальными мигрантами в полном значении этого слова, так как многие из них заключают договора и контракты не в своей стране, а в стране-реципиенте непосредственно с нанимателем. Как страна-реципиент Белоруссия выступает в меньшей степени, принимая относительно небольшие потоки трудовых мигрантов из Молдовы, Украины и ряда других государств в основном на сельскохозяйственные и строительные работы.

Относительно точный статистический учет в стране ведется только тех трудовых мигрантов, которые выезжают или въезжают в страну официально, по трудовым договорам и контрактам, заключенным в фирмах Республики Беларусь.

Это относительно небольшие потоки. В 2007 г., по данным органов статистики, в Белоруссию по контрактам и договорам прибыли всего 1,5 тыс. человек и выбыли в другие государства 7,3 тыс. (рис. 2).

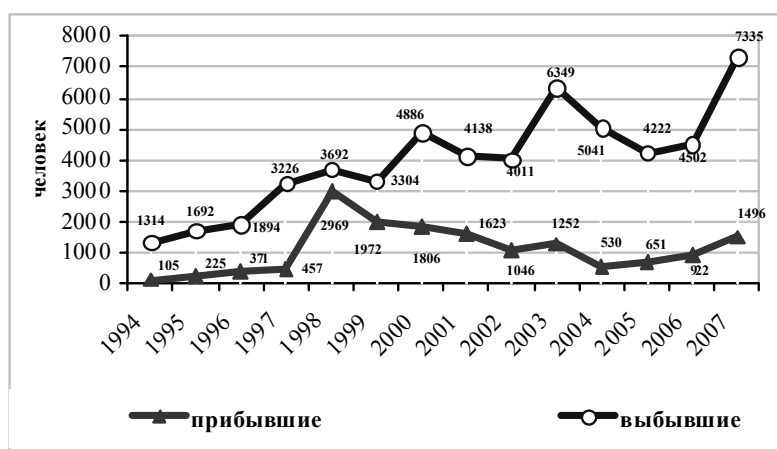

Рис. 2. Динамика численности трудящихся-мигрантов, выехавших из Белоруссии и въехавших в страну на основе официальных договоров и контрактов (1994—2007 гг.)

Выезд рабочей силы из Белоруссии для заработка за рубежом охватил все области республики. При этом все же основной поток трудовых мигрантов обеспечивает г. Минск. Это объясняется тем, что здесь сосредоточено подавляющее большинство фирм, имеющих лицензии на трудоустройство граждан Республики Беларусь за рубежом. Кроме того, в Минске сконцентрирована значительная часть студенческой молодежи, являющейся активным участником легального международного трудового обмена. Постепенно увеличивается выезд на работу по договорам и контрактам за рубеж из областных и районных центров, в первую очередь Могилевской, Гомельской и Витебской областей.

Основными странами выезда белорусской рабочей силы на протяжении десятилетия остаются Россия, страны Западной Европы и США. При этом, как показывает анализ, российское направление является традиционным для миграционных перемещений белорусской рабочей силы.

Хотя в среднем заработки в России ниже, нежели в европейских странах, приоритетность данного направления объясняется несколькими причинами. Прежде всего, невозможностью пробиться на западные рынки труда: ограничительными мерами ряда западных стран и большой конкуренцией со стороны мигрантов из других стран. С другой стороны, увеличение спроса на квалифицированную рабочую силу в ряде российских регионов, рост числа высокооплачиваемых рабочих мест, реальная возможность найти нужную работу способствует повышению интереса белорусских работников к трудоустройству в России. Большое значение в выборе направления трудовой миграции имеет также географическая близость стран, свободный режим пересечения границ, отсутствие языкового барьера при трудоустройстве в России, а также общность культуры и традиций белорусского и русского народов.

Активизации трудовой миграции из Белоруссии в Россию способствуют заключаемые между Министерством труда и социальной защиты Белоруссии и департаментом службы занятости России соглашения о сотрудничестве в области занятости населения. В то же время это порождает проблему статистического учета трудовых мигрантов, выезжающих из Белоруссии в Россию и из России в Белоруссию в индивидуальном порядке, без услуг фирм-посредников.

Второй страной по объему принимаемых трудящихся-мигрантов из Белоруссии по договорам и контрактам является США. Численность выезжающих по годам колеблется, но все время находится на довольно высоком уровне. Так, в 1999 г. на основе подписанных договоров и контрактов в США выезжали на работу 105 человек, в 2000 г. — уже 1438 человек. К 2003 г. численность выехавших в США возросла еще в 1,5 ра-

за и составила 3476 человек. В 2007 г. туда выехали 1466 человек, это 20% всех трудящихся-мигрантов из Белоруссии, выехавших по контрактам и договорам.

Значительное количество выездов в США объясняется развертыванием в Белоруссии международных культурно-образовательных программ и активным участием в них белорусской молодежи. В большинстве своем в этих программах принимают участие студенты высших и средних специальных учебных заведений, а также молодежь, имеющая рабочие специальности (выпускники колледжей и ПТУ). К таким программам можно отнести Work & Travel, Camp America, Trainee, Internships, Au Pair, Work Experience и др. В частности, наиболее популярная студенческая программа Work and Travel предусматривает легальную работу в США на летних каникулах для студентов в течение 4 месяцев, дополнительно дается еще 1 месяц на то, чтобы посмотреть страну. Для участия в программе соискателю необходим статус студента дневного отделения вуза, не последнего курса, возрастные ограничения — 23 года. Наиболее распространенными видами приложения труда являются работа в отеле, ресторане, в сфере продаж, парках развлечений, временная работа в офисах и на фермах.

В 2004—2006 гг. наблюдалось снижение объемов выезда в США с целью временного трудоустройства. По сравнению с 2003 г. их численность уменьшилась в 2006 г. в 6 раз и составила 574 человека. Это связано с тем, что за последние годы в Белоруссии свернуты многие популярные программы работы студентов как в США, так и странах Западной Европы. Одна из основных причин подобных рестриктивных мер — нарушение белорусскими участниками правил программы, частые случаи невозвращения студентов после летних каникул на учебу и продолжение трудовой деятельности за рубежом после истечения сроков действия программы [3, с. 39—47]. В 2007 г. ситуация стала выравниваться и количество мигрантов в США опять увеличилось.

Из стран Западной Европы наиболее привлекательными для белорусской рабочей силы являются Великобритания, Германия, Франция, Ирландия, Норвегия, Швеция, Чехия. Как показывает анализ, доля европейских стран в общем объеме выезда варьируется незначительно — от 11,7% в 2000 г. до 14,7% в 2006 г. Это объясняется тем, что данное направление одинаково привлекательно как для студенческой молодежи, так и других категорий трудящихся-мигрантов из Белоруссии. Как стало видно из исследования, в европейских странах в большей степени, чем в других странах, востребована рабочая сила, занятая умственным трудом. В общем числе выезжающих для работы в Германию их доля за последнее десятилетие в среднем составляла более 40%. Повышенная доля занятых умственным трудом в странах Западной Европы объясняется потребностями рынка труда данных стран в преподавателях, воспитателях, медицинских работников, работниках искусства.

Таким образом, изучение направлений временного выезда белорусской рабочей силы показало, что анализируемые потоки представляют совершенно разные по качеству и профессиональному составу трудящиеся-мигранты. На работу в США выезжают в основном студенты во время летних каникул. Основная сфера приложения труда в США — сфера досуга и развлечений. В Россию трудящиеся-мигранты едут, как правило, на более длительное время, преимущественно для занятий строительными видами работ. В Европе подавляющее число трудоустройств приходится на сферу услуг и сельское хозяйство.

Образовательный уровень выезжающих за границу работников из Белоруссии довольно высок: в 2007 г. 89,3% имели среднее и среднее специальное образование. Это значительно выше, чем в среднем у населения страны. Однако доля лиц с высшим образованием среди трудящихся-мигрантов, выехавших из Белоруссии на основе официальных договоров и контрактов, существенно ниже, чем в целом у населения республики (всего 6,1%). Это в значительной степени связано с тем, что по официальным договорам и контрактам из республики в

большей степени выезжают студенты младших курсов, которые только получают высшее образование. Среди трудящихся-мигрантов, выезжающих за границу, преобладают мужчины. В 2007 г. они составляли 68,3 % всех трудящихся-мигрантов, выехавших из страны по контрактам. Женщин среди них было только 31,7 % [6].

Как страна-реципиент Республика Беларусь выступает в меньшей степени, принимая небольшие потоки официально регистрируемых трудящихся-мигрантов. Наибольшее их число приходилось на 1998 г. (2969 чел.), затем численность их стала сокращаться, в 2007 г. она составила 1496 человек. В 2007 г. трудящиеся-мигранты прибывали из 50 стран мира, но наиболее значителен приток был из 7 стран: Украины — 409, России — 159, Турции — 117, Вьетнама — 71, Литвы — 65, Армении — 52, Молдовы — 50 человек, из остальных менее чем по 50 человек. Из дальнего зарубежья в Белоруссию приезжают трудящиеся-мигранты из Турции, Вьетнама, Польши, Великобритании, Германии, Ливана, Китая и других стран.

Заслуживает внимания факт, который приводят в своей публикации Л. С. Боровик и Н. Н. Привалова: «Определенная часть иностранных граждан работает в Республике Беларусь без соответствующего разрешения, не всегда регистрируется фактическая занятость иностранцев в нашей стране. Об этом свидетельствует то, что ежегодно субъектам хозяйствования выдается значительное количество лицензий на привлечение иностранной рабочей силы, превышающее статистические данные о числе трудящихся-мигрантов, работающих в республике по договорам и контрактам. Так, в 2002 г. Министерством труда и социальной защиты была выдана 231 лицензия на привлечение 5532 сезонных рабочих. Из них на сельскохозяйственные работы — 4272 чел. и на строительные — 1154 чел.» [1]. По отчету прошло только 1046 человек. Следовательно, нерегистрируемых мигрантов в 5 с лишним раз больше, чем зарегистрированных. Кроме того, есть и те, кто вообще работает без всякой регистрации.

Из страны трудящиеся-мигранты также выезжают не только по официально заключенным договорам и контрактам, но и без них. Причем потоки выезжающих без официально заключенных в Белоруссии договоров и контрактов, по экспертным оценкам, в несколько раз превышает численность выезжающих туда официально. Как показывают исследования отечественных и зарубежных специалистов, на процессы незаконной трудовой миграции в первую очередь влияют факторы, связанные с глобализацией. С одной стороны, препятствует легальному выезду из страны трудящихся-мигрантов усиление иммиграционного контроля в странах Запада, что уменьшило возможности законного въезда и трудоустройства. Это сказалось на более активном использовании нелегальных каналов. С другой стороны, росту нелегальных миграционных потоков способствует то, что неформальная экономика предьявляет все возрастающий спрос на нелегальную иностранную рабочую силу из-за ее дешевизны и непритязательности. Нелегальные работники готовы работать за минимальную плату, без каких-либо социальных гарантий [4].

Наиболее сложным вопросом при исследовании процесса незаконной трудовой миграции является определение масштабов незаконной занятости. Экспертные оценки численности трудовых мигрантов из Республики Беларусь колеблются в очень широком диапазоне. Так, по данным базы данных по международной трудовой миграции Международной организации труда (МОТ), численность мигрантов из Белоруссии оценивается в размере 12—14 тыс. [7, с. 12], т. е. в три раза выше, чем по данным официальной статистики. По данным российской переписи населения 2002 г., на территории Российской Федерации в 2002 г. официально работали более 100 тыс. граждан Белоруссии. По оценкам, количество тех, кто работал там нелегально, — в 2,5 раза выше [7, с. 12]. По оценке Всемирного банка, в 2004 г. за рубежом работали 400 тыс. граждан Белоруссии, т. е. в 100 раз больше, чем зарегистрировано в органах ста-

тики [7, с. 12]. По данным российского исследователя А. В. Топилина, численность незаконных трудовых мигрантов из Белоруссии только в России около 300 тыс. человек [5, с. 145]. По его расчетам, учитывая, что нелегальные мигранты направляют домой от 50 до 75 % заработанных в России средств, годовой доход белорусских трудовых мигрантов, занятых в теневой сфере, составляет от 360 до 810 млн долларов США. В то же время Госкомстат дает следующие данные по переписи населения 2002 г. В России на дату переписи постоянно проживало всего 808 тыс. лиц белорусской национальности, при этом гражданство Республики Беларусь имели 40 тыс. человек. Временно на территории России находилось всего 8 тыс. человек с гражданством Республики Беларусь, и из них только 5 тыс. приехали с целью работы [9]. На наш взгляд, оценка численности трудовых мигрантов из Белоруссии в России в 300 тыс. человек завышена. Даже с учетом предположения недоучета в данных российской переписи населения 2002 г. такой большой разброс данных говорит о несовершенстве существующего в стране учета трудовой миграции. Это препятствует объективной оценке и изучению данных процессов.

Одной из форм международной трудовой миграции является интеллектуальная миграция. В условиях перехода экономики страны к рыночным отношениям, либерализации выезда граждан за границу, интеграции науки Белоруссии в мировое научное сообщество значительно активизировалась внешняя миграция научных и научно-педагогических кадров. География международного интеллектуального экспорта труда Республики Беларусь показывает, что в структуре международных научных связей большую роль играет фактор соседства. Так, за 2005 г. в первой девятке государств-лидеров по количеству поездок белорусских ученых находились все граничащие с Республикой Беларусь страны: Российская Федерация, Польша, Украина, Латвия, Литва (рис. 3).

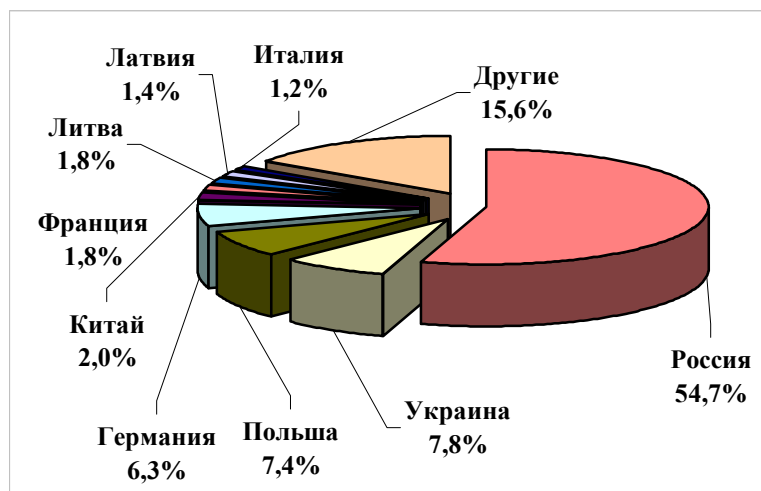

Рис. 3. Направления международного интеллектуального экспорта труда Республики Беларусь (2005 г.)

В 2005 г. основной миграционный поток ученых направился в Россию (54,7% — 2308 выездов), Украину (7,8% — 327 выездов) и Польшу (7,4%, — 311 выездов). В 2004 г. также лидировала Россия (50,0%), Польша (9,7%) и Германия (7,4%).

Проблема «утечки умов» требует особого внимания. Перспективная миграционная политика Белоруссии должна быть направлена на активное привлечение иммигрантов, их успешную интеграцию в белорусское общество и нейтрализацию возможных отрицательных последствий растущей доли иммигрантов для населения страны. При разработке и реализации миграционной политики следует учитывать возможность «утечки умов» и квалифицированной рабочей силы. Для сглаживания этого процесса необходимо разработать встречные меры, которые способствовали бы притоку кадров высокой

квалификации в нашу республику. Нужно также стимулировать возврат в республику граждан, выехавших ранее в другие страны на постоянное жительство.

Кроме того, для Белоруссии весьма актуальной остается проблема эффективного управления международной трудовой миграцией. В республике создан Департаменте по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь. В соответствии с Положением о Департаменте по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 04 июня 2004 № 268, основной задачей, возложенной на Департамент в области международной трудовой миграции, является организация работы по предотвращению незаконного трудоустройства иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь и граждан Республики Беларусь за границей. Однако перед государственными органами, на наш взгляд, задача стоит значительно шире. Необходимо не столько предотвратить незаконное трудоустройство, сколько его легализовать, вести работу по активизации международной трудовой миграции в соответствии с потребностями рынка труда в республике, обеспечить необходимые гарантии трудовым мигрантам как приезжающим в Белоруссию, так и нашим соотечественникам, выезжающим за границу.

Список литературы

1. Боровик Л. С., Привалова Н. Н. Демографические основы формирования рынка труда в Беларуси. Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, 2007.
2. Данные Министерства статистики и анализа Республики Беларусь.
3. Масленкова Е. В. Молодежная трудовая миграция из Беларуси: последствия и пути регулирования // Организационно-педагогические и идеологические основы работы с молодежью в высшей школе. Из опыта работы специалистов по социальной и воспитательной

работе со студенческой молодежью и кураторов студенческих групп. Минск, 2006. С. 39—47.

4. *Проблема незаконной миграции в России: реалии и поиск решений (по итогам социологического обследования) /* Международная организация по миграции (МОМ), Бюро МОМ в России. М., 2004.

5. *Топилин А. В.* Рынок труда России и стран СНГ: реалии и перспективы развития. М., 2004. С. 145.

6. *Трудовая миграция.* Статистический сборник за 2007 год. Минск, 2008.

7. *Labour Migration Assessment for the WNIS Region.* IOM International Organization for Migration Mission in Ukraine February. 2006. P. 12.

8. Migrant workers. ILO, Geneva, 1999. P. 3. Цит. по кн. *Красинец Е. С., Тюрюканова Е. В.* Международная трудовая миграция. Политика принимающих стран. М., 2002. С. 5.

9. Сайт Госкомстата РФ по переписи населения 2002 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru>

Е. С. Красинец
Институт социально-экономических проблем
населения РАН, Москва

**Иностранная рабочая сила в российской экономике:
современное состояние
и перспективы использования**

Проанализированы тенденции трудовой иммиграции в Россию в увязке с проблемами функционирования рынка труда. Рассматриваются последствия привлечения и использования иностранной рабочей силы; направления регулирования международной трудовой миграции, проблемы сокращения незаконной миграции и занятости трудовых мигрантов. Особое внимание уделено вопросам координации миграционной политики государства с политикой в области противодействия теневой экономике.

In this paper the trends of the labour immigration to Russia in connection with the problems of the labour market functioning are analyzed and compared. The paper will report on the effects of foreign labour use for the regional labour markets. The presentation will address the key directions of the regulation of the international labour migration. It also examines the problems of decreasing the illegal migration and employment of migrant workers. Special attention is given to the issues of coordinating the illegal migration regulation policy with the policy of fighting shadow economy.

Международная миграция населения приобрела в последние десятилетия глобальный характер и стала неотъемлемой частью современной системы мирового хозяйства, нормой существования большинства государств. В условиях глобализации хозяйственной деятельности, углубления социально-экономических и демографических различий между странами все более активизируется международный трудовой обмен. В глобальном «круговороте трудовых ресурсов» масштабным социально-экономическим явлением стала трудовая миграция и в России.

Ориентация российского рынка труда на активный рост легальной трудовой иммиграции, получение обществом максимальной выгоды от привлечения в экономику дополнительной иностранной рабочей силы требуют всесторонней оценки этого явления. Однако при характеристике объемов, направлений и структуры трудовой миграции в стране существуют значительные пробелы. В условиях дефицита информации о миграционных процессах и сохраняющихся недостатках статистического учета иностранных работников данные о трудовой иммиграции становятся еще более ненадежными и неопределенными, когда речь идет о численности и составе незаконных мигрантов и теневых характеристиках их занятости.

В статье, подготовленной в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований проекта

(грант №08—06—00159-а), предпринята попытка показать, что в России в условиях либерализации миграционной политики наблюдаются существенные перемены в объемах, направлениях и структуре трудовой иммиграции, а рост масштабов использования иностранной рабочей силы сопровождается рядом противоречий, которые нельзя игнорировать, поскольку они в перспективе могут оказывать не только позитивное, но и негативное воздействие на развитие РФ и ее регионов. Анализ краткосрочных и долгосрочных эффектов интенсификации процессов трудовой иммиграции для страны в целом, ее отдельных территорий и социальных слоев российского общества (работников, работодателей, разных групп потребителей) позволяет конкретизировать те направления государственной миграционной политики, которые необходимо усиливать и совершенствовать.

Важнейшие перемены в трудовой миграции связаны прежде всего с изменением ситуации на национальном рынке труда и в сфере занятости населения. Как и в большинстве стран мира с развитой рыночной экономикой, положение на рынке труда России развивается в условиях диспропорций между спросом на рабочую силу и ее предложением.

В последние годы все большей проблемой для социально-экономического развития России становится нарастающий дефицит рабочей силы, который проявляется прежде всего среди рабочих высокой квалификации, а также по профессиям с большим количеством непривлекательных и тяжелых видов работ. Число вакансий, только заявленных в территориальных органах государственной службы занятости, составляет в настоящее время более 1,0 млн человек. За последние 10 лет в целом по стране дополнительная потребность в работниках выросла более чем втрое (рис. 1). И это несмотря на наблюдаемый уже длительное время существенный естественный прирост трудоспособного населения.

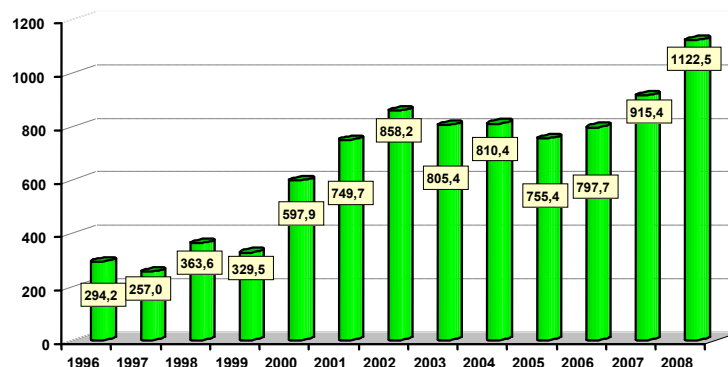

Рис. 1. Дополнительная потребность в работниках, заявленная в службах занятости, 1996—2008 гг.
(на начало года, тыс. человек)

Источник: Данные Росстата.

В настоящее время с проблемой недостатка квалифицированных кадров сталкивается большинство руководителей предприятий и организаций. Дефицит квалифицированной рабочей силы выражается в первую очередь в нехватке рабочих основного технологического профиля, а также рабочих, занятых ремонтом и техническим обслуживанием. Наибольшую потребность в квалифицированных кадрах испытывают предприятия промышленности (особенно машиностроения и металлообработки), строительства и транспорта.

Важно отметить, что проблема дефицита рабочей силы усугубляется существенной дифференциацией территорий по состоянию региональных рынков труда. В ряде регионов количество зарегистрированных вакансий превышает число, незанятых трудовой деятельностью и состоящих на учете в службах занятости. Наибольшую потребность в дополнитель-

ной рабочей силе испытывают крупные города, в первую очередь Москва, Санкт-Петербург, а также восточные территории, откуда уже длительное время идет масштабный миграционный отток населения. В 2006 г. в 20 регионах (прежде всего в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, Калининградской, Новосибирской, Тюменской областях) число зарегистрированных вакансий превышало число незанятых трудовой деятельностью, состоящих в службах занятости.

Следует также иметь в виду, что проблема дефицита рабочей силы усиливается из-за низкой территориальной трудовой мобильности населения, а также в связи с тем, что в стране начался существенный спад прироста трудовых ресурсов, резкое сокращение предложения труда, которые в перспективе приведут к заметному росту демографической нагрузки на занятое население.

Если до настоящего времени наблюдалась ситуация, при которой демографический потенциал сокращался, а трудовые ресурсы увеличивались, то теперь направления динамики всего населения и населения в трудоспособном возрасте начинают совпадать. С таким развитием в истории нашего общества мы сталкиваемся впервые. Так, в период 80-х гг. прошлого столетия отмечалось лишь уменьшение прироста трудовых ресурсов. Теперь же ожидается обвальное сокращение самого трудового потенциала, что делает еще более актуальной проблему поиска дополнительных источников рабочей силы, в том числе и за счет расширения привлечения и использования иностранных трудящихся-мигрантов.

Возрастание в российской экономике дефицита трудовых ресурсов сопровождается ростом масштабов, а также изменением направлений и структуры трудовой иммиграции. За последние 10 лет (1998—2007 гг.) зарегистрированное число иностранных работников увеличилось в России более чем в 10 раз. Особенно заметный скачкообразный рост наблюдался в связи с принятием нового иммиграционного законодательства. Так, в 2007 г. по сравнению с 2006 г. численность иностранных работников, на законных условиях работавших в России, возросла с 1,0 до 2,3 млн человек, или более чем в 2 раза (рис. 2).

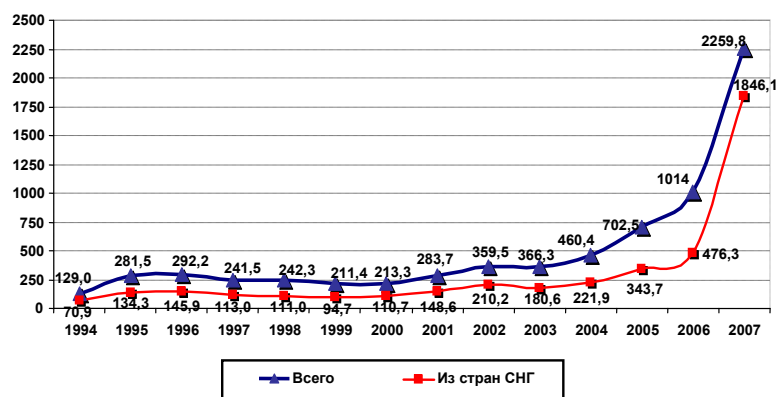

Рис. 2. Численность иностранных работников, занятых в экономике России (1994—2007 гг.), тыс. чел.

Источник: Данные ФМС России.

Вероятно, эта тенденция сохранится не только в ближайшей, но и более отдаленной перспективе, принимая во внимание усиливающийся разрыв между потребностью в занятых, необходимых для обеспечения ускоренного развития российской экономики, и ожидаемым серьезным сокращением численности трудовых ресурсов страны.

Трудовая миграция в современную Россию характеризуется большим разнообразием миграционных потоков по странам выезда. В настоящее время в перечне стран, направляющих в Россию рабочих и специалистов, ведущие места заняли Китай, Украина, Турция, Узбекистан, Таджикистан, Вьетнам и Молдова.

Большую часть иностранной рабочей силы на российский рынок труда поставляют бывшие союзные республики. В общем потоке трудовых мигрантов из стран СНГ важными тенденциями являются, с одной стороны, сокращение доли Ук-

раины и Грузии, а с другой стороны, рост доли Таджикистана, Узбекистана, Молдовы, Азербайджана и Армении.

Труд иностранных работников наиболее востребован в тех субъектах Российской Федерации, где отмечаются наибольшие инвестиции в экономику и более высокие темпы экономического развития.

В начале 2000-х гг. окончательно сформировались основные центры притяжения трудовых мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья. Самый крупный потребитель иностранной рабочей силы — Центральный федеральный округ, в котором работают около половины всех трудовых мигрантов, привлеченных в российскую экономику. Вторым по привлекательности для трудовых мигрантов является Уральский федеральный округ, на который приходится 13,3 % от общей численности использованной в Российской Федерации иностранной рабочей силы. В 2006 г. на долю этих округов приходилось две третьих всех трудовых мигрантов, прибывших в РФ из стран ближнего и дальнего зарубежья (табл.).

**Распределение иностранных работников
по федеральным округам Российской Федерации, 2006 г., %**

Федеральный округ	Из стран СНГ и других стран	Из стран СНГ
<i>Всего:</i>	100,0	100,0
<i>В том числе:</i>		
Центральный	47,8	46,8
Северо-Западный	7,1	9,8
Южный	4,4	5,0
Приволжский	7,0	7,2
Уральский	13,3	19,0
Сибирский	9,1	7,2
Дальневосточный	11,3	5,0

Источник: Данные ФМС России.

Из российских территорий самый крупный потребитель иностранной рабочей силы — Московский регион. Так, по данным ФМС России, в экономике Москвы официально занято свыше трети трудовых мигрантов от их общей численности в России.

Гастарбайтеры из бывших союзных республик и стран дальнего зарубежья трудятся преимущественно в основных секторах материального производства. Большая часть трудовых мигрантов работает в строительстве, где достаточно высокая оплата труда и большой фронт работы. В структуре занятости иностранных работников наблюдается тенденция устойчивого снижения доли иностранной рабочей силы, занятой в промышленности и сельском хозяйстве при параллельном резком наращивании темпов занятости в торговле.

Важнейшим следствием развития современной трудовой миграции в Россию является то, что увеличение ее легальных потоков сопровождается ростом масштабов нелегальной миграции, состоящей в основном из дешевой и бесправной рабочей силы. Значительным остается число мигрантов, получивших разрешение на работу, но не оформивших в соответствии с миграционным законодательством свои трудовые отношения с работодателем.

Как показали наши исследования, в характеристике нелегальной миграции можно выделить ряд существенных моментов. Так, в общей численности незаконных мигрантов большую часть (около $\frac{2}{3}$) составляют выходцы из республик бывшего СССР. Особенно велики размеры латентной миграции в крупных городах, прежде всего в Москве. Социально-демографические характеристики нелегальных мигрантов близки к параметрам легальных мигрантов. Основная сфера их притяжения — негосударственный сектор и неформальная экономика. Большая часть нелегалов занята на стройках и рынках.

Важный вопрос, который требует рассмотрения в отношении активизации в России международного трудового обмена, — оценка влияния трудовой иммиграции на сферу экономики. В

последнее время в российском обществе этот процесс все больше воспринимается как фактор, от эффективного использования которого в значительной степени зависит успех экономического развития страны. В условиях демографического спада миграция является условием поддержания численности населения и трудовых ресурсов на уровне, достаточном для сохранения темпов экономического роста. Благодаря трудовым мигрантам усиливается ресурсный потенциал развития, улучшается сбалансированность рынка труда, компенсируется дефицит рабочей силы, обеспечивается стабильное функционирование многих секторов экономики, таких как строительство, транспорт, сельское хозяйство, торговля, сфера услуг, коммунальное хозяйство. В настоящее время временная трудовая иммиграция — объективная экономическая необходимость для многих регионов России. Эта необходимость в будущем будет только усиливаться.

Вместе с тем, говоря о реальности воздействии трудовой иммиграции на экономику, следует учитывать не только ее сильные стороны, но и негативные последствия, в значительной мере вызванные низким уровнем управляемости миграционными процессами, отсутствием скоординированной системы воздействия на миграционные перемещения населения, несовершенством миграционного учета, неэффективным регулированием объемов, направлений и качества потоков иностранной рабочей силы. Среди отрицательных эффектов масштабного увеличения объемов трудовой иммиграции тщательного рассмотрения требуют следующие моменты:

- нерациональная структура миграционных потоков, стихийное наполнение регионов трудовыми мигрантами из-за рубежа, чей профессионально-квалификационный и образовательный уровень не соответствует потребностям социально-экономического развития территорий, усиление давления на рынок труда неквалифицированной рабочей силы, что не может не влиять на качество используемого трудового потенциала;

- возрастание угроз экономической и социальной безопасности в результате концентрации большого числа нелегальных мигрантов и их теневой занятости;
- подрыв рыночных механизмов экономики в результате использования в больших масштабах незаконной, дешевой и бесправной иностранной рабочей силы, применение которой в ряде отраслей снижает социальные стандарты занятости, уровень оплаты труда, темпы модернизации и внедрения трудосберегающих технологий;
- необходимость соотнесения миграции с рисками осложнения санитарно-эпидемиологической обстановки в результате высокого уровня заболеваемости мигрантов инфекционными заболеваниями (СПИД, туберкулез, сифилис, гепатит и др.).

Незаконная иммиграция иностранных граждан ведет к нежелательным экономическим и социальным последствиям. Прежде всего — это расширение масштабов теневой экономики, снижение управляемости и повышение непредсказуемости процессов в обществе. Растут потери для бюджета в виде неуплаты налогов. Многие нелегалы оказываются вовлеченными в незаконный бизнес, криминальную экономическую деятельность. Использование труда незаконных мигрантов создает условия для развития огромной латентной инфраструктуры, обслуживающей трудовую миграцию и сферу незаконного трудоустройства, «консервирует» теневые экономические отношения.

Большой приток нелегалов формирует негативный социальный фон, который препятствует продвижению к пониманию в целом позитивной роли миграции в обеспечении устойчивого социально-экономического развития. Нерегулируемый характер миграции создает повышенную нагрузку на отдельные регионы страны. Это приводит к возрастанию конкуренции на рынках труда в этих регионах. Растет напряженность во взаимоотношениях прибывающих мигрантов и местного населения, особенно в крупных городах. С ростом числа мигрантов настроения отторжения и неприязни к ним усиливаются.

От того, насколько удастся реализовать преимущества миграции и нивелировать ее негативные последствия, зависят перспективы дальнейшего использования иностранной рабочей силы. Ключевые проблемы миграционной политики в сфере трудовой миграции вытекают из необходимости решения следующих основных задач:

- создания механизма эффективного регулирования потоков трудящихся-мигрантов, в первую очередь из стран СНГ, с учетом перспективных потребностей экономики в трудовых ресурсах, удовлетворения потребностей базовых отраслей регионов в иностранной рабочей силе, оптимизации объема и структуры миграционных потоков и приоритетного использования национальных кадров;
- противодействия незаконной миграции и сокращения нелегальной занятости среди трудовых мигрантов;
- совершенствования учета иностранных граждан на основе внедрения принятых в мировой практике передовых информационных технологий, разработки и практического внедрения системы, обеспечивающей автоматизированный сбор, передачу, хранение, обработку и анализ информации по всем аспектам пребывания и занятости иностранных граждан.

Поскольку нелегальная миграция тесно связана с функционированием теневого сектора экономики, политика в области регулирования незаконной миграции должна быть более тесно увязана с политикой в области противодействия теневой экономике. От принятия своевременных мер по противодействию нелегальной миграции иностранных граждан во многом зависит позитивное влияние трудовой миграции на решение экономических задач и обеспечение безопасности страны. Эта система мер должна минимизировать в периоде долгосрочной перспективы негативные последствия незаконной иммиграции и максимизировать экономические выгоды от использования иностранных работников для внутреннего развития российского общества.

Ligita Šimanskiene
Klaipėda university Regional policy and planning institute

**Emigration economic and social facilities
on purpose to discontinue process:
Klaipeda County case analysis**

Анализируются концепты экономических и социальных преимуществ Клайпедского округа Литовской Республики. Исследование было проведено для улучшения регионального развития, условий жизни в Клайпедском округе, для того чтобы прекратить процессы эмиграции. Результаты показывают, что эмиграция из Литвы уменьшается, хотя и медленно.

The article analyse concepts of economic and social facilities of Klaipeda County. The research was done on ways for better regional development, for better life in Klaipeda County, how the way for discontinue emigration process. Results show that slowly, but discontinued emigration from Lithuania.

Itroduction

The globalization of the world economics, together with the development of the research-based economics, influence the planning of economic and regional development strategies. In a number of countries, major changes take place by means of putting an end to the state regulation and of the implementation of de-centralization resulting in the regional self-governance. Consequently, the reduced influence of the national government decisions and the increased responsibility of local authorities promote greater independence of certain regions, as each region develops after an individual model of regional development based on the geographical, political, economic, scientific, and social-cultural peculiarities.

Different regions have different priorities and strategies of economic and regional development, therefore it would be difficult to

have a universal aggregate model of regional development; it is impossible to work out a single model that would be perfect for all regions (Šimanskienė, L. Vaitekūnas, S., Bučinskas, A., 2006).

If we see from global and international context there are a lot of challenges in the world: redefined relationships between the significance of experience and continuity on the one hand, and the capacity for innovation or adaptation on the other; more and more information and sources of information are becoming available, information is exchanged faster, there is a growing demand for modern technologies for storing, processing, selecting and transmitting data; information becomes a resource, the quality of human capital and networking is increasingly important for the creation of a new generation of competitive advantages; growing importance of the ecological aspects of development; change in Europe's geopolitical configuration; stronger economic potential of Baltic Europe and its gradual transformation into a functionally integrated region; relative decline of the significance of traditional location factors; a decline in demand for simple-production labour and a growth in demand for specialized services; public, environmental and terrorist threats.

The aim of this paper — to show some ways for better socio-economic development of Klaipeda County for discontinue emigration. *Used methods* — the analysis of scientific articles, comparison, statistical analysis, logic-based conclusions.

Short overview of the labour market of Klaipeda County

The county of Klaipeda consists of Klaipeda, Palanga, Neringa towns and municipalities of Klaipeda, Kretinga, Skuodas and Silute districts. The town of Klaipeda is administrative and business centre of the region.

Klaipeda County is the only coastal county in the Republic of Lithuania. It consists of the towns of Klaipeda, Palanga and Neringa and the Klaipeda, Kretinga, Skuodas and Silute regions. The territory of Klaipeda county comprises 4 942 sq. km, its population is 172 500.

The widest part of the region from east to west covers approximately 40 kilometres and from north to south is about 100 kilometres. The Lithuanian coast along the Baltic Sea extends for 99 kilometres. The county has an especially highly developed transport infrastructure. Klaipėda is a gateway, with transit freight accounting for approximately 80% of all freight flow. It is famed for its unique water resources. The specific economic features of Klaipėda County are mostly determined by Klaipėda harbour, which is the most northerly port, and the only one that is ice-free in the eastern part of the Baltic Sea all year round.

The population in the municipalities (the 2001 general population census data): Klaipėda city has a population of 192 954, Šilutė region — 55 302, Klaipėda region — 46 220, Kretinga region — 45 688, Skuodas region — 25 595, Palanga town — 17 623, Neringa — 2 386. In total, Klaipėda county has a population of approximately 380 000 people. Population of the county is **382** thousand, i. e. it amounts to 11 per cent of the country population. 73 per cent of county population lives in towns and 27 per cent — in rural areas.

Table 1

Population in Klaipeda County

POPULATION		
Population, thous.	as of 1 October	3371.0
Live births	September	2696
Deaths	September	3283
Marriages	September	2834
Divorces	September	728

Source: Lithuanian statistical department. 2007 m.

On 1 January 4 561 residents were registered as unemployed in Klaipėda city and region, including 3 055 women, 336 young people under the age of 25 and 1 824 unemployed people over 50.

Table 2

Registration unemployment

REGISTERED UNEMPLOYMENT (end of month)		
Unemployed registered with the Labour Exchange (end of month), thous.	October	Sau.58
Number of unemployed having received unemployment insurance benefit, thous.	October	18.Bal

Source: Lithuanian statistical department. 2007 m.

In terms of economic indicators, Klaipėda County is among the leaders in Lithuania. Since 1994, the county's GDP has seen annual growth of 3—4%. The predominant business sectors are: shipbuilding and repairs, woodworking, paper, plastic and cardboard industries, beverage, food and tobacco sectors, construction, electronics, transport, etc. The most promising industrial branches in Klaipėda County are the food industry, shipbuilding and repair, woodworking and light industry.

On 1 January, 2007, a total of 9 306 businesses with 133 300 employees were operating in Klaipėda county. This accounted for 12.2 % of all the entities operating in Lithuania. Most economic entities are involved in trade (25.9%), real estate, rental and business activity (14.2%), transport activities (11.4%) and manufacturing (10.1%).

The following industries are being developed in the county: shipbuilding, technical repairs and maintenance, construction materials, wood-processing, furniture, cellulose, textiles, food and tobacco. The establishment of the Klaipėda Free Trade Zone will be of tremendous significance for future industrial expansion. The aim of the project is to utilize the opportunities offered by the port city and to promote the economic development of the county. It was formally established in law in September 1996. An area of 205 ha

is planned for the zone, and activities to be located there include trade, production, exporting, banking, etc.

Klaipeda County is the most important tourist and recreation region in Lithuania, and includes the seaside districts of Palanga, Karkle, Giruliai, Melnrage, Kursiu and Nerija. There are 33 hotels, 220 guesthouses, motels, tourist centres and camping sites. There are over 1250 historical monuments in the county, the most significant of which are Klaipeda Old City, Sea Museum and the Franciscan church and monastery in Kretinga.

Statistics Lithuania informs that based on provisional data as of **1 January 2007** the bulk of investment fell per investors from Poland (22.6 per cent of total foreign direct investment (FDI)), Denmark (15.3 per cent), Sweden (10.6 per cent), Germany (9.9 per cent), Finland (6.7 per cent), Russia (6.3 per cent) and Estonia (5.9 per cent). The first position taken by Poland was determined by investment of the Polish concern PKN Orlen S. A. into public company Mažeikių nafta. Following sales of shares made by Russia's investors, Russia sloped down to the sixth position.

Direct investment from EU-27 made up LTL 24.3 billion (84.4 per cent), that from CIS countries equalled LTL 1.9 billion (6.5 per cent of total FDI). With the change in leadership, the share of FDI made by EU-27 rose and that from the CIS countries contracted.

FDI as of **1 January 2007 made up LTL 28.8 billion** (EUR 8.3 billion) and as compared with 1 January 2006 **grew by 20.4 per cent**. The per capita FDI on average equalled LTL 8501 or EUR 2462 (as of 1 January 2006 it was LTL 7022 or EUR 2034).

Table 3

Key countries investors

Countries	01 01 2006		01 01 2007	
	LTL billion	Per cent	LTL billion	Per cent
Total	23.9	100	28.8	100
Poland	0.4	1.6	6.5	22.6

Denmark	3.8	15.9	4.4	15.3
Sweden	2.6	11.1	3.0	10.6
Germany	2.6	10.7	2.8	9.9
Finland	1.5	6.4	1.9	6.7
Russia	5.9	24.6	1.8	6.3
Estonia	1.8	7.4	1.7	5.9
Luxembourg	0.2	1.0	0.8	2.7
Netherlands	0.7	2.9	0.7	2.5
Cyprus	0.2	0.9	0.7	2.4
Other countries	4.2	17.5	4.5	15.1

Source: Lithuanian statistical department. 2007 m.

The bulk of investment fell per enterprises engaged in manufacturing (39.9 per cent, of which into manufacture of petrol and chemical products — 24.1 per cent), financial intermediation (16.0 per cent), transport, storage and communications (10.9 per cent), wholesale and retail trade (10.7 per cent), electricity, gas and water supply (10.6 per cent), real estate, rent and other business activities (7.6 per cent of total FDI). Over 2006, most of all direct investment rose in manufacturing and financial intermediation activities.

Lithuanian enterprises invested into wholesale and retail trade abroad LTL 1.0 billion (31.7 per cent), manufacturing — LTL 0.7 billion (20.9 per cent), real estate, renting and other business enterprises — LTL 0.6 billion (18.9 per cent), financial intermediation — LTL 0.5 billion (14.6 per cent), transport, storage and communications — LTL 0.3 billion (10.5 per cent of total Lithuania's FDI). Lithuanian enterprises more and more invest into manufacturing and real estate-related activities abroad.

Within manufacturing, the bulk of investment fell per manufacturing of chemical products — 48.2 per cent, food products, beverages and tobacco — 20.8 per cent, machinery and equipment — 18.0 per cent of total FDI in manufacturing.

8738 subjects of economic activity are registered in the district of Klaipeda. At the moment about 59% of existing enterprises in the district are small or medium size enterprises. Moreover, in the District Tax Inspection there are registered and given about 6000 licences for different economic activity. The facility of home trade is well developed in Klaipeda district. 61 shops fell on 10.000 habitants of the district in 1999. That is the biggest index among all districts of Lithuania. The average useful trade area in the shops reaches 78 square meters. In summer about 350.000 and in winter about 30.000 tourists and visitors come to the district. The district has 80% of all fish recourses in Lithuania and also the biggest fishing business facility and qualified working power.

Tendencies in the industry. The industrial sector is undergoing major restructuring and it is estimated that more than half the potential of the industrial production capacity remains unused. The most perspective industrial branches of the region are: food industry, fish processing, shipbuilding and repair, wood processing, light industry, new technologies, transport services. The towns of the region (Klaipeda, Kretinga, Gargzdai, etc.) have for disposal about 335 ha for the development of industry.

Main processes, which determine the development of the macroeconomics in the western Lithuania, are as follows: intensification of industrial activity; increase of a relative share of agriculture, forestry and transport within the structure of the GDP; slow growth of private business; growth of direct investments and export; imperfection of the crediting system; instability of the banking system; impediments of the legal system; stagnation of social-economic reforms; lack of a clear state policy.

Tendencies of investment processes (FDI) are the main factor determining the perspectives of the development of the country's economy. It should be noted that the greatest part of direct investments goes to the littoral part of Lithuania.

Stimulation of the activity of functioning enterprises: Vocational training at enterprises (professional development, re-qualification), taking into account the market demands); Introduction of systems of management, quality and information; Increasing the

possibilities of marketing; Introduction of new technologies; Stimulation of export (quality certificates, laboratories, business missions, exhibitions); Stimulation of partnership between SME, the large enterprises and scientific-research institutions; Creation of schemes of financing the development of enterprises (financing of entrance into new markets, creation of schemes of risk capital funds); Creation of the network of rendering services of consultations, re-qualification, upgrade of qualifications.

Table 4

**The number of companies and working people
in the western Lithuania**

Name	Number of companies		Number of working people	
	Small/Medium	Large	Small/Medium	Large
Klaipėda region	8,134	468	58,961	78,102
Klaipėda town	4,827	181	30,842	56,81
Palanga town	692	24	4,705	3,873
Neringa town	176	5	1,26	896
Klaipėda district	982	23	8,659	5,485
Kretinga district	655	27	5,286	5,616
Skuodas district	328	6	1,863	447
Šilutė district	882	25	6,451	9,466
Tauragė region	2,016	110	28,119	13,291

Source: Lithuanian statistical departament. 2007 m.

After the independence of Lithuania was restored new types of industry came to western Lithuania, largely due to foreign investments, and the total structure of business was changing. Among the new industries to arrive are the production of automobile components, branches of the food industry, oil extraction, and eco-agri-

culture. Western Lithuania is open to all new kinds of technologies, subcontracting, biotechnology's and know-how.

Development of economy based on specific regional resources:

Courses of action:

1) to create conditions for the development of maritime industries and cooperating branches as well as logistic services;

2) to promote pro-environmental methods of agricultural production and ecological agriculture, especially in the areas of high natural beauty values, as well as growth of agricultural production intended for bio-fuels;

3) to use assets of the natural environment to promote and improve forestry;

4) to support profitable branches and enterprises creating employment or enterprises with high employment; to create conditions for innovative industry based on, among others, the region's traditional industries;

5) to support collaboration among agricultural producers and establishing producers associations; further development of infrastructure and concentration of wholesale trade of agricultural products in publicly funded centers;

6) to restructure fishery-dependable areas; to support collaboration among groups of fish producers and fish processors and establishing their associations; creating conditions for concentration of wholesale trade of fish products in publicly funded centers;

7) to support the development of regional crafts, especially based on specific regional resources;

8) to create and support regional and traditional food products and other regional brands;

9) to protect the historical, cultural and environmental heritage in such a way as to make rational use of it in social and economic development activities through, among others, developing a regional culture industry and regional tourist products;

10) to create and modernize tourist and health resorts' infrastructure, to improve the quality of tourist services, to widen part-

nership and cooperation in the tourism industry and the growth of an integrated promotion and tourist information system.

11) to improve the region's public services for inhabitants and business, including the use of IT (e-government);

12) to create transparent, safe and business-friendly rules for investors and enterprise;

13) to improve the scope and quality of the region's labour market services;

14) to pursue active labour policies to create employment, particularly in areas with high structural unemployment;

15) to create institutional, organizational and financial framework for growth of employment in non-commercial jobs;

16) to create conditions for longer employment activity and labour market reentering for people finishing therapeutic and remedial programmes.

17) to provide comprehensive support to families, including creating and developing solutions enabling those with responsibility for child care to work and to develop other social services supporting families;

18) to reinforce the partnership between non-governmental organizations and regional self-government for effective public services; to support the stronger civil involvement in public life;

19) to decrease the impact of car transport on the natural environment and people, through, among others, alternative (environment friendly) means of passenger and cargo transport, including supporting the development of regional railways, trans-local bicycle and hiking infrastructure.

20) to reduce infrastructural disparities in the region, particularly those in wastewater treatment systems and gas distribution;

21) to provide a variety of education faculties; to support innovative forms of education (e.g. e-learning) and lifelong education;

22) to increase institutional cooperation between universities (in different countries also) and to develop joint initiatives between educational and research institutions;

23) to support regional specialization in education, research and new technologies;

24) to widespread, improve and diversify the system of life-long learning, including the launch and support for learning programmes that meet the demographic trends and labour market needs;

25) to improve access to educational infrastructure leading to higher education level and coordinated development of sport and leisure facilities;

26) to support the development of a coordinated business support network enabling access to capital and constantly improving the investment capacity of companies through an efficient system of business, legal and technology information, workforce training and advice, including pro -innovative advice;

27) to promote pro-market, innovative attitudes as well as attitudes concentrated on international activity (including exports) and ecological effectiveness among business, science and R&D communities;

28) to create conditions for companies generating high value added, which provide greater job opportunities, especially in service industries;

29) to improve the quality of links between peripheral areas and cities and to improve transport accessibility to sea and air ports.

There were the question was given about Lithuanian people position to leave or not Lithuania for searching better work or life abroad. In table No 5. there are results form two researches in 2006 and 2007 for this question.

Table 5

Comparison between plan to leave country in 2006 and 2007

<i>Choice options</i>	<i>Percents in 2006</i>	<i>Choice options</i>	<i>Percents in 2007</i>
Yes	20,7	Yes	13,1
No	79,3	No	86,9

Source: own research database.

Table No.5 shows answer distribution (by percent) on the question „do you plan to leave Lithuania in the nearest future?”. 20,7% of respondents answered positively to this question while 79,3% do not plan to leave the country in 2006 year and plan to leave country positive answer 13,1%, do not plan to leave country 86,9% in 2007. Why are these results? Reasons could be: there are better economical situation in Lithuania (bigger salaries, possibility to change work, safer life), a lot of Lithuanian people return to country, mass media starts to describe not only nice, rich life abroad, but some histories about problems of Lithuanian immigrants life abroad. The main reason- possibility to earn money in Klaipeda County as well.

Conclusions

Were did action plan for development of economy based on specific regional resources in Klaipeda County. Some of them: to improve the region's public services for inhabitants and business, including the use of IT (e-government); to create transparent, safe and business-friendly rules for investors and enterprise; to improve the scope and quality of the region's labour market services; to pursue active labour policies to create employment, particularly in areas with high structural unemployment; to create institutional, organizational and financial framework for growth of employment in non-commercial jobs; to create conditions for longer employment activity and labour market reentering for people finishing therapeutic and re-medial programmes.

The research shows that emigration could be stopped if some action plan will be given in Klaipeda County (as well in whole Lithuania). Results show that slowly, but discontinued emigration from Lithuania. The main — possibility to earn money in Klaipeda County as well.

References

1. Klaipeda County Council website www.klaipeda.aps.lt
2. SPESP (1999), *Economic Strength*. Study Programme on European Spatial Planning.

<http://www.mcrit.com/SPESP/SPESP_reg_ind_final%20report.htm>
(available on September, 2006)

3. SPESP (2000), *Spatial Visions of Europe*. http://www.mcrit.com/SPESP/SPESP_SpatialVisions.htm (available on September, 2006).

4. Šimanskienė, L, Burbulytė, G. L. 2007. The Quality Of Human Resources In Lithuanian Regions. The 2 annual International Conference. Regional Policy and Planning Institute, Faculty of Social Sciences, Estonian Interuniversity Population Research Centre. «*Human resources- the main factor of regional development*». ISBN 978-9955-18-186-6. Lithuania: Klaipėda University, p. 200–208.

5. Šimanskienė, L. Vaitekūnas, S., Bučinskas, A. 2006. Regional Problems of Lithuania in the Context of the EU. *Polityka Rozwoju Europy Środkowo- Wschodniej. Aspekty makroekonomiczne i regionalne*. Ed. W. Karaszewskiego, S. Kunikowskiego. ISBN 83-60150-09-5. Wrocław: Lega Oficyna Wydawnicza, p. 225—242. <http://bazy.ngo.pl/>

Д. В. Полетаев

**Совет по изучению производительных сил
Министерства экономического развития РАН, Москва**

**Принудительный труд как результат
нелегальной миграции и торговли людьми
(на примере России, Белоруссии и Украины)**

Проводится сравнительный анализ результатов, условий и последствий принудительного труда нелегальных мигрантов и жертв торговли людьми в России, Украине и Белоруссии. Задачи исследования: провести анализ основных контрмер по борьбе с нелегальной миграцией и торговлей людьми в России, Украине и Белоруссии; исследовать роли этих стран в формировании мирового рынка принудительного труда; выработать практические рекомендации по принятию контрмер против нелегальной миграции и торговли людьми. За время исследования в России, Украине и Белоруссии было проведено 35 интервью с учеными, официальными лицами, экспертами и представителями международных и общественных организаций.

Forced Labour of Victims of Trade in People and Illegal Migrants: Comparative Analysis of Investigations in Russia, Belarus and Ukraine. In this article the comparative analysis of effects, terms, development and consequences of the forced labour of illegal migrants and victims of human trafficking in Russia, Ukraine and Belarus is carried out. Research tasks are: analysis of development terms and basic countermeasures to illegal migration and human traffic in Russia, Ukraine and Belarus; research of a role and value of these countries in formation of the world market of forced labour; development of practical recommendations about counteraction of illegal migration and human traffic. During the research 35 expert interviews in Russia, Ukraine and Belarus have been held with scientists, officials, experts and representatives of international and public organizations.

Этот сравнительный анализ — продолжение исследования Международной организации труда (МОТ) 2003 г. «Принудительный труд в современной России. Нерегулируемая миграция и торговля людьми», в котором автор выступал координатором работ в Москве и Ставрополе.

Целью Проекта* было исследовать и провести сравнительный анализ эффектов, условий, развития и последствий принудительного труда нелегальных мигрантов и жертв торговли людьми в трех постсоветских странах — России, Украине и Белоруссии.

Задачами исследования были:

— анализ условий функционирования нелегальной миграции и торговли людьми в России, Белоруссии и Украине;

— исследование роли и значения выбранных постсоветских стран в формировании мирового рынка принудительного труда;

— исследование основных мер противодействия нелегальной миграции и торговли людьми в России, Белоруссии, Украине и межгосударственного сотрудничества постсоветских стран с западными государствами в этой области;

* Статья написана при поддержке фонда ИНТАС (грант ИНТАС 05—109—5408).

— разработать практические рекомендации для улучшения мер противодействия нелегальной миграции и торговле людьми в постсоветских странах;

— исследовать теорию и методологию, используемую для анализа принудительного труда в современной науке.

Методология исследования.

1. Весной 2007 г. было проведено 35 экспертных интервью по проблемам нелегальной миграции и торговли людьми с учеными, специалистами, представителями международных и общественных организаций и официальными представителями власти (Россия, Украина, Белоруссия).

2. Собраны и проанализированы материалы Федеральной миграционной службы Министерства внутренних дел РФ, Международной организации труда и Международной организации по миграции, Федеральной службы безопасности и законодательные акты, касающиеся миграции и противодействию торговле людьми в РФ, РБ и Украине.

Проанализированы исследования специалистов из СНГ, посвященные проблемам миграции и торговли людьми на постсоветском пространстве.

* * *

Вслед за изменениями на мировой геополитической карте и распадом биполярного мира международная миграция стала по-настоящему глобальной, приняв в себя новые миграционные потоки из постсоветских стран. Эти потоки уже в процессе своего формирования приобрели как легальную, так и нелегальную форму, что повлекло за собой образование условий для распространения и укрепления полурабских, принудительных форм труда. Новейшие технологии, способствующие повсеместному развитию производств, сопутствуют ренессансу рабства, возрождающегося в условиях глобальной нелегальной миграции и нового прибыльного бизнеса — торговли людьми.

Принудительный труд, с которым активную борьбу сегодня ведут все страны мира, можно разделить по признаку сферы применения [4, с. 12—13]. Это труд:

— работников массовых профессий на формальном и неформальном рынках труда (промышленные и строительные предприятия, сельское хозяйство, сфера услуг, домашнее хозяйство);

— неквалифицированный рабский труд в результате торговли людьми и похищения людей;

— работников эксклюзивных профессий, требующих исключительной квалификации, навыков или таланта (писатели, ученые, спортсмены);

— в сфере преступной занятости (оружие, наркотики, торговля человеческими органами, запрещенная генная инженерия, проституция);

— в специальных учреждениях вне открытого и криминального рынка труда (военные на военных и гражданских объектах и заключенные в тюрьмах и на гражданских объектах).

Ежегодно в масштабах мира 600—800 тыс. человек продаются и покупаются. Из них примерно 80 % — женщины и девочки, а до 50 % — несовершеннолетние. По оценкам ООН, сейчас в мире насчитывается до 27 млн человек, находящихся в рабстве. Федеральное бюро расследований (FBI) США пришло к выводу, что международная работорговля ежегодно приносит до 9,5 млрд дол. прибыли. Причем рабы есть практически во всех странах. По данным Международной организации миграции (International Organization for Migration), только в 2000 г. в страны Европы было продано 120 тыс. женщин из постсоветских государств. В трех «славянских» постсоветских государствах — России, Украине и Белоруссии — эта проблема стоит по-разному и по-разному решается.

Хотя «трудовое рабство» для всех трех стран становится все более и более серьезной проблемой, борьба с принудительным трудом идет в них основном по линии противодействия торговле людьми. Так на Украине, еще в 2001 г. в Уголовный кодекс были внесены соответствующие поправки, касающиеся пресечения торговли людьми, вступившие в действие с

октября 2003 г. (ст. 149, ч. 3). В России в 2003 г. были приняты поправки в Уголовный кодекс (ст. 127, ч. 1, 2), согласно которым работоторговца могут осудить на срок от 8 до 15 лет. В Белоруссии в марте 2005 г. Президент подписал Указ о борьбе с торговлей людьми.

За последние несколько лет усилиями неправительственных организаций и правоохранительных органов в постсоветских государствах была собрана информация, характеризующая состояние проблемы принудительного труда, в основном в области торговли людьми. Так, согласно собранным данным из Украины поставляют женщин и девушек в Центральную и Западную Европу, а также на Ближний Восток с целью сексуальной эксплуатации. Ее правительство пока не придерживается всех минимальных стандартов для недопущения торговли людьми, но предпринимает серьезные и настойчивые усилия в этом направлении. Специальные службы по борьбе с торговлей людьми были учреждены на национальном и областном уровнях. Судебному преследованию подвергается пока еще небольшое число торговцев людьми, но их количество растет. Некоторые представители правоохранительных органов коррумпированы, что усложняет ситуацию.

Женщины из России становятся объектом торговли с целью сексуальной эксплуатации. В то же время РФ становится страной назначения и транзита лиц, продаваемых для сексуальной и трудовой эксплуатации из соседних стран в Россию и государства Персидского залива, Европы, Азии и Северной Америки. Согласно исследованию Международной организации труда, в котором автор координировал работу Московского и Ставропольского регионов, примерно 20 % из 5 млн нелегальных мигрантов в России — это жертвы принудительного труда (т.е. примерно 1 млн человек) [4, с. 66—68]. Проблемой остается коррупция среди чиновников. Предоставляемая российским Правительством защита и помощь жертвам торговли людьми недостаточна, хотя в августе 2004 г. был принят Закон о защите свидетелей. Жертвами торговли людьми

ми, по данным ОБСЕ, ежегодно становятся до 50 тыс. человек. Свидетельством реальной опасности попасть в рабство может служить, например, объявление на Рязанском автовокзале, предупреждающее об опасности похищения.

Из Белоруссии женщины и дети переправляются в целях сексуальной эксплуатации в Россию, Украину, Литву, Германию, Израиль, Польшу, Чешскую Республику, Турцию, Кипр, Грецию, Венгрию и Союзную Республику Югославию. Используется Белоруссия и для транзита людей в эти страны. Правительство Республики Беларусь все еще не полностью соблюдает минимальные необходимые стандарты для ликвидации торговли людьми и пока не предпринимает значительных усилий в этом направлении, несмотря на некоторые изменения в конце 2005 г. методов контроля за модельными агентствами по трудоустройству девушек за рубежом. Как видно, основные усилия прилагаются только по одному из направлений противодействия принудительному труду. А если говорить, например, о принудительном труде заключенных, то ни одна из трех стран не может показать здесь существенное продвижение вперед. Спортивное рабство, при котором спортсменам, работающим в клубах, подконтрольных, например, армейским структурам, выплачивают только ограниченную часть причитающихся им денежных призов, также пока находится вне зоны активного государственного контроля и защиты в трех рассматриваемых государствах.

Наиболее сложноразрешимой проблемой остается принудительный труд рабочих массовых профессий — в теневой и даже в легальной экономике. Нелегальная миграция, открывшая широкие возможности для неформальных трудовых отношений как внутри России, куда ежегодно приезжают украинцы и белорусы [2], так и в странах Европы, куда выезжают представители всех трех рассматриваемых стран, по-прежнему поставляет на рынок труда значительное количество мигрантов, трудовые и общечеловеческие права которых нарушаются в массовом порядке.

Серьезной структурной проблемой остается неэффективность структур, призванных способствовать безопасной трудовой миграции россиян за рубеж, и речь, конечно, прежде всего идет об агентствах по трудоустройству. Невыгодность условий, предлагаемых ими, оставляет широкое поле для работы теневых посреднических сетей, структур и отдельных «черных» вербовщиков. Агентства, работающие на этом рынке по «серым» схемам, имеющие официальный статус и формально занимающиеся консалтингом, а не трудоустройством за рубеж, зачастую используют свое знание зарубежного рынка труда вне легального правового поля. В практике автора этой статьи встречались респонденты, прямо указывавшие на агентства такого рода в Москве, ставившие девушек, хотевших получить работу в сферах модельного бизнеса и развлечений, в очень рискованные ситуации за рубежом и фактически представляющие собой звено цепи вербовщиков из преступного бизнеса, торгующего людьми. По-видимому, в этой ситуации для России будет поучителен опыт Белоруссии, которая ввела строгий контроль за деятельностью агентств по трудоустройству за рубеж и резко, в разы, сократила число лицензий, выдаваемых таким фирмам. Однако нужно иметь в виду, что результатом этих действий стало расширение поля деятельности для «черных» вербовщиков, потому что пропускная способность легального канала для выезда (с заключением официальных трудовых договоров, гарантиями) резко сузилась и перестала отвечать потребностям рынка. Общеизвестная истина о малой эффективности силовых действий на рынке труда в полной мере подтверждается белорусским примером, но при этом важно учесть, что сейчас всё белорусское миграционное законодательство, регламентирующее выезд белорусских граждан за рубеж, носит ограничительный характер. Выход белорусскими мигрантами был найден очень быстро — они стали использовать российские фирмы по трудоустройству как легальные каналы для выезда или выезжать нелегально, через неофициальных посредников. Кроме того, мигранты стали чаще искать работу через сеть Интернет, где

сомнительного толка посредники сразу же расширили свою рекламную деятельность. Таким образом, риск, связанный с миграцией, в результате силовых действий белорусских властей как минимум не снизился. Ситуация не решена, и проблема «загнана» вглубь.

Очевидно, что в России все официальные сервисные структуры, обслуживающие трудовую миграцию из других стран, работают неэффективно*. В первую очередь это относится к агентствам по трудоустройству, услуги которых, с одной стороны, дороги, с другой — оформление представляет собой сложную бюрократическую процедуру. К тому же, услуги таких агентств не обеспечены серьезными гарантиями по защите прав мигрантов — как правило, эти фирмы не обеспечивают поддержку въехавшего с их помощью в РФ мигранта. Такое положение дел, безусловно, не может продолжаться, если говорить о выстраивании легальных механизмов, которыми массово захотят воспользоваться трудовые мигранты, приезжающие в Россию. Кроме законодательных изменений, направленных на упрощение процедур оформления трудовых отношений, необходима серьезная работа по созданию многоуровневой системы гарантий, обеспечивающей легальный труд мигрантов в России, что выведет трудовую миграцию в легальное поле.

Если обратиться к украинскому опыту, то можно отметить, что в этой стране, где на выезде работают, по экспертным оценкам, не менее 3 млн граждан (а по отдельным оценкам, в начале 2000 г. — до 7 млн) [1], а по данным Института социологии НАН Украины, опыт временной трудовой миграции за рубеж приобрели 10,2% украинских семей [3], уже давно сложились как мигрантские сети, по которым осуществляется поиск работы через соотечественников, работающих за рубежом, так и разветвленная сеть сервисов, способствующих выезду.

* Не более 5% мигрантов используют при трудоустройстве официальные сервисы (см. [4]).

Например, в приграничных населенных пунктах Западной Украины сложилась стабильная сеть транспортных маршрутов*, активно используемая для выезда за рубеж трудовыми мигрантами.

Так, даже в Христеновке, Умани и других районных центрах, где может не быть регулярного прямого сообщения с Киевом, существуют прямые маршруты в Италию. Например, существование регулярного маршрута Умань — Неаполь, делающего сообщение с южной Италией ничуть не более сложным, чем с близлежащим Киевом, говорит о том, он пользуется стабильным спросом. Очевидно, что такие маршруты обслуживают не украинских туристов (которых просто не может быть столько в небольших городах), а трудовых мигрантов, регулярно курсирующих между Украиной и Италией. В Украине также появились и развиваются очень гибкие и подстраивающиеся под рынок структуры по трудоустройству. Так, Киевский молодежный центр труда (www.youthcentre.kiev.ua) не только предлагает помощь украинским гражданам в поиске работы в своей стране и других государствах, но и создает специальные программы обучения по востребованным за границей специальностям на основе анализа тенденций на мировом рынке труда и локальных рынках труда отдельных стран. Пока в России не существует агентств подобного уровня — с видеостудиями для создания рекламных материалов, программами предотъездной или въездной подготовки, специальными курсами введения в специальность, языковыми курсами. Очевидно, что подобный позитивный опыт украинских коллег будет весьма востребован при реформировании самого принципа устройства и работы как государственных, так и частных российских агентств занятости, но он может быть использован только при комплексном реформировании законодательства в этой сфере. Причем, как свидетельствует бело-

* См., например, расписание автобусных маршрутов, связывающих Киев с другими странами (<http://infobus.com.ua/modules/pages/main/inotrips.html>).

русский опыт, опрометчиво делать ставку на сокращение числа фирм по трудоустройству — на место легальных фирм, пусть даже работающих по «серым» схемам, придут абсолютно неконтролируемые «черные» вербовщики, и тогда перевести ситуацию в легальное поле будет гораздо сложнее. Таким образом, можно говорить о двух основных направлениях по реформированию работы российского рынка трудоустройства. С одной стороны, упрощение законодательства и стимуляция развития спектра услуг, предоставляемых частными и государственными агентствами занятости, с другой — стимуляция ухода от полулегальных форм работы, практикуемых сейчас по разным причинам частью фирм по трудоустройству, работающих на российском рынке.

Еще одним серьезным направлением является развитие превентивной деятельности как общественных, так и государственных организаций, работающих в миграционной сфере. В первую очередь это, конечно, касается ФМС МВД.

Начнем с того, что статистика въезда-выезда, накапливаемая с помощью миграционных форм, заполняемых всеми иностранцами при въезде и выезде из/в РФ, до сих пор не является общедоступной, и даже специалистам невозможно ею пользоваться. Открытость такой статистики могла бы снять множество миграционных мифов, бытующих в СМИ, и позволила бы точнее представить миграционную картину, что необходимо для повышения эффективности превентивной работы как исполнительных властных органов, так и общественных организаций.

Сравнительный анализ показал, что в России, в отличие от Украины и Белоруссии, превентивная работа по предотвращению торговли людьми практически не ведется.

Так, рекламная кампания в Украине и Белоруссии ведется очень интенсивно (ТВ, наружная реклама на улице), хотя в обоих государствах она носит скорее негативный характер (особенно в Белоруссии) и направлена на снижение интереса к работе за границей, а не на разъяснение проблемы как таковой и на уменьшение риска попадания мигрирующих в сложную

ситуацию. А почти полное отсутствие подобной рекламы в России значительно усиливает риск, связанный с миграцией ее граждан за рубеж.

В то же время в Белоруссии, например, общих механизмов информационных кампаний вообще нет, потому что соответствующей рекламной работой занимаются только международные и общественные организации. Государство не ведет ни одной превентивной рекламной кампании в области предупреждения торговли людьми.

Вся реклама, которая идет по белорусскому ТВ, — не государственная. Государственное ТВ только иногда разрешает показывать (бесплатно) ролики, сделанные общественными организациями на деньги международных организаций (МОМ). Эфирное время дорого, и общественные организации получают разрешение на проведение телевизионной рекламной кампании с помощью писем-ходатайств. Хотя по белорусскому законодательству существует небольшой процент эфирного времени для показа социальной ТВ-рекламы, но в законе написано, что социальной рекламой признается только реклама, созданная государственными органами. Получается, что рекламу общественных организаций признают социальной, но юридически это противоречит законодательству, потому что реклама, созданная негосударственной организацией, в принципе не может быть признана социальной. Безусловно, что учет такого белорусского опыта может быть полезен для России, пока еще не проводившей крупномасштабных рекламных ТВ-кампаний по противодействию торговле людьми и принудительному труду.

Возможно, что в России, где актуальность превентивных рекламных кампаний очевидна, возможен «белорусский вариант», когда всем будут заниматься только международные и общественные организации, несмотря на уже имеющийся в Белоруссии опыт удержания такими кампаниями людей от трудовой миграции, что создает негативный образ миграции как явления в целом.

Что касается, например, работы «горячих линий» по предотвращению торговли людьми и оказанию помощи ее жертвам, то в России в 2007 г. появилась такая специализированная линия при поддержке МОМ, которая открыла специальную программу помощи. А до этого основную часть работы с пострадавшими брали на себя небольшие организации, имеющие волонтеров (например, центр «Сёстры» в Москве) или поддерживаемые иностранными фондами (коалиция «Ангел»). В целом эта ситуация схожа с Украиной и Белоруссией, где деятельность таких «горячих линий» поддерживается зарубежными и международными организациями, которые, кроме того, обеспечивают им и широкую рекламную поддержку, чего пока не наблюдается в России.

Существуют также большие проблемы с возбуждением и ведением дел по преследованию принудительного труда как жертв торговли людьми, так и нелегальных мигрантов в РФ. Связано это прежде всего с тем, что пострадавшие (например, нелегальные мигранты), подпадая под норму закона, должны быть депортированы из РФ в кратчайшие сроки, поэтому сама процедура ведения дела очень затруднена, и в итоге такие нарушения часто остаются безнаказанными. Кроме того, если даже нелегальным мигрантам позволяли бы остаться в стране, сразу возникает вопрос о том, где они будут проживать все время, пока идет следствие. Становится затруднительно организовать многочисленные вызовы в органы исполнительной власти для дачи показаний жертв принудительного труда. То же самое происходит и при рассмотрении дел о торговле людьми — жертвы должны тратить время и деньги на поездки для дачи показаний; кроме того, реальные гарантии их защиты от бывших угнетателей и их подельников очень незначительны, поэтому довести дело даже до суда — очень непросто. Да и сами такие дела сотрудники МВД возбуждают крайне неохотно, отказывая истцам по формальным причинам, не желая «портить статистику». Эта ситуация в РФ тождественна ситуации в Белоруссии.

Проблема состоит и в том, что сама практика ведения дел по расследованию случаев принудительного труда и торговли людьми пока не до конца разработана и опыт расследования таких дел, имеющих серьезную специфику, есть у работников милиции и прокуратуры далеко не всех регионов. Даже уже возбужденные дела часто не доходят до суда, так как механизм сбора доказательной базы специфичен и требует особого опыта.

Например, при расследовании дел, связанных с проституцией, следователь иногда оказывает давление на жертву, добываясь нужных для следствия показаний, зачастую связанных с очень интимными деталями. По свидетельству экспертов, именно так и происходит, например, на Украине. Но если при расследовании дел о трудовом рабстве следователь имеет дело, как правило, с уверенным в себе мужчиной, то любая попытка давления, связанная с получением пусть необходимых для ведения дела, но очень личных, интимных деталей, может быть просто невозможна. На таких людей следователь уже не может смотреть как на человека сомнительной нравственной репутации, находящегося, как, например, проститутка, в положении общественно порицаемого субъекта, с которым можно «не церемониться».

Таким образом, самое сложное в процессе расследований дел, связанных с принудительным трудом и торговлей людьми, — не создание правового поля, а разработка механизмов реализации законов. Так, принятое в Белоруссии законодательство по пресечению торговли людьми оставляет много пробелов при решении вопросов о помощи жертве иностранного происхождения. Пострадавших, например граждан РФ, не имеющих места возвращения в России (например, бездомных), очень сложно разместить в какой-либо государственной центр, чтобы они получали помощь. Потому исполнительные органы, как правило, мягко отказываются от рассмотрения таких дел и подобными жертвами приходится заниматься общественным организациям — более гибким структу-

рам. Что касается России, то здесь дело обстоит не лучше, хотя российская исполнительная система и нарабатывает постепенно опыт ведения сложных дел, связанных с торговлей людьми.

Важно отметить, что Россия пока никак не использует потенциал религиозных организаций, которые могли бы принять живейшее участие в решении проблемы, как это происходит, например, в Украине. Украинский МОМ специально разрабатывает данное направление работы с различными конфессиями, представители которых, после проведения тематических конференций по противодействию торговле людьми, активно включаются в работу. По-видимому, именно вместе с религиозными организациями можно было бы решать проблему создания и функционирования сети реабилитационных центров для жертв принудительного труда, пострадавших от торговли людьми, тем более что церковь в досоветский период имела богатый опыт помощи нуждающимся в защите и покровительстве.

Говоря о специфике реабилитационной работы с жертвами «трудового рабства», важно понимать, что возвратившийся без денег (а возможно, и с долгами, связанными с проездом к месту работы) в родной дом мужчина часто становится объектом и домашнего психологического насилия, когда упреки в неспособности со стороны родных становятся серьезным испытанием для его психики. Мужчины в этом случае хуже переносят травму, нанесенную пребыванием в «трудовом рабстве», так как вырабатываемый у них в семье комплекс «неполноценного кормильца» может подтолкнуть их к пьянству, наркомании, прочим «отдушинам», способствующим их прогрессирующей маргинализации. Поэтому мужчины иногда даже сильнее, чем женщины, нуждаются в реабилитации, в адаптации.

На СМИ всех трех упомянутых постсоветских стран лежит сегодня очень большая ответственность за то, что проблема торговли женщинами известна намного больше, чем осталь-

ные виды торговли людьми, принудительный труд в целом. Ассоциирование торговли людьми с проституцией выработано СМИ, потому что журналисты охотнее публикуют «жареные» факты, с этим связанные. Кроме того, мигрантофобия, особенно серьезно ощущаемая в России как в принимающей стране, также по большей части связана с негативными образами миграции, формируемыми СМИ, которые сконцентрированы сейчас на криминальных аспектах.

* * *

Как видно, общее советское прошлое позволяет, несмотря на все внутристрановые различия, использовать России как белорусский, так и украинский опыт противодействия принудительному труду нелегальных мигрантов и жертв торговли людьми. Белоруссия в этом случае выступает образцом жесткого варианта решения проблемы, когда деятельность иностранных организаций строго ограничивается и почти полностью подконтрольна государству и используется им только за неимением желания расходовать собственные ресурсы. С другой стороны, интересен опыт Украины — страны массового выезда, где иностранные организации могут работать намного свободнее, но их ресурсы не всегда адекватны масштабу миграционных потоков и, например, их борьба по противодействию торговле людьми сталкивается с разветвленными сетями группировок, профессионально занимающихся этим преступным бизнесом, чувствующих себя в Украине более вольготно из-за высокого уровня коррупции и общей слабости государства.

Очевидно, что маломасштабная деятельность по противодействию торговле людьми и отсутствие контроля за рынком труда в России, при коррумпированности российской милиции и неразработанности внятной и действенной миграционной политики, с 1991 г. создали почву как для массового появления недобросовестных предпринимателей, нещадно эксплуатирующих нелегальных мигрантов, так и для развития и укрепления криминальных структур, профессионально занимаю-

щихся торговлей людьми. В этой ситуации для России сверх-актуальным становится активное участие государства, международных и общественных организаций в предотвращении и пресечении таких позорных явлений, как ренессанс рабства и торговля людьми. В этом самую действенную помощь может оказать изучение зарубежного опыта борьбы с подобными явлениями, и прежде всего опыта постсоветских стран — Белоруссии и Украины.

Список литературы

1. *Пирожков С., Малиновская Е., Хомра А.* Внешние трудовые миграции в Украине: социально-экономический аспект. Киев, 2003.
2. *Полетаев Д. В.* Нелегальная иностранная рабочая сила в России: Дис. ... канд. экон. наук. М., 2001.
3. *Прибыткова И.* Трудовые мигранты в социальной иерархии украинского общества // Социология: теория, методы, маркетинг. 2002. № 4. С. 159.
4. *Принудительный труд в современной России. Нерегулируемая миграция и торговля людьми.* М., 2004.

М. В. Тухашвили, А. З. Такидзе
Тбилисский государственный университет
им. Ив. Джавахишвили,
Батумский независимый университет

**Проблемы рынка труда и миграция рабочей силы
в Аджарской автономной республике**

Освещены результаты глубокого экономического кризиса, возникшего в Аджарской автономной республике в постсоветском периоде. Изучены конкретные причины массовой безработицы и возникшей на основе этого интенсивной эмиграции. Методом «замещающих респондентов» исследованы трудовая эмиграция, основные направления потоков трудовых эмигрантов, их социально-демографическая структура, денежные переводы.

На основе изучения контингента безработных определены те направления, которые будут способствовать росту на рынке труда Аджарии спроса на рабочую силу и сокращению интенсивной эмиграции.

The report covers consequences of a severe economic crisis that has been in progress in the Autonomous Republic of Adjara in the post-soviet period. Particular causes of mass unemployment and intense emigration that emerged on this basis have been investigated. Labor emigration, major directions of labor emigrants' flow, socio-demographic structure and money transfers have been studied through the «substituted respondents» method. Those trends that will make for the increase of demand for manpower at the Adjara labor market and will reduce the intense emigration have been determined on the basis of studies of the unemployed contingent.

Из-за своего исторического развития и природно-географических условий Аджарская автономная республика в течение продолжительного периода отличалась особенностями демографического развития и формирования и использования трудовых ресурсов. Историко-конфессиональная специфика определяла высокий, по сравнению с другими регионами Грузии, уровень рождаемости и естественного прироста населения, особенно среди сельского населения Аджарии, а также в горных районах, где ввиду низкой демографической емкости всегда имелись избыточные трудовые ресурсы.

После восстановления независимости Грузии в условиях этнополитических конфликтов и гражданской войны в ней возникла критическая ситуация с формированием и использованием трудовых ресурсов, что обусловило массовую безработицу и резкое снижение уровня жизни.

В постсоветской Аджарии почти полностью перестала функционировать промышленность. За кризисные годы численность занятых в промышленности сократилась с 19,2 до 4 тыс. человек. Производство табака уменьшилось в 5 раз, чайного листа — в 40 раз, цитрусовых — 4,2 раза и т.д. В годы кризиса население массово перешло на натуральное хозяйство; для удовлетворения семьи продовольственным миниму-

мом жители занялись выращиванием картофеля, овощей и кукурузы.

Ограниченность природно-производственных условий и быстрый демографический рост в горных районах Аджарии в докризисный период обуславливали так называемые избыточные трудовые ресурсы, вследствие чего республика превратилась в источник восполнения их дефицита для других регионов Грузии. Это происходило, главным образом, путем организованного перераспределения населения. С другой стороны, высокий естественный прирост населения нагорья Аджарии способствовал более интенсивному освоению приморской зоны автономной республики.

В дальнейшем, в годы всеобщего кризиса в ней возникли эмиграционные потоки высокой интенсивности, в том числе и трудовых эмигрантов. Выезд на работу за границу стал новым для Аджарии явлением.

Авторами путем проведения конкретного социологического исследования методом «заменяющих респондентов» изучена трудовая эмиграция населения Аджарии. Было опрошено более 400 оставшихся в автономии членов семей выехавших на работу за границу, в должной мере информированных об условиях труда своих родственников-эмигрантов.

Материалы исследования свидетельствуют, что главным направлением трудовой эмиграции (38,1 % изученного потока) является Россия, а также Греция (13,5 %) Германия (13,1 %), США (12,9 %) и Турция (8,6 %). Абсолютное большинство трудовых эмигрантов выехало за рубеж с целью улучшения экономических условий. Как установлено, этот контингент представляет собой группу с высоким уровнем образования и существенным трудовым потенциалом. Поэтому трудовая эмиграция значительно ухудшает количественные и качественные показатели оставшихся в Аджарии трудовых ресурсов. Надо отметить, что среди рассматриваемого контингента более половины имеют высшее или незаконченное высшее образование. За границей же они выполняют не соответствующую

их профессии и квалификации работу (малоквалифицированные рабочие и занятые в семейных хозяйствах), что вызывает их деквалификацию. Из-за нелегальности они получают дискриминационную оплату труда, тем не менее их доходы таковы, что они могут высылать семьям на родину в среднем по 290 дол. США в месяц. Исследование показало, что эта сумма используется в основном на удовлетворение прожиточного минимума указанных семей, однако высылают и сравнительно крупные переводы, которые члены семьи вкладывают в малый бизнес в Аджарии. Доля крупных переводов в республике намного выше, чем в других регионах Грузии.

Материалы исследования свидетельствуют, что трудовая эмиграция будет существовать еще продолжительное время. Предположительно она сохранит высокую интенсивность до тех пор, пока в Аджарии не будет преодолена и изжита безработица.

В Аджарии, как и в других регионах Грузии, экономический кризис оказал большое влияние на отраслевое распределение трудовых ресурсов. Сформировалась весьма регрессивная отраслевая структура, что обусловило значительные проблемы в экономическом развитии республики.

В постсоветский период намного снизилась и эффективность труда занятых. С целью более глубокого изучения создавшегося положения авторами осуществлено конкретное социологическое исследование. В г. Батуми, Кобулетском и Хелвачаурском районах было опрошено население, занятое в сельском хозяйстве, промышленности, строительстве, просвещении, здравоохранении, бытовом обслуживании, туризме, а также в органах власти.

Исследование показало, что один работающий в среднем содержит двух членов своей семьи, при этом доходы на душу населения составляют лишь треть прожиточного минимума и не создаются условия для нормального воспроизводства рабочей силы. Заметна необоснованная отраслевая дифференциация в доходах. Весьма низка оплата труда заня-

тых в просвещении и здравоохранении, тогда как именно в этих отраслях сконцентрирована наиболее высококвалифицированные сотрудники с высоким уровнем образования.

Продолжительность рабочего дня значительной части занятых намного превышает установленную законодательством, но это не отражается на заработной плате. Низкая оплата труда вынуждает определенную часть занятых (11,1 %) трудиться по совместительству на второй работе. В частности, доля совместителей в здравоохранении равна 22,6 %. Треть из них в день дополнительно работает более пяти часов, хотя им и при этом трудно обеспечить прожиточный минимум семьи.

Несмотря на значительную убыль трудовых ресурсов, в Аджарии вследствие экономического кризиса настолько сократилось количество рабочих мест, что здесь широкие масштабы приняла безработица, уровень которой, по данным за последние годы, не снижается. Уровень безработицы по уже-сточенному критерию Международной организации труда в 2006 г. в Аджарии достигал 17 %.

Среди ищущих работу доминирует молодежь в возрасте до 30 лет (55,24 %). Несомненно, ей трудно выйти на рынок труда, хотя формальные условия занятости для нее вовсе не являются дискриминационными; наоборот, во многих случаях молодежь имеет преимущество.

Следовательно, как и в других регионах Грузии, в постсоветской Аджарии из-за глубокого экономического кризиса возникла безработица, которая вначале носила скрытый характер, а в дальнейшем постепенно переросла в реальную безработицу, достигла наиболее высокого уровня среди регионов страны и стала одной из главных причин снижения уровня жизни населения Аджарии и массовой постоянной и трудовой эмиграции. Исследованием установлено, что контингент безработных по уровню образования и профессионально-квалификационному составу представляет собой группу с высоким трудовым потенциалом, которая потенциально сможет удовлетворить возможный на рынке труда Аджарии спрос на высококвалифицированный персонал.

М. В. Дундина, Е. В. Микляева, О. Н. Руссова
Филиал СЕВМАШВТУЗ Санкт-Петербургского государственного
морского технического университета в г. Северодвинске

**Исследование миграционных процессов
в монопрофильных городах России
на примере г. Северодвинска**

Большинство экономически значимых городов Архангельской области — монопрофильные образования, где развиваются промышленная, военно-морская и военно-космическая отрасли. Значительная часть заселенных территорий вокруг крупных городских предприятий находится сегодня в сложном положении. Большая часть подобных предприятий продана или закрыта. Широко распространена скрытая безработица. Недостаточные условия для развития малого бизнеса, отсталость коммерческих и финансовых структур серьезным образом ограничивают возможности рынка труда.

The majority of economically significant cities of the Arkhangelsk region are monoprofile formations, where industrial, naval and military-space production is developed. The majority of urbanization zones around main city's enterprises are today in complex situation. Most or such enterprises are corporated or closed. The latent unemployment has a wide circulation. Lack of conditions for development of small-scale business, backwardness of commercial and financial structures seriously limit the opportunities for labor market.

The basic tendency of migratory processes in the Arkhangelsk region for last 10 years is the reduction of a migration balance. The number of the citizens leaving the area steadily exceeds the number of the citizens arriving to the region. Severodvinsk, where the enterprises of the State Russian Center of Nuclear Shipbuilding are concentrated, has the greatest outflow of the population among the all cities of the Arkhangelsk region.

Основной тенденцией миграционных процессов, происходящих в Архангельской области за последние 10 лет, является уменьшение миграционного сальдо. Число граждан, уезжающих из региона, неизменно превышает число людей, приез-

жающих сюда. Северодвинск, где размещаются предприятия Российского государственного центра строительства атомных реакторов, характеризуется самым большим оттоком населения среди других городов Архангельской области.

Среди факторов, влияющих на динамику и структуру населения северных регионов, выделяют как общероссийские, так и специфические региональные.

Реформы 1990-х гг. повлекли за собой изменения в экономике России и развитие ряда стихийных процессов и макроструктурных сдвигов. Произошло ослабление научно-технического потенциала страны, приведшее к экономическому спаду отраслей промышленности, резкому сокращению численности научных и инженерных кадров. Смена приоритетов в развитии российской экономики, сокращение госзаказа, уменьшение объемов производства, что сопровождается высокой инфляцией и «кризисом неплатежей», обусловили резкие структурные изменения рынка труда.

Кроме того, отрицательное влияние на демографический потенциал северных территорий оказало разрушение системы социальных гарантий северянам, отход государства в 1990-е гг. от активной демографической и социальной политики. Хотя воздействие государственной социальной политики советского времени на социальную среду Европейского Севера России было еще более разрушительным в результате двух стратегических акций. Ю. Ф. Лукин с соавторами [2, с. 172] относят к ним, во-первых, превращение северных территорий в гигантскую «резервацию» для размещения в ней явных и мнимых преступников, неугодных властям лиц и их семей. Во-вторых, интенсивное, не адекватное адаптационным возможностям природы, человека и социума освоение природных ресурсов.

Среди региональных факторов необходимо отметить неблагоприятную динамику рождаемости, глубокий спад производства, ограничение возможности приложения труда в личном подсобном хозяйстве и другие. Все это и вызвало значительный отток в первую очередь трудоспособного населения, в том числе наиболее квалифицированных работников.

По международным стандартам в России около 60% территорий — это пространства, где жить не рекомендуется из-за низких среднегодовых температур. В советские годы расселение во многом происходило искусственно. Поэтому сжатие экономического пространства в 1990-х гг. вызвало непривычные миграционные потоки. Население стало возвращаться в исторически освоенные места. Начался процесс трансформации системы расселения. При завершении экстенсивного процесса урбанизации Северо-Запада на огромных пространствах Мурманской, Архангельской областей, Ямало-Ненецкого автономного округа в искусственно созданной системе городов и рабочих поселков живут около 3 млн человек.

Численность населения Архангельской области составляет около 1 млн 300 тыс. человек. Плотность населения 2,5 чел./км². В городах проживает 74%, в сельской местности 26% населения. Средний возраст жителей 36 лет. Трудоспособное население составляет 59% его численности. В состав области территориально входит Ямало-Ненецкий автономный округ, 20 административных районов, 14 городов, 38 рабочих поселков, около 4 тыс. сельских населенных пунктов, а также острова Новая Земля и Земля Франца-Иосифа.

К наиболее крупным городам региона относятся Северодвинск, Котлас, Новодвинск, Коряжма, являющиеся монопрофильными образованиями. Здесь развернуто промышленное производство, военно-морская и военно-космическая инфраструктуры. Большинство зон урбанизации, появившихся вокруг градообразующих предприятий, сегодня находятся в трудном положении: предприятия переживают кризис, а населенные пункты не могут существовать без трансфертной поддержки Центра. Трудности переходного периода коснулись всего российского населения, но особенно тяжелая социальная обстановка сложилась именно в монопрофильных российских городах. Многие градообразующие предприятия акционированы или закрыты. Вследствие этого широкое распространение получила скрытая безработица. Отсутствие условий для развития малого бизнеса, неразвитость коммерческих и фи-

нансовых структур серьезно ограничивают возможности рынка труда в монопрофильных городах.

При этом последние годы в Архангельской области, как и в целом по России, характеризуются депопуляцией населения, т. е. устойчивым превышением числа умерших над числом родившихся. Причинами этой депопуляции стали низкая рождаемость (в 2002 г. сократилась почти в 1,5 раза к уровню 1989 г.) и высокая смертность (в 2002 г. возросла на 70 % к уровню 1989 г.).

Основной тенденцией развития миграционных процессов в Архангельской области в последние 10 лет является сокращение миграционного оборота. Число граждан, выезжающих из области, на фоне значительного снижения миграционной активности населения устойчиво превышает число граждан, прибывающих в регион.

В миграционные процессы вовлечено в основном население трудоспособного возраста (около 77%). Основными причинами, побуждающими граждан покинуть область, являются причины личного, семейного характера (рис. 1).

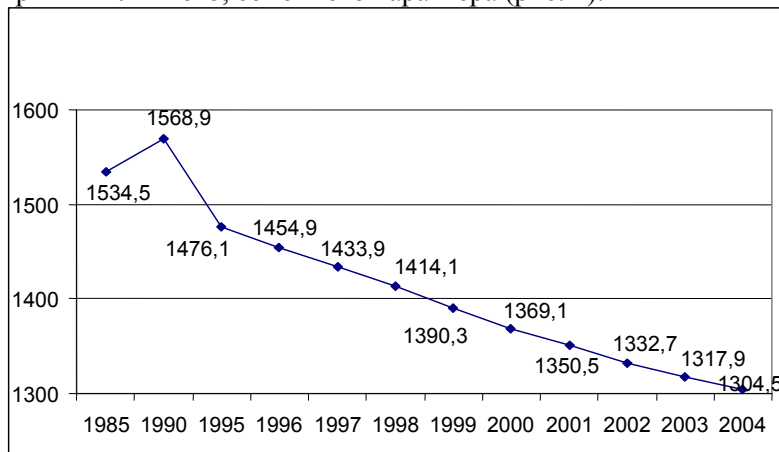

Рис. 1. Динамика численности населения Архангельской области, тыс. человек

Неуклонное снижение численности обусловлено как естественной убылью населения (превышением числа смертей над числом рождений), так и отрицательным сальдо миграции (численность выбывших превышает численность прибывших). По прогнозам специалистов, Архангельская область к 2016 г. может попасть в новую «демографическую яму». По словам директора регионального департамента здравоохранения С. Эммануилова, по предварительным итогам 2007 г. в области численность постоянного населения сократилась еще на 7,5 тыс. человек.

Миграционные потоки в Архангельской области показаны в следующей таблице:

Миграционные потоки населения (чел.) [1, с. 40]

Город	2001	2002	2003	2004	2005
Архангельская область, всего	–4851	–4733	–5414	–4861	–5044
В том числе:					
Архангельск	484	–335	–935	–36	–257
Северодвинск	–859	–737	–1276	–1238	–1384
Котлас	–20	88	137	82	151
Новодвинск	97	132	–13	–149	–157
Коряжма	133	161	240	153	201

По результатам, представленным в таблице, мы видим, что среди всех городов Архангельской области наибольший отток населения характерен для Северодвинска. Это можно объяснить тем, что Северодвинск — монопрофильный город, в котором сосредоточены предприятия оборонного комплекса, составляющие основу Государственного российского центра атомного судостроения (ГРЦАС). На градообразующих предприятиях города возможности профессиональной мобильности значительно ограничены, а аспекты трудовой деятельности не всегда соответствуют требованиям работников. Именно поэтому перед Северодвинском, как монопрофильным горо-

дом, сегодня остро стоит проблема нехватки квалифицированных специалистов. При существующем оттоке населения эта проблема будет с течением времени все более усугубляться.

Кафедра социологии и философии Севмашвуза и Центр социальных измерений «Фокус» проводили в апреле-мае 2007 г. исследование социально-демографической ситуации в г. Северодвинске. Использовался метод анкетирования; было опрошено 513 человек: 238 мужчин, 275 женщин. Репрезентация взрослого населения Северодвинска проводилась по полу и возрасту (репродуктивная группа — 18—49 лет). Статистическая ошибка не превышает 4,5%. Согласно полученным данным, 66,5% населения хотят остаться жить в городе, 19,7% хотели бы уехать, 12,1% еще не определились в своих жизненных планах (рис. 2).

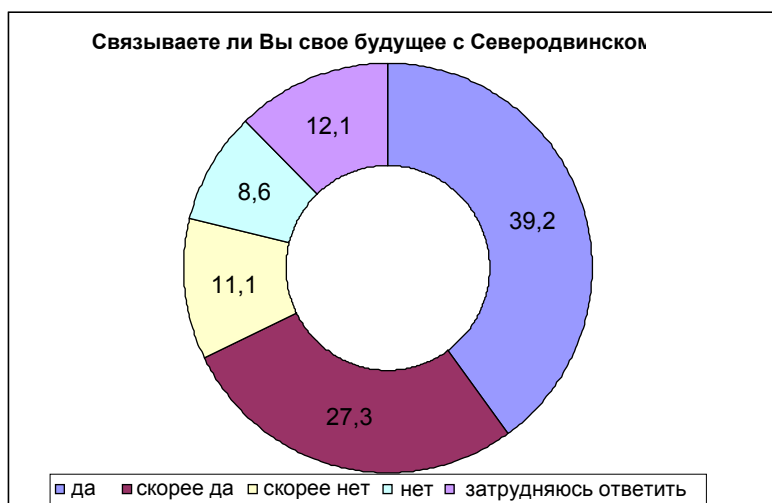

Рис. 2. Ответ на вопрос: связываете ли Вы свое будущее с г. Северодвинском? (в %)

При этом женщины более, чем мужчины, связывают свое будущее с Северодвинском (68,4 и 63,9% соответственно). Среди возрастных групп желание остаться в городе выражают жители в возрасте от 30 лет, среди них: от 40 до 44 лет — 80,9%, от 30 до 34 лет — 79,4%, 35—39 лет — 73,8%, 45—49 лет — 72,8%. Наибольшее желание уехать в другие города выражают жители до 30 лет, из них: в возрасте от 18 до 24 лет — 38% и от 25 до 29 лет — 25,4%. Это объясняется спецификой данной возрастной категории: желанием получить престижное образование; уверенностью, что в больших городах больше возможностей для трудоустройства; отсутствием семьи.

Демографический прогноз численности населения в монопрофильных городах позволяет увидеть глубинные процессы, происходящие в системе расселения внутри регионов Северо-Запада. В основе такого прогноза лежит детальная информация о половозрастной структуре населения городов, возрастных коэффициентах смертности и рождаемости, миграционном притоке за последние 3—5 лет. В определенном смысле такой прогноз является обобщенной характеристикой качества жизни и демографической перспективности городов.

Так, формирование регрессивной, с преобладанием пожилого населения, возрастной структуры в монопрофильных городах часто происходит за счет оттока молодежи в крупные города и столицы. Этот процесс начался еще в советское время и интенсивно идет сейчас. С другой стороны, как показывают исследования, рост смертности точно коррелирует с падением уровня жизни и доходов населения. В свою очередь миграционная привлекательность местности связана как с климатическими условиями, так и с возможностью найти высокооплачиваемую работу.

Семь-восемь лет назад эмоциональное состояние северодвинцев в связи с тяжелым социально-экономическим положением в стране и городе можно было назвать депрессивным. Северодвинск оказался в тяжелой ситуации, когда его промышленность — та военная промышленность, которая создала большой, достаточно богатый и крепкий город, — вдруг оказа-

лась в конверсионном состоянии. Как следствие — ухудшение качества городской среды.

Однако формально демографический потенциал является суперпозицией двух основных процессов: естественного прироста (убыли) населения, обусловленного рождаемостью и смертностью, и механического движения, связанного с притоком и оттоком мигрантов.

Поэтому в работе с монопрофильными городами обычно рассчитывают три основных показателя [4].

1. Демографический потенциал, показывающий относительное изменение численности населения муниципального образования через 25 лет в процентах к 2000 г., в предположении, что уровень рождаемости, смертности и ежегодное сальдо миграции в расчетный период остаются на уровне 2000 г.

2. Потенциал естественного прироста населения — относительное изменение численности постоянного населения в 2000 г. при условии, что миграция равна нулю.

3. Миграционный прирост — среднегодовое за последние три-пять лет сальдо миграции в расчете на 1000 человек, которое характеризует сложившийся к концу 1990-х гг. миграционный процесс в изучаемом объекте.

Картина миграционных потоков в основном обратна картине естественного потенциала. Люди, как правило, уезжают с севера и приезжают на юг. Однако эта картина более сложна, чем в случае естественного потенциала. И на севере есть районы, где существует миграционный приток, а на юге территории, откуда уезжают.

Однако есть путь перевода искусственно урбанизированной среды в естественную — не спасать угасающую экономику, а диверсифицировать некоторые ее сферы для самостоятельного, полноценного существования крупных урбанистических центров [3]. Это и будет путь укрепления стратегически важных территорий. Многие страны переживали подобные процессы.

Миграция населения в европейскую часть России и южные регионы страны существенно обескровила северные территории, и прежде всего монопрофильные города. Компенсировать демографические потери без привлечения дополнительных людских ресурсов из других регионов сегодня невозможно. Сельского населения уже практически нет, и качество этих ресурсов не всегда соответствует научно-промышленным задачам Северодвинска. Так как черпать человеческие ресурсы не откуда, остается и максимально актуализируется единственный путь — сохранять имеющийся социальный капитал.

На сегодняшний день существует острая необходимость выработки и последовательного проведения в жизнь эффективной миграционной политики. В северных регионах решительно все зависит от миграционных процессов, которые оказывают влияние на рождаемость, смертность, брачность. Интенсивность демографических последствий обусловлена возрастной структурой проживающего населения. Если возрастная структура моложе — рождаемость увеличивается, если преобладает более старший возраст — увеличивается смертность. Ситуация 1990-х гг. не только изменила численность, но и сказалась на возрастной структуре населения северных территорий.

Изменения сложившейся на сегодняшний день демографической картины зависят от того, удастся ли стабилизировать ситуацию с миграцией. Полностью остановить миграционные процессы невозможно — люди будут уезжать на учебу, работу, по личным причинам. Кроме того, на северных территориях миграция всегда носила трудовой характер: люди приезжали на некоторое время, работали и уезжали в другие регионы. Вопрос сегодня стоит о том, чтобы в разумных пределах приостановить отъезд людей там, где это возможно. Кроме того, необходимо привлекать население других территорий. Даже если люди будут только приезжать работать на Север на какое-то время, произойдет обновление возрастной структуры населения.

Список литературы

1. *Города* и районы Архангельской области. Основные социально-экономические показатели: Статистический сборник (Официальное издание). Т. 1. Архангельск, 2006.
2. *Северное* регионоведение в современной регионологии: Монография / Отв. ред. Ю. Ф. Лукин. Архангельск, 2005.
3. *Топилин А. В., Малаха И. А.* Сдвиги в занятости и миграция высококвалифицированных научных кадров в России // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 132—136.
4. *Флоринская Ю. Ф.* Трудовая миграция из малых российских городов как способ выживания // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 79—89.

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА ПО ОКАЗАНИЮ
СОДЕЙСТВИЯ ДОБРОВОЛЬНОМУ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ
В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ,
ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ**

Е. К. Кириллова

*Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
Москва*

**Ждут ли соотечественников в России?
(прошлый опыт и первые итоги новой программы)**

Сравниваются обобщенные данные по беженцам и вынужденным переселенцам из стран СНГ за 2002—2003 гг. с современной ситуацией, связанной с изменениями миграционного законодательства и принятием в 2006 г. Программы добровольного переселения соотечественников, проживающих за границей. Статья основана на данных опроса, проведенного автором в отдельных регионах Центрального и Поволжского федеральных округов. Основной вывод заключается в том, что в настоящий момент России угрожает повторение уже совершенных ранее ошибок.

The paper compares integration issues of refugees and forced migrants from CIS countries of 2002—2003 with contemporary situation linked to changing migration legislation and acceptance in 2006 the Program of voluntary resettlement of the compatriots living abroad. The paper is based of the in-depth interviews which author conducted in some regions of Central and Volga Federal districts. The main conclusion is that now Russia is threatened with repeating of already carried out mistakes.

Миграция — единственный путь к быстрому восполнению трудовых ресурсов. В целях стимулирования переселения из стран СНГ в июне 2006 г. была разработана и принята Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденная указом Прези-

дента РФ №637. Важной предпосылкой выполнения Программы стала общая либерализация миграционной политики: новый порядок регистрации мигрантов и выдачи разрешений на работу иностранным работникам.

Участие в Государственной программе определяется добровольным решением соотечественников, проживающих за рубежом, с учетом предоставляемых государственных гарантий, включающих компенсацию за счет средств федерального бюджета расходов на переезд участника Программы и членов его семьи, возмещение расходов по уплате государственной пошлины за оформление документов, определяющих правовой статус переселенцев, получение единовременного пособия на каждого неработающего члена семьи участника Программы.

Субъекты РФ призваны содействовать трудоустройству и жилищному обустройству участника Программы в рамках соответствующей региональной программы переселения. Государственной программой определены три категории территорий вселения, что обуславливает дифференциацию объемов предоставляемых участникам программы государственных гарантий и социальной поддержки. В качестве первоочередных регионов РФ, в которых будет реализована программа, определены 12 субъектов: Приморский, Хабаровский и Красноярский края, а также Амурская, Иркутская, Новосибирская, Тюменская, Калужская, Липецкая, Тамбовская, Тверская и Калининградская области.

Данная Программа в какой-то степени преемственна, так как она является своего рода продолжением долговременной программы «Миграция» по приему беженцев и вынужденных переселенцев из стран ближнего зарубежья, принятой Правительством РФ в 1992 г.

В связи с подведением итогов полуторагодового опыта Программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом, уместно вспомнить уроки той, старой программы. К сожалению, нельзя сказать, что она была успешной. Россия лишь в малой части выполнила свои обещания и взятые на себя обя-

зательства перед мигрантами, провозглашенные программой 1992 г.

В 2002—2003 гг., по прошествии 10 лет после начала массового переселения соотечественников из стран СНГ в Россию, мною было проведено исследование условий жизни вынужденных переселенцев в ряде регионов Центрального и Приволжского регионов. Исследование свидетельствовало о невероятных трудностях, с которыми пришлось столкнуться переселенцам в России. Приехавшие мигранты всюду встречали жесткое сопротивление бюрократических структур. Они были готовы работать, строить жилье, воспитывать детей, но ситуация с оформлением своего полноправного проживания в России (регистрацией и гражданством) создавала им сложности на всех этапах — при устройстве на работу, учебу, покупке жилья, обращении в медицинские учреждения и просто в обывденной жизни. Причем эти препятствия по большей части носили искусственный, волюнтаристский характер. А неотрегулированность процессов регистрации и получения гражданства создавали широкий простор для произвола чиновников. Охота за «нелегалами поневоле» стала доходным «промыслом» российской милиции. Наши бывшие сограждане, переселившиеся в Россию, страдали от чрезмерного «внимания» со стороны государства. Вместо того чтобы просто легализовать положение приехавших людей, дать им возможность самостоятельно найти работу, государство мешало им нормально устроить свою жизнь (см. приложение «Истории вернувшихся»).

Миграционная политика России 1990-х гг., к сожалению, не способствовала нормальному обустройству переселенцев из стран Содружества. После распада СССР в Россию из стран СНГ и Балтии прибыло около 11 млн мигрантов. За 1992—2003 гг. о присвоении статуса вынужденного переселенца (беженца) ходатайствовали около 2 млн человек, более 1,6 млн человек его получили. Реальную поддержку, по данным ФМС России, получили около 500 тысяч человек — в основном в

виде долговременных беспроцентных возвратных ссуд на строительство или приобретение жилья.

Нашим соотечественникам было обещано жилье, оформленное соответствующими документами. Но жильем было обеспечено всего 10 % из опрошенных нами переселенцев. Почти все респонденты, участвовавшие в обследовании, проживали либо в общежитиях, либо в полузаброшенных и развалившихся лачугах (бараках, сараях, вагончиках), которым уже давно пора на снос. Немногим посчастливилось получить квартиры в домах, построенных Федеральной миграционной службой специально для вынужденных переселенцев. Но и это жилье временное и непрочное. Однако проблема была не только в отсутствии нормального жилья, но и в том, что даже если жилье переселенцам предоставляли, то не давали возможности оформить его на себя.

Основные «подводные камни», на которые натолкнулась Программа 1992 г.:

1. Проблемы с обустройством и трудоустройством в основном возникали у тех, кто поселился в сельской местности. Мигрантов во многих случаях направляли туда, откуда уезжали коренные русские жители. Исследование показало, что в крупных городах человеку проще найти работу и решить, хотя бы для начала, проблему с жильем, чем на селе. Кроме того, в сельской местности человеку труднее скрыться от завистливых взглядов соседей. А завидовать было чему. Ехали в Россию, как правило, люди энергичные, образованные, высококультурные, деятельные. Первая волна мигрантов в основном состояла из жителей крупных городов и столичных центров. И расселение их в сельской местности не способствовало ни их успешной адаптации, ни выгоде для России. Сейчас, по новой Программе снова переселенцев стараются направить в села, откуда уехало местное население. Приехавшие понимают, что ими пытаются «заткнуть дыры» — и не хотят ехать. Аргументом в защиту сельского расселения может служить то, что теперешние переселенцы — это как городские, так и сельские

жители, и для последних сельское расселение будет привычным и естественным. Так, по свидетельствам таджикских экспертов, сельские жители из Таджикистана выбирают аграрные регионы России, а душанбинцы и жители промышленного севера страны — более обжитые города, причем в основном Калининградскую область.

К сожалению, проблему жилья отдали на откуп регионам, поэтому есть опасность того, что она опять не будет решена.

2. Вновь возникают бюрократические препоны. Мы уже сталкиваемся с отрицательными результатами новой Программы — налицо прежний бюрократизм, уроки не пошли впрок. Человек снова находится во власти бюрократической «удавки». И снова, как в 1990-е, возникает «заколдованный круг», когда переселенца не регистрировали, потому что у него не было гражданства, а раз не было гражданства, то и не прописывали постоянно, и соотечественник не мог устроиться на постоянную работу. Нельзя переселенца «связывать по рукам и ногам», у него должен быть определенный «люфт», иначе снова появляются проблемы типа этой: мигранту из Алматы в российском консульстве в соответствии с Программой 2006 г. дали направление на работу, а когда он приехал по указанному адресу, ему сказали, что его специальность там не требуется. Он приехал почти за 200 км в поселок, куда его направили на работу, но там на работу его не приняли. Местное руководство недоумевало, почему данное предприятие фигурирует в списке вакансий для переселенцев. Когда же он вернулся и попробовал трудоустроиться самостоятельно, чиновники возмутились и сообщили, что в этом случае вычеркнут его из Программы. Получается опять замкнутый круг, но на новом витке: на работу по направлению не устроиться, а попробуешь искать самостоятельно — снимут с учета как участника Программы.

Сейчас, после принятия в 2007 г. федеральных законов, устраняющих бюрократические барьеры и упрощающих порядок приобретения правового статуса иностранными гражда-

нами, казалось бы, ситуация улучшилась. И все-таки эти законы требуют совершенствования. Как считает один из разработчиков новой Программы переселения председатель Комитета Совета Федерации по делам СНГ Вадим Густов, следует «подвести под Государственную программу переселения законодательную базу». В феврале 2008 г. в Госдуму был внесен проект поправок в закон «О гражданстве РФ», призванный закрепить за переселенцами-участниками Программы добровольного переселения право на упрощенную схему получения российского гражданства. Сейчас разрабатываются проекты нормативных актов, по которым вновь прибывшие соотечественники в течение семи дней смогут получить разрешение на временное проживание. Кроме того, переселенцам в силу того, что это в большинстве своем этнические русские, не потребуется подтверждать знание официального государственного языка РФ.

В. Густов предложил поправки в Закон о гражданстве, предусматривающие освобождение участников Программы переселения от обязательного пятилетнего ценза оседлости в России. Дело в том, что формально они и сейчас имеют право на оформление гражданства по ускоренной схеме, в срок до полугода. Но вплоть до 2009 г. право это дается временным положением, которое бюрократические структуры на местах игнорируют и затягивают процедуру на неопределенное время. Для ускорения процесса репатриации и интеграции переселенцев необходимо ввести это положение в ранг закона. Прорабатываются и другие схемы, которые позволят переселенцам обзавестись жильем, так как съемное слишком дорого, а взять ипотеку переселенец без гражданства не может.

3. Переселение в восточные регионы. В первую очередь при переселении предпочтение будет отдаваться тем соотечественникам, которые уже имеют российское гражданство, а затем специалистам, «которых так не хватает в Сибири и на Дальнем Востоке». Однако вряд ли приходится надеяться на приезд большого количества переселенцев в восточные ре-

гионы России. Основная масса соотечественников выехала в бурные 1990-е. Сейчас количество тех, кто выезжает в Россию, значительно уменьшилось. Современный поток, учитываемый статистикой, невелик: 200—300 тыс. человек в год. Это в несколько раз ниже, чем в пиковом 1994-м, когда в Россию прибыли 1,1 млн человек. Соответственно желающих поехать в депрессивные районы Сибири и Дальнего Востока будет совсем немного.

4. Человеческий фактор. Основной контингент — самых активных, мобильных и решительных — выехал. Сейчас в Россию едут люди другие, более осторожные, более требовательные. Направляют их по Программе в депрессивные регионы страны, где такие люди вряд ли смогут быстро адаптироваться. Кроме того, сами люди стали другими. Теперешние потенциальные переселенцы хорошо знают положение соотечественников, которые приехали по первой программе. Поэтому очень важно учитывать уроки того опыта. Если первые переселенцы ехали, нередко бросив все, гонимые угрозами и преследованиями, боясь за судьбу своих детей, лишь бы избавить себя и своих близких от страха и ужасов войны, прихватив с собой «лишь пару сапог», то нынешние мигранты находятся совсем в ином положении, и они тысячу раз просчитают и обдумают, прежде чем решиться на переезд, у них будет достаточно времени, чтобы собрать вещи и продать то, что они не смогут взять с собой.

Правительство лелеяло надежду на приезд русских из ближнего зарубежья, из бывших союзных республик. Планировалось, что в 2007 г. в Россию приедет 50 тыс. человек, а в 2008 и 2009 гг. еще 250 тысяч. Однако, как подчеркивалось в ходе проходивших в Госдуме 21 апреля 2008 г. парламентских слушаний на тему «Проблемы законодательного регулирования трудовой миграции и деятельности негосударственных агентств занятости в РФ», предпринимаемые попытки содействия добровольному переселению соотечественников не дают желаемого результата: к текущему моменту из ожидаемых

4,5—5 тыс. человек в Россию въехало 890. В чем причина такого положения дел?

Несмотря на откровенно неудачный первый год действия Программы переселения соотечественников, российские законодатели еще не потеряли надежду сделать Россию привлекательной для бывших сограждан по СССР. И главное — дать регионам освоить заложенные под Программу крупные бюджетные средства. По словам В. Густова, причина так и не случившегося в стране бума репатриации оказалась «комплексной», и законодатели пытаются понять, в чем конкретно власти просчитались.

Похоже, что с этой Программой Россия опоздала. Желающие переселиться в РФ на постоянное жительство выехали раньше; большинство оставшихся приспособились. Да и ситуация в странах СНГ изменилась. Многие из них развиваются быстрее России, квалифицированные работники востребованы повсюду. Сейчас русские из бывших союзных республик не торопятся бросать налаженную жизнь и пускаться в неизвестное. Во-первых, размер «подъемных» не окупает огромных затрат по переселению, во-вторых, большие проблемы с жильем. А тот, кто предполагает переезд, уже не действует сгоряча — вначале приезжает на разведку. И увиденное в России не обнадеживает. Поэтому многие мигранты сегодня предпочитают тактику временных выездов на работу, а не на постоянное жительство.

В 2008 г. к активной информационной кампании и пропаганде возвращения на историческую родину должны присоединиться еще 59 регионов страны, которые выразили готовность принять до 90 тыс. человек. Но начнется реальное переселение или нет, зависит от того, появится ли в регионах внятная схема обустройства репатриантов. «Пока Программа не реализуется, что-то мешает: либо неправильно расставлены акценты по численности репатриантов, либо бюрократия тормозит процесс, а может, и переселять некого», — говорит Вадим Густов.

Основные причины медленного процесса переселения видятся как в несовершенстве информационной и законодательной базы, так и, соответственно, в слабом желании соотечественников переселяться. Так, в Липецкой области, которая входит в число 12 пилотных регионов, на 9 октября 2007 г. из 350 потенциальных переселенцев свидетельство участников Программы было выдано всего 10 соотечественникам. Однако уже с начала 2008 г. более тысячи иностранцев получили российское гражданство в Липецкой области. По Государственной программе переселения соотечественников из стран СНГ на постоянное место жительства из ближнего зарубежья переехали 74 человека: 31 участник программы и 43 члена их семей. В то же время с начала 2008 г. на временный миграционный учет в области были поставлены 13 тыс. человек, в основном граждане Украины, Армении, Узбекистана.

О слабой информированности населения за рубежом о Программе по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников заявляют представители администрации Красноярского края. Консульства России не предоставляют обратившимся гражданам нужную информацию. Именно это привело к тому, что на сегодняшний день в Красноярский край по Программе переехало только две семьи. Недостаток информации о действующей в России Программе возвращения соотечественников из-за рубежа привел к значительному сокращению числа русских, иммигрирующих в Россию из Казахстана. По расчетам экспертов из Казахстана, ничего не знает о Программе треть русских, а половина лишь «что-то слышала о ней».

Сами власти не спешат принимать переселенцев. По словам начальника управления по делам соотечественников ФМС России Евгения Маняткина, «поспешность в миграционном вопросе неуместна».

Аналогичные проблемы с реализацией Программы переселения соотечественников возникли во всех регионах страны, которые согласились участвовать в проекте, предложенном

президентом. Единственным исключением стала Калининградская область, администрация которой уже переселила несколько сотен семей из-за рубежа. Она одной из первых включилась в реализацию Государственной программы. Среди причин этого — нехватка рабочих рук, с которой сталкивается динамично развивающаяся экономика региона. В то же время Калининградская область привлекательна для самих переселенцев, которые попадают в европейский регион, отличающийся высокими темпами экономического роста и востребованностью рабочих рук. В частности, в области за последние годы наблюдаются высокие темпы строительства жилья на душу населения, что привело к существенному замедлению роста цен на жилье. Кроме того, территория Калининградской области является местом, удобным для общения переселенцев с друзьями и родственниками, проживающими в Прибалтийских странах и в Западной Европе.

В 2008 г. на юго-востоке Читинской области началась реализация инвестиционного проекта по освоению минерально-сырьевых ресурсов ряда месторождений. В строительство горно-обогатительных комбинатов, железнодорожной ветки и другой инфраструктуры ОАО «Горно-металлургическая компания "Норильский никель"» совместно с инвестиционным фондом России намерены вложить более 120 млрд рублей. Предполагается, что реализация проекта позволит создать более 70 тысяч рабочих мест, часть которых займут переселенцы из числа соотечественников, проживающих за рубежом. Но вот займут ли?

Оставшийся в СНГ потенциал русских, на которых, прежде всего, рассчитана Программа, оценивается экспертами не более, чем в 4 млн человек, что явно недостаточно для удовлетворения потребности России в иммигрантах. Но даже для привлечения имеющихся ресурсов необходимо исключить непоследовательность в миграционной политике, свойственную России. Россия должна выполнить те обязательства перед вынужденными переселенцами, которые она брала на себя. И ни

в коем случае нельзя новых переселенцев привлекать к нам в страну без учета того опыта.

Приложение

Истории вернувшихся

Пензенская область

Виктория Вениаминовна, высшее образование, 32 года, замужем, один ребенок

Приехала в Пензенскую область в августе 2001 года из Самарканда (Узбекистан). Основная причина переезда — национальный вопрос. Нас там всячески притесняли. У меня дочь десяти лет. Наблюдая за ней, даже в играх во дворе, при общении с маленькими детьми можно было различить отдельные фразы, оскорбляющие русских. Это проявлялось повсюду: на работе, в общении, в магазине. Моя мама — уроженка Пензы. После окончания института ее направили в Узбекистан. У меня высшее экономическое образование, я закончила кооперативный институт в Самарканде. Работала в поликлинике экономистом. Моей зарплатой хватало на 1 кг сливочного масла и на хлеб. Мы долго надеялись, что будет лучше. Очень тяжело было решиться на отъезд. Потом мама написала в Миграционную службу, чтобы ей помогли вернуться в Пензенскую область. Ей ответили: «Приезжайте. Мы Вам окажем небольшую материальную помощь и предоставим жилье. В течение 10 лет Вам будет помогать государство». Это обнадежило.

В Самарканде у нас была хорошая квартира, которую мы годами обустроивали. Продали ее за бесценок. Я приехала в Пензу с мамой, сестрой и дочкой, муж приехал позже. Я предполагала, что мы сможем нормально устроиться, но живем кое-как, условия жуткие. Имущество нам удалось вывезти, но очень дорого заплатили за контейнер. Здесь мы столкнулись с большими проблемами, начиная с получения гражданства, всюду палки в колеса вставляют. Сославшись на то, что с гражданством я немного запоздала, мне отказали в ссуде на жилье. Я обращалась в первую очередь в Миграционную службу, ведь письмо было прислано оттуда, потом — в администрацию по месту прописки. Там тоже бумажная волокита, все очень долго. Я подала в суд, ведется тяжба.

Живем вчетвером в квартире 16 м² в Бессоновке — это райцентр, в доме, построенном Миграционной службой для переселенцев. Ме-

сяц тому назад приехал муж, и теперь мы впятером на такой маленькой площади. Пока выхода никакого нет. Я не считаю это жилье своим. Понимаю, что моя семья должна отделиться, мы же не можем долго существовать в таких условиях.

Только что получили гражданство — все, кроме мужа, так как он позже приехал в Россию. Дочке тоже дали свидетельство о рождении. Без гражданства мы никуда не могли устроиться на работу. Я пыталась найти работу, но мне это не удалось. Правда, можно было пойти продавцом, но меня не устроило то, что там поздно заканчивается рабочий день и он очень длинный — с 7—30 до 22—30, вечером возвращаться одной страшно, надо, чтобы кто-то встречал. Хорошо хоть маме сразу дали пенсию. С получением паспорта я прописалась постоянно по месту жительства.

Мы готовы жить в области, на Пензу я не рассчитываю. Но работа в сельском хозяйстве для меня неприемлема. Я готова ездить в город на работу. То, что мы живем близко от города, меня устраивает. У дочки нет проблем с учебой, школа ей нравится, дочь отличница. Живя здесь, реально получить образование в Пензе.

Если на пенсию мамы мы в Самарканде не могли прожить, здесь мы как-то смогли продержаться какое-то время вчетвером. Мы кое-что продали, кроме того, я немного подрабатывала, занималась частной предпринимательской деятельностью, у меня была материальная поддержка. Я думаю, смогу все-таки найти работу, но мне бы хотелось, конечно, по специальности.

Муж пока тоже не работает, очень переживает, что работы нет. Он водитель, но без гражданства не может получить работу и не может получить права на вождение машины. Это все взаимосвязано. У него есть тамошние права, но они недействительны здесь. К тому же права можно получить, только прожив здесь полгода, то есть человек должен быть прописан. Получается замкнутый круг. Ему можно было бы пока устроиться на работу с тяжелым физическим трудом, но он подорвал свое здоровье и пойти туда не может. Сейчас он прилагает все усилия к тому, чтобы получить российские права. Много проблем, загвоздок.

Конечно, мы не жалеем о том, что уехали из Узбекистана. Но сегодняшнее настроение — ужасное, все надежды рухнули, в том числе и на ссуду. Денег еле-еле хватает на питание. Дом ветхий, с одной стороны осел, крыша ненадежная, протекает. Его надо со всех сторон подправлять. На все это нужны деньги. Мне кажется, что мы сможем восстановиться лет через 10, не меньше. Заново начинать жизнь очень сложно. Хочется надеяться, что у нас что-то получится.

Московская область

Олег Владимирович, 30 лет, незаконченное высшее образование, женат, двое детей

Приехал в 2000 году из Киргизии, мы жили под Бишкеком. Я хотел быть юристом, учился в киргизско-российской академии образования, но пришлось бросить учебу. Последнее время работал в совхозе. Даже если бы я там окончил институт, я бы не смог работать по специальности.

Из Киргизии уходил в армию, служил в Чечне, прямо в Грозном, где получил травму и потерял один глаз. О том, как это случилось, не хочу вспоминать. Полгода был в госпитале, вернулся инвалидом. Но в Киргизии меня уже не ждали. Я это понял, когда меня однажды обозвали оккупантом.

Для русских перспектив там нет. Чтобы не стать жертвой анти-русских настроений, мне пришлось бросить добротный кирпичный дом, бросить все, что было нажито родителями, и уехать вместе с семьей в Россию. Несмотря на то что я родился в Киргизии, своей исторической родиной всегда считал Россию. Но сюда мы приехали не от хорошей жизни, а были вынуждены искать прибежище. Нам говорили, что русских переселенцев встречают тут чуть ли не хлебом-солью. Но оказалось, что русские здесь никому не нужны.

В России было желание восстановиться и продолжить образование. Но реальные условия сводят на нет возможности дальнейшей учебы. Здесь очень много проблем: с получением гражданства, с жильем. Чувствуем себя как временно осужденные, постоянно приходится обращаться в паспортно-визовую службу для того, чтобы продлевать регистрацию через каждые 3 месяца. Складывается такое впечатление, что нам придется всю оставшуюся жизнь чувствовать себя ущемленными.

Мы приехали всей семьей: я с женой и детьми, родители, братья с женами. Еще в 1996 году были попытки найти место в России, куда мы могли бы приехать. Мы с матерью приезжали на разведку в Тульскую область на поиск места жительства, жилья, работы, но там ничего подходящего для себя мы не нашли. В 1998 году мы предприняли еще одну попытку, приехали в Московскую область. В Центре занятости подсказали адрес совхоза, где требуются наши специальности. Директор совхоза обрадовался, сказал, что ему нужны рабочие руки. Мы — сельские жители, работали в колхозе. Директор показал нам недостроенное жилье, обещал помочь отстроить его, обещал прописать. Мы посмотрели и решили, что сделаем все своими руками, как-нибудь обживемся, все сами построим. Директор обещал помочь стройматериалами и т. п. Однако ничего из этого не получи-

лось. Постоянного жилья нет, прописки нет, живем на «птичьих правах». Практически у нас каждый день идет война, судимся с ним, но безрезультатно.

Нас поселили в барак в летнем пионерском лагере и объявили нас своими рабами, сказали, что мы должны работать и молчать. Жилье — фанерная постройка, там нас 7 семей, есть семьи, которые приехали до нас. Те же обещания давались и им. Из зарплаты в 1200 рублей у меня за комнату в сарае высчитывали одну тысячу, хотя там практически нет ни воды, ни газа, ни прочих коммунальных услуг. Есть только крыша над головой, которая может в любой момент рухнуть. На 200 рублей я должен был кормить семью из четверых. Когда от таких кабальных условий я отказался, директор хозяйства решил нас выгнать на улицу и обрезал в бараке отопление. Теперь комната обогревается, как во время войны, с помощью «буржуйки». Раз в неделю директор совхоза присылает кого-нибудь в барак проверить, живы ли мы еще. Повод для визита выбирается очень простой: проверка документов. Даже сам начальник милиции из района приезжал, собирался пристрелить лающую собаку. Мать его спросила: «Сегодня — собаку, завтра — нас?» Пришли с автоматами. Старший сын потом признался: «Я так боялся, что нас застрелят».

Мир не без добрых людей, местные жители в основном к нам относятся с сочувствием, с пониманием. Они шокированы нечеловеческими условиями, в которых мы живем. У меня двое детей, жена с маленьким ребенком. Мои дети, влача лямку бесправия, рожденные в России, не имеют здесь ни детского пособия, ни медицинского полиса.

Старшего сына без прописки не берут в детский сад, а грудной дочке не положена ни патронажная сестра, ни детское пособие, ни бесплатная молочная кухня. Местные власти отказывают нашей семье в регистрации, ссылаясь на то, что у нас нежилое помещение.

Чтобы повлиять на неправомерные действия директора совхоза, мы неоднократно обращались как в государственную администрацию, так и в другие инстанции — ничего не произошло, никаких изменений. Он как бесчинствовал, так и бесчинствует. Так же открыто говорит: «Так, как я решу, так все и будет. У меня все "схвачено". Ты сюда приехал — рот закрой, ты здесь никто».

Я ушел из этого совхоза, там остался работать отец, чтобы хоть как-то мы имели право занимать это жилье. Если он уйдет, нас оттуда выселят. Отец зарабатывает не больше 2 тыс. рублей, директор всю эту сумму пытается забрать в пользу совхоза. Я сейчас работаю на государственном предприятии.

Гражданство мы получили ценой невероятных усилий. На бумаге для граждан, прибывших из Казахстана, Киргизстана и других мест,

не должно быть никаких длительных процедур, в течение полугода они должны получить российское гражданство. Но на деле это не так.

Пока мы живы, будем стараться, чтобы дети были счастливы здесь. Надежда умирает последней. Если нас отсюда, из этих «веселых апартаментов» выселят, у нас не останется выхода. Наверное, пойдем в лес, будем там землянки копать, устраивать дальше свою жизнь в лесу.

Меня несколько раз задерживал наряд милиции для выяснения личности, хотя милиционеры давно знают меня в лицо. Я уже боюсь просто не сдержаться, если та же милиция меня остановит, от греха подальше добираюсь домой темными переулками. Мы находимся сейчас на положении ленинградских блокадников. Когда-то у нас была общая родина — Советский Союз, теперь у нас — другая родина. Но, судя по всему, ни мы, ни наши дети ей не нужны.

Самара

Ирина Викторовна, 38 лет, высшее образование, врач, разведена, двое детей

Я — коренная жительница Самары, здесь родилась, выросла, закончила школу, институт. Попала в Баку по распределению мужа. Муж — офицер. Начинала я учиться в медицинском институте здесь, в Самаре, а заканчивать его уже пришлось в Баку. Это еще было в 80-х годах, когда был Советский Союз, было все тихо, мирно, хорошо. Мы тоже, как все офицерские семьи, долго мотались по общежитиям, много пережили. Получили квартиру, когда уже родился ребенок. Нормальная, хорошая квартира. Прожили мы до начала военных действий в Баку. Раньше еще Сумгаит был, и эта волна дошла до нас. Мы жили там до последнего, потому что никак не ожидали, что в Баку может что-то произойти.

Мы — самые настоящие беженцы, потому что когда там уже началась беспокойная обстановка, всех наших мужей забрали, в воинских частях остались только их жены и дети. На нас было нападение, мы пережили ужас. Дочке было 4 года, к нам стучали в дверь и врывались, говорили по-азербайджански, и никакие мольбы о том, что мы русские, не помогали, хотя конфликт начался между армянами и азербайджанцами. Почему они перекинулись на всех, непонятно, но было очень страшно. Я стала просто кричать, бить по батареям палками, будоражить весь дом, чтобы люди выходили на балконы. Там жили не только азербайджанцы, но и русские. Не только военные, но и гражданские. Может быть, нападающих это как-то напугало. Они на какое-то время затихли, что-то между собой говорили, а потом снова стали ломиться в дверь. Это продолжалось всю ночь, потом мы все-

таки через балкон ушли к соседям и до рассвета оставались там. А телефона не было, сообщить куда мы не могли. Мы жили в довольно отдаленном от центра районе. Когда утром пришел муж, я была в жутком состоянии и сказала, чтобы он нас отправил в Россию, ребенок тоже был в шоковом состоянии. Мы успели вылететь в тот же день гражданским самолетом. Прилетели в Самару, здесь жила моя мама. Оплачивали дорогу сами. Когда мы сюда прилетели, уже по телевизору смотрели, как ночью начались настоящие боевые действия.

Потом связи с мужем не было долгое время. А когда он дозволился до нас, сказал, что есть возможность уволиться. Он советовался со мной. Я сразу же сказала, чтобы уволился. Я была военным врачом. После пережитого назад я в любом случае не вернусь ни за что. Уехали оттуда, ничего с собой не взяв. Я была в таком состоянии, что на ребенка не взяла то, что должна была взять. Муж приехал спустя месяц. Квартиру закрыл и тоже взял с собой, что мог, некоторые вещи из одежды, больше ничего. Мы приехали сюда как гражданские. Поселились в однокомнатной квартире у моей мамы, в обычной «хрущевке», 16 м². Жили на текущую зарплату мужа, перебивались. Сначала нам дали временную прописку, потом через какое-то время прописали постоянно.

А потом на этих 16 метрах возникли большие проблемы в семейной жизни. Мы с мужем расстались, он уехал к своим родителям в Казань. У мамы начались обострения болезней. Очень много пришлось пережить. Муж ездил еще раз в Баку. Я туда не возвращалась; во-первых, было страшно, во-вторых, и материально не было никакой возможности. Муж сказал, что квартиру там заняли азербайджанцы, местные жители, поставили железную дверь. Хорошо, что у нас на руках были все документы, вплоть до прописки. На тот момент Миграционной службы как таковой вообще не было. Это был 1990 год. Нам дали справку, чтобы мы как беженцы обращались в администрацию по месту прописки. Нам было выделено 200 рублей, больше никакой помощи не было. Я устроилась на работу, с этим проблем не было. С гражданством тоже, потому что мы были гражданами Советского Союза.

А вот проблемы с жильем серьезные. Мне сказали: «Вставайте на очередь по месту прописки и по месту работы». Стоим на очереди до сих пор. В 1992—1993 годах, когда Миграционная служба возникла, когда уже беженцев появилось много, меня там поставили в очередь на жилье. В эти годы у меня начались хождения по мукам. Везде я обивала пороги. Брала справки из медицинских учреждений, что совместное проживание с больным человеком невозможно: у мамы были частые ночные приступы, мы не спали, и ребенку было не-

возможно там находиться. Но поскольку здесь у нас было много знакомых, мы ночевали в разных местах.

Потом я каким-то образом прослышала, что в Миграционной службе стали давать жилье, когда я туда обратилась, проверили, что мы беженцы, но конкретно ничего не сказали. Это был 1995 год. При личной беседе они говорили, что «нет у нас квартир». Я ходила по кругу, меня посылали из одного места в другое: в администрацию по месту работы, администрацию района по месту прописки, администрацию города, администрацию области. Везде были отписки «в отдел миграции». Дошло до того, что мне сообщили, что у меня нет статуса. Когда я пошла по юридическим инстанциям, мне сказали, что мои права нарушены. Положение сложилось такое, что жить негде, не на что, ребенок растет, зарплата мизерная, приходилось подрабатывать где только можно, в основном по профессии, но, бывает, что и не по профессии (работа на избирательном участке во время выборов, анкетирование, опрос, перепись). Не хватало сил, ни моральных, ни физических. Также обращалась по месту работы и снова встречала отказ. Юристы посоветовали обратиться в суд.

Моему сыну 16 лет, у него нарушена психика. Друзей привести ему некуда, подружки у него нет, он часто говорит, что не хочет жить. Я как мать прекрасно понимаю, чем это грозит.

Я пока не знаю, что дальше будет. Хочу, чтобы ребенок учился здесь, ведь больше ехать некуда. Здесь у меня есть хоть какие-то знакомые, столько лет я здесь проработала. Первые годы поддерживала связь с соседями по Баку, но оттуда разъехались все, в основном по родным.

Я — член общественной организации «Самарский переселенец». Там активно прорабатывается вопрос о переезде в сельскую местность, некоторые переселенцы хотели бы построить собственное жилье. Сейчас моя дочь заканчивает школу. Мы все вместе можем отработать такой вариант: обеспечить доступ к обучению своих детей в высшие учебные заведения, и в этом случае мы могли бы уехать в сельскую местность. В городе меня держат учеба ребенка и моя работа, я уже всего боюсь. Есть у нас такая категория лиц, которая осела в городе и ни за что не поедет в село. В основном это те, у кого есть родственники, стабильная работа, стабильный заработок, возможность в будущем приобрести какое-то жилье, у кого есть поддержка. У нас ее нет. Такие, как мы, не обустроенные в течение 10 лет, не живущие, а только выживающие, готовы переехать в сельскую местность. Столичный вариант проживания уже уходит, мы уже, считай, на периферии, и третий этап — это, по-моему, будет сельский район. Это насущный вопрос, который надо решать в экстренном порядке. В переезде в село видят единственный выход те люди, кото-

рые проживают без регистрации, работают по чужим документам. Если дадут им клочок земли, они смогут что-то посадить, завести скот и за счет этого выживать, а может быть, и жить нормально. И это основная масса людей. Тех, кто хочет остаться в городе, я считаю, немного. Среди беженцев есть специалисты всех профессий, от землекопа до академика. Даже есть кому найти воду, пробурить, чтобы создать для себя нормальные условия проживания. Нам обещают выделить землю недалеко от Самары.

Я не думаю, что местные жители, которые там живут, будут против. Они в более выгодном положении, потому что у них, пусть худая, пусть гнилая, но крыша есть. И этот страх администрации, что земли, которые они дадут, будут стоять мертвым грузом, необоснованный. За 3—4 месяца, даже исходя из наших скудных ресурсов, у нас будут дома. В течение года, я думаю, построим наверняка. Мы готовы рыть землянки, сажать картошку, завести скот. С каждым годом я убеждаюсь, что необходимо подсобное хозяйство. Надо нам кооперироваться всем вместе, иначе не выживем.

Нас государство воспитало, что мы всегда всем должны, мы обязаны. Долг, служба, родина. А когда оно поступило с нами так, что нас переломали, нам никто не помог. Мы уехали в Баку в 1984 году, вернулись в 1990-м. Ребенок родился там, жилье было получено тоже там. А потом у нас все забрали. Я не вижу для себя никаких положительных перспектив. У дочери полностью поломана психика, на грани нервного срыва.

Я обращалась к корреспондентам, но все бесполезно. Стена совершенно непробиваемая. Чиновники, холодные лица, холодные души, которые отсылают в другие кабинеты, только не к ним. Единственная организация — «Самарский переселенец», здесь другое отношение, сочувствуют, выслушивают, как-то пытаются помочь. Хотя на работе тоже чем могут помогают. Наше здравоохранение переживает не лучшие времена, поэтому желание желанием, а возможностей никаких. Меня сейчас вообще вычеркнули из списков очередников. А члены этой общественной организации берутся помочь.

Я не знаю, как я сделала, правильно или нет, поскольку я сразу прописалась, может быть, по своей глупости. Я не знаю, как это делается. Если не прописываться, значит, на работу не устроишься. А поскольку прописались, считается, что крыша какая-никакая есть, а какая фактически — это не важно. Хотя бы общежитие нам дали, у дочери был бы свой угол. Но здравоохранение не имеет на балансе общежития. Я думаю, что чем содержать таких проблемных работников, как я, им проще найти других. Я — врач 1-й категории, на руки получаю 1600 рублей. Мечтаю хотя бы выспаться.

Е. С. Красинец, Я. Е. Цуприкова
Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН, Москва

О проблемах переселения в Россию соотечественников из-за рубежа

Рассмотрены проблемы переселения соотечественников в Россию; проанализирован ход реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Освещается ряд ключевых вопросов, связанных с переселенческими процессами. Предлагается включить в число участников переселенческой Программы тех соотечественников, которые уже продолжительное время пребывают и работают на территории Российской Федерации, но не имеют российского гражданства.

The proposed paper addresses the problems of resettlement of compatriots living abroad to Russia. The analyze focuses on the course of the realization of the State Program to assist the voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad. The paper examines a number of key problems related to migration. It offers to admit to the Program those of compatriots who have been living and working in Russia for a considerable time already but do not have Russian citizenship.

Проблемы экономического и социально-демографического развития страны на ближайшую и длительную перспективу связаны не только с реализацией мер по стимулированию рождаемости и снижению смертности, но и с привлечением мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья, особенно тех, кто воспитан в традициях российской культуры, владеет русским языком и в наибольшей мере способен к адаптации и скорейшему включению в систему позитивных социальных связей современного российского общества. Для преодоления негативных последствий складывающейся демографической ситуации и обеспечения экономики регионов трудовыми ресур-

сами необходимо активное и продуманное использование миграционного ресурса.

В работе, выполненной в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом проекта (грант № 08—02—18010е), предполагается остановиться на оценке хода реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, что важно для своевременной постановки и дальнейшего решения проблем переселенческой политики государства.

Программа привлечения переселенцев на постоянное место жительства в РФ — один из приоритетов миграционной политики в стране. Она рассчитана на длительный промежуток времени (до 2012 г.) и направлена на решение двух взаимосвязанных стратегических задач: во-первых, преодоление демографического спада, который переживает сейчас российское государство; и, во-вторых, обеспечение экономики страны необходимыми трудовыми ресурсами, улучшение ситуации на региональных рынках труда.

Однако после двух лет действия Программы стало ясно, что в данном проекте экономическая часть стала преобладающей. Вместе с тем Программа оказалась далеко не такой масштабной, как это задумывалось. На практике реализация идеи переселения натолкнулась на множество проблем, не позволяющих эффективно сочетать ожидания и возможности переселенцев с реальными потребностями и ресурсами российских регионов.

После проведения колоссальной организационной подготовительной работы, принятия пакета нормативных правовых актов, создания системы управления Государственной программой; разработки, согласования и утверждения проектов региональных переселенческих программ и в результате дальнейшей реализации мероприятий по переселению российское общество так и не ощутило наплыва соотечественников, а их возвращение не стало важным компонентом миграционных

процессов в стране. Даже в европейской части РФ, то есть в тех «пилотных регионах», которые являются наиболее привлекательными для потенциальных переселенцев, намеченная Программа переселения не стала массовой и не смогла существенным образом изменить ситуацию. Объемы переселения оказались совершенно недостаточны для того, чтобы решить экономическую проблему нехватки трудовых ресурсов как в целом по стране, так и в отдельных регионах.

Говорить о сколько-нибудь заметном улучшении демографической ситуации также не приходится, поскольку переселиться по Программе смогли далеко не все соотечественники, а только те, чья специальность была востребована на конкретных предприятиях и в конкретных российских регионах.

Согласно Госпрограмме, во второй половине 2006 г. разрабатывалась ее нормативно-правовая база, а непосредственно возвращение соотечественников предполагалось с 2007-го. По имеющимся оценкам, в 2006 г. от 3 до 5 млн человек потенциально были готовы стать участниками российской Государственной переселенческой программы. В минувшем году, как планировалось ранее, ожидался приезд 50 тыс. человек. Однако, по данным ФМС России, за весь 2007 г. количество участников Программы вместе с членами их семей, прибывших в РФ и зарегистрированных в территориальных органах ФМС, составило всего 217 человек. Практическая реализация планов по переселению соотечественников не могла похвастаться серьезными результатами и в 2008 г. По состоянию на конец мая текущего года в субъектах Российской Федерации территориальными органами ФМС было зарегистрировано всего 1280 участников Государственной переселенческой программы (2598 участников с членами семей), более половины которых прибыли в Калининградскую область.

Совсем мало оказалось желающих ехать в Сибирь и на Дальний Восток, территории которых, по замыслу создателей госпрограммы, должны были заселяться соотечественниками из стран ближнего зарубежья. На 31 мая 2008 г. в Приморском крае было зарегистрировано 3 участника Государственной про-

граммы (6 — с членами семей), в Хабаровском крае — 7 участников (11 — с членами семей), в Амурской области — 8 участников (24 — с членами семей).

Уже сегодня можно назвать ряд основных вопросов, которые должны быть учтены и решены в ходе дальнейшей реализации Госпрограммы. Это, в первую очередь, принципы и критерии отбора на местах кандидатов для участия в программе. До сих пор в ней четко не определено само понятие «соотечественник», которое в действующем российском законодательстве трактуется весьма широко. Необходимо определиться и с тем, какие социально-демографические группы соотечественников попадают под действие программы, а какие нет (в частности, студенты, пенсионеры, инвалиды, нетрудоспособные граждане и др.).

В проблеме переселения остаются и многие другие нерешенные задачи, напрямую связанные с переездом соотечественников в РФ на постоянное место жительства. В их числе — информационное обеспечение Программы и активизация работы с потенциальными переселенцами за рубежом, учет интересов людей, проживающих на территории России, приехавших 10—15 лет назад и до сих пор не получивших надлежащей поддержки государства.

Следует отметить также вопросы работы по специальности без потери квалификации, прохождения службы в армии, пенсионного обеспечения, корректировки налогового законодательства, перевода учащихся высших и средних учебных заведений в профильные российские учреждения по месту переселения, обучения в вузах на бюджетной основе, пользования кредитными продуктами банков наряду с гражданами РФ и многие другие.

Мотивация людей к переселению в решающей мере зависит от содействия их жилищному обустройству, которое в действующей Программе находится в компетенции субъектов РФ и является наиболее трудной проблемой в деятельности органов исполнительной власти при реализации переселенческой политики.

Проблема жилищного обустройства переселенцев на местах частично решается различными способами: это создание центров временного размещения для участников программы, предоставление служебного жилья и общежитий ведомственного и муниципального жилого фонда, использование гостиниц, пансионатов, существующих помещений расформированных войсковых частей, аренда жилой площади в частном секторе, частичная компенсация оплаты жилья и коммунальных услуг. В сельской местности — предоставление пустующих домов, выделение земельных участков под индивидуальное жилищное строительство, содействие приобретению стройматериалов. В первом полугодии текущего года две трети от общего числа переселенцев арендовали временное жилье по найму, около четверти участников переселенческой Программы получили жилье в Центрах временного размещения и гостиницах.

В региональных программах жилищное обустройство увязывается и с включением участников этих программ в региональное ипотечное кредитование строительства (приобретения) жилья. Однако в реальности в связи с отсутствием кредитной и зарплатной истории доступ к ипотеке у них затруднен. Предлагаемые зарплаты не позволяют большинству переселенцев воспользоваться данным способом решения своих жилищных проблем.

Анализ предварительных итогов по реализации Государственной программы переселения показал, что она наталкивается на различные барьеры и в нее необходимо внести определенные дополнения. В частности, важной является разработка механизмов по наращиванию переселенческого потенциала соотечественников, стимулированию переселения наиболее активных социальных групп — предпринимателей, а также выезжающей на учебу молодежи.

Ряд проблем возникает в связи с решением задачи обеспечения занятости прибывающих в Россию соотечественников. Так, по состоянию на май 2008 г. из общего числа участников Государственной переселенческой программы, зарегистриро-

ванных в территориальных органах ФМС России, более половины переселенцев еще не были трудоустроены.

Следует признать целесообразным включение в круг участников Программы тех соотечественников, которые уже продолжительное время пребывают и работают на территории Российской Федерации, но не имеют российского гражданства.

Необходимо также активизировать работу по привлечению к реализации Программы переселения и оказанию содействия интеграции соотечественников институтов гражданского общества и общественных организаций.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ МИГРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Н. Н. Ноздрина

**Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
Москва**

Изучение миграционных установок и предпочтений россиян

На примере данных социологического опроса населения 10 региональных центров России изучаются миграционные установки и предпочтения россиян: их зависимость от места проживания, миграционного статуса, социально-демографических характеристик респондентов.

Migration plans and preferences of Russian population: there dependence on the residence, migration status, social and demographic characteristics of the respondents are studied on the example of the results of population's sociological survey carried out in 10 regional centers of Russia.

С целью определения уровня, факторов и региональной дифференциации миграционной мобильности населения России в 2006 г. было проведено специальное исследование в 10 городах России (опрошено 3200 респондентов в возрасте от 18 до 49 лет, по 320 человек в каждом городе). Работа проводилась Центром миграционных исследований (руководитель Ж. А. Зайончковская). Непосредственно сам опрос в городах из 10 регионов России проведен Левада-центром с применением трехступенчатой стратифицированной выборки.

На этапе подготовки опроса самое серьезное внимание было уделено выбору регионов. Предполагалось, что мигра-

ционная мобильность непосредственно зависит от уровня социально-экономического развития региона: депрессивные территории должны с относительно большей силой выталкивать население; население более богатых регионов, напротив, не стремится их покидать и одновременно более избирательно в поисках лучших условий жизни. В результате отобрано 10 регионов, расположенных в разных федеральных округах и различающихся по уровню социально-экономического потенциала и миграционной привлекательности. В самих регионах для опроса были выбраны столицы (Санкт-Петербург, Белгород, Нальчик, Нижний Новгород, Новосибирск, Казань, Владивосток, Краснодар, Смоленск, Оренбург).

Программа проекта предусматривала достаточно подробное изучение как миграционного опыта респондентов, так и их миграционных установок и предпочтений. Во взаимосвязи они дают достаточную информацию, чтобы судить об общей миграционной подвижности населения, — как свершившейся, так и потенциальной. Здесь мы хотели бы остановиться на результатах, полученных при изучении миграционных установок и предпочтений респондентов.

Установка на миграцию

В той или иной степени установку на переезд имеют 11,6% респондентов (378 человек). При этом только 1,4% точно решили уехать и предпринимают для этого активные действия, 3% собираются переезжать, но пока ничего не делали для этого, 6,3% иногда думают о переезде и 0,9% хотели бы выехать на время (табл. 1).

Можно полагать, что высокая потенциальная мобильность населения свойственна тем городам, жители которых не слишком довольны своей жизнью. И наоборот: чем больше жители ценят свой город, тем меньше хотят его покидать.

Таблица 1

Установка на миграцию по городам, %

№	Вариант ответа	Санкт-Петербург	Белгород	Нальчик	Нижний Новгород	Новосибирск	Казань	Владивосток	Краснодар	Смоленск	Оренбург	Итого по массиву
1	Точно решили и предпринимают активные действия	1,5	0,3	2,8	0	0,3	0,9	1,9	1,9	2,2	2,2	1,4
2	Собираются переезжать, но пока ничего не предпринимали	3,0	1,6	8,8	0,9	1,9	1,5	4,1	3,1	2,5	3,1	3,0
3	Иногда думают о переезде	1,5	2,8	11,9	1,6	4,7	5,2	15,3	3,8	9,7	6,8	6,3
4	Хотели бы выехать на время (не более года)	0,6	1,3	0,6	1,3	0,3	0,6	0,9	1,9	0,9	0,9	0,9
1+ 2+ 3+ 4	Имеют в той или иной степени установку на переезд, всего	6,6	6,0	24,1	3,8	7,2	8,2	22,2	10,7	15,3	13,0	11,6
	Валидный процент желающих уехать	8,0	7,0	34,7	4,5	9,9	15,6	31,9	13,6	22,7	18,8	15,9
5	Не хотят и не собираются переезжать	75,4	79,1	45,3	80,0	65,4	44,3	47,5	67,8	52,2	56,0	61,3
6	Не задумывались об этом	17,9	14,7	30,6	16,3	27,4	47,4	30,3	21,6	32,5	30,7	27,0
	Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Чаще всего желание уехать выражают жители Нальчика (24,1%) и Владивостока (22,2%). Очень низкая потенциальная мобильность у населения самых крупных городов: Санкт-Петербурга (6,6%), Нижнего Новгорода (3,8%), Новосибирска (7,2%), Казани (8,2%). Эти города легко абсорбируют население, но не отдают его. В городах поменьше (Краснодар, Оренбург, Смоленск) мобильность в 1,5—2 раза выше. Среди городов этого ранга выделяется Белгород, население которого так же устойчиво, как и в крупных городах (желает уехать всего 6%).

Установка на миграцию и удовлетворенность жизнью в городе

В целом респонденты демонстрируют достаточно высокую степень удовлетворенности своей жизнью в наших городах. «Очень» или «скорее довольны» 78% респондентов (из них 18,1% — очень довольны) и «совершенно» или «скорее недовольны» 17,3% (из них «совершенно недовольны» всего 3%).

Степень удовлетворенности жизнью по городам дифференцирована следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Удовлетворенность жизнью по городам, %*

Показатель	Санкт-Петербург	Белгород	Нальчик	Нижний Новгород	Новосибирск	Казань	Владивосток	Краснодар	Смоленск	Оренбург	Итого по массиву
Очень или скорее довольны	85,6	80,9	70,8	87,5	82,4	86,7	73,9	86,2	79,9	83,7	81,9
Скорее или совершенно недовольны	14,4	19,1	29,2	12,5	17,6	13,3	26,1	13,8	20,1	16,3	18,1
<i>Итого</i>	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

* Без учета закрытия «затруднились ответить».

Здесь приведены валидные показатели. Доля тех, кто затруднился с ответом, в данном случае невелика (в среднем 4,6%) и варьирует в пределах от 1,6% (Белгород) до 7,6% (Санкт-Петербург).

В целом оценки, выставленные населением пилотным городам, довольно однотипны. Дифференциация лучше прослеживается по негативным оценкам. Меньше всего недовольных в Нижнем Новгороде (12,5%), Казани (13,3%), Санкт-Петербурге (14,4%). Столь же высокую оценку, как эти крупнейшие города, получил Краснодар (13,8% недовольных). Зато Новосибирск (17,6% недовольных) в данном отношении выпадает из обоймы «больших», примыкая к областным центрам среднего ранга — Белгороду, Смоленску, Оренбургу (19,1; 20,1 и 16,3% соответственно).

Из общего ряда выпадают Нальчик и Владивосток, где положение весьма острое, так как более четверти жителей не устраивает жизнь в этих городах, что коррелирует с высокой мобильностью населения.

Что же касается доли довольных жизнью в городе, то наибольшую степень удовлетворенности продемонстрировали респонденты из таких городов, как Нижний Новгород, Казань, Краснодар и Санкт-Петербург (от 87,5% в Нижнем Новгороде до 85,6% в Санкт-Петербурге). Меньше всего довольных в Нальчике (70,8%) и Владивостоке (73,9%).

При этом значительно варьирует первое закрытие этой переменной. Очень довольны своей жизнью в городе 31% опрошенных жителей Санкт-Петербурга, 25% жителей Краснодара и в то же время всего 9,4% жителей Нальчика.

Попробуем связать установку на миграцию и степень удовлетворенности жизнью в городе (табл. 3).

Таблица 3

**Установка на миграцию в зависимости от удовлетворенности
жизнью в городе, %**

Миграционная установка / удовлетворенность жизнью	Очень довольны	Скорее довольны	Скорее недовольны	Совершенно недовольны	Затрунились ответить	Итого по массиву
Точно решили и предпринимают активные действия	1,9	0,9	1,9	3,1	2,7	1,4
Собираются переез- жать, но пока ниче- го не предпринима- ли	1,4	2,0	7,4	7,1	7,4	3,0
Иногда думают о переезде	5,3	4,8	10,8	18,4	7,4	6,3
Хотели бы выехать на время (не более года)	0,7	0,8	1,7	2,0	0,7	0,9
Не хочу и не соби- раюсь переезжать	65,0	64,5	47,8	49,0	55,0	61,3
Не задумывались об этом	25,7	27,0	30,4	20,4	26,8	27,1
<i>Итого</i>	100	100	100	100	100	100

Из таблицы 3 видно, что среди тех, кто доволен своей жизнью в городе, установка на миграцию выражена в меньшей степени. Среди довольных собираются переезжать 1,4—2 %, тогда как среди недовольных 7,1—7,4 %; думают о переезде среди довольных 4,8—5,3 %, а среди недовольных 10,8 и 18,4 %. Кроме того, среди тех, кто доволен, значительно больше тех, кто ответил, что не хочет переезжать (65 % против 48—49 %).

Для наглядности упростим таблицу 3 путем ее сжатия.

Различия в миграционном поведении граждан, довольных и недовольных жизнью в городе, стали очевидными. Среди довольных установка на переезд есть только у каждого десятого, тогда как в группе недовольных — у каждого четвертого-пятого (табл. 4).

Таблица 4

Установка на миграцию в зависимости от удовлетворенности жизнью в городе (агрегированный вариант), %

Миграционная установка	Довольны жизнью в городе	Недовольны жизнью в городе	Затруднились ответить	Итого по массиву
Есть, в той или иной степени, установка на переезд	9	22	18	12
Не хотят и не собираются переезжать	65	48	55	61
Не задумывались об этом	26	30	27	27
<i>Итого</i>	100	100	100	100

Безусловно, эта часть недовольных должна быть отнесена к высококомобильной группе населения. Но поскольку недовольных, как мы видели, не так много (18%), четверть от их совокупности — это всего 4,5% общей численности респондентов.

Вместе с тем обращает на себя внимание и терпимость недовольных к условиям жизни, не вполне их устраивающим. Хотя они невысоко оценивают свой город, половина из них не собирается переезжать, а почти каждый третий не думал о такой возможности.

Установка на миграцию и миграционный статус респондентов

Установка на миграцию выше у тех, кто не является уроженцем города проведения опроса. Так, у коренных жителей она составила 9,8 %, у родившихся в другом населенном пункте РФ 14,4 %, в одной из бывших республик СССР 16,7 %, у родившихся в другой стране 31,3 %.

Установка на миграцию у респондентов — бывших мигрантов выше, чем у тех, кто родился в этом городе и никогда не переезжал, причем чем больше респондент до этого переезжал, тем выше установка на дальнейшую миграцию. Среди тех, кто родился в городе проведения опроса и никогда не переезжал, только 9,2 % имеют установку на переезд (это несколько меньше, чем среди тех, кто родился в городе проведения опроса, но уже имел опыт переездов). Среди переезжавших ранее один или два раза установка на миграцию выражена, соответственно, у 14,2 и 12,9 % опрошенных, а среди тех, кто переезжал ранее три или четыре раза ее имеет 22,7 и 19,3 % соответственно.

Есть зависимость интенсивности установки на миграцию у респондентов — бывших мигрантов от того, сколько времени они уже живут в городе проведения опроса. В наименьшей степени установка на отъезд выражена у респондентов, переехавших в город проведения опроса очень давно, еще до 1986 г. — 10 %. Низкий уровень установки на отъезд и в другой группе респондентов, переехавших в город проведения опроса еще в советский период, в 1986—1991 гг. (13,4 %), а также в группе респондентов, приехавших в город проведения опроса в 1995—1998 гг. (12,8 %). У остальных групп респондентов — бывших мигрантов, переехавших в города проведения опроса позднее, установка на миграцию выражена сильнее. Особенно высока потенциальная миграционная активность у респондентов, приехавших в период 1992—1994 гг. (23 %), а также в 2001—2003 гг. (22,6 %).

Существует также зависимость интенсивности установки на миграцию респондентов от того, откуда они приехали в данный город. Гипотеза о том, что респонденты-мигранты, прибывшие когда-то в город проведения опроса из своего же субъекта РФ (внутренние мигранты), менее склонны к дальнейшей миграции, чем те, кто прибыл из других регионов, подтвердилась в семи пилотных городах из десяти. Гипотеза не подтвердилась в Нижнем Новгороде, Казани и Краснодарском крае. В этих городах бывшие внутренние мигранты имеют несколько более высокую установку на отъезд, нежели мигранты внешние (прибывшие из других регионов РФ или из-за рубежа).

В остальных городах опроса (Санкт-Петербург, Белгород, Нальчик, Смоленск, Оренбург) влияние региона исхода респондента-мигранта «правильное», то есть соответствует выдвинутой гипотезе. Внешние мигранты имеют здесь, как правило, намного более высокие значения показателей установки на отъезд. Так, если респонденты — бывшие мигранты, опрошенные в Санкт-Петербурге, прибыли из Ленинградской области, то установку на миграцию имеет всего 3 % этой группы, а если они прибыли из других регионов страны, то установка на миграцию есть уже у 12,4 %. Напротив, в первой группе 84,8 % ответили, что не хотят и не собираются переезжать, тогда как во второй их значительно меньше — 72,5 %. В Белгороде никто из прибывших из Белгородской области не имеет установки на новую миграцию, а среди тех, кто приехал из других регионов, таковых 8 % и т. д. В ряде городов (Новосибирск, Владивосток) это влияние также «правильное», но выражено с меньшей степенью интенсивности.

Установка на миграцию и социально-демографические характеристики респондентов

Отметим следующие зависимости установки на миграцию от социально-демографических групп населения.

Женщины демонстрируют чуть более высокую склонность к миграции (установку на отъезд имеет 12,8% женщин и 10,4% мужчин).

Есть четкая зависимость степени интенсивности установки на миграцию от возраста респондентов: для более молодых возрастных групп она значительно выше, причем интенсивность миграционной установки монотонно убывает по мере перехода к более старшим группам. Так, в группе респондентов 20 лет и менее в той или иной степени выразили желание уехать 19,9% опрошенных, в группе 21—24 года — уже 15,9% и т.д., а в группах 40—44 лет и 45—49 лет — всего 7,8 и 6,5% соответственно.

Выявлена интересная зависимость потенциальной миграционной мобильности от уровня образования респондентов. Потенциально наиболее мобильны респонденты с незаконченным высшим образованием — это, как правило, молодые люди, которые еще только учатся в вузах и думают переезжать после окончания учебы. Интенсивность миграционной установки у специалистов с высшим образованием и людей, имеющих только общее среднее или незаконченное среднее образование, практически равна и находится на среднем для всего массива уровне (12,3 и 12,8% соответственно). Наименее потенциально мобильны специалисты низшего звена — респонденты с профессиональным техническим (со средним общим) образованием — всего 7,4% этой группы имеют установку на отъезд, а также респонденты со средним специальным образованием (10,1%). Это, как правило, люди более старшего возраста, менее склонные к миграции.

Есть четкая зависимость установки на миграцию от семейного положения. Семейные респонденты в среднем менее мобильны (8,8%), несемейные — наиболее мобильны, особенно те, кто еще вообще не обзаводился семьей (16,2%). Высока потенциальная мобильность и в группе респондентов, которые живут порознь со своей семьей, но не разведены (22,7%). На-

против, установка на миграцию низка у овдовевших респондентов (10 %).

Есть зависимость интенсивности установки на миграцию от количества человек в семье. Те респонденты, которые живут одни, в большей степени, чем другие, склонны к переезду (16,3 % против 10,2—12,5 % среди тех, кто живет не один). Значительного влияния установки на миграцию от количества в семье детей моложе 18 лет не выявлено. С одной стороны, она несколько выше в тех семьях, где таких детей нет (11,8 % против 9,5 и 7,8 % в семьях с одним и двумя детьми соответственно), но в то же самое время установка на отъезд высока в семьях с тремя и более детьми — 23,9 % (в последнюю группу вошел всего 21 респондент, и данная цифра требует уточнения).

Интересные результаты дает анализ установки на миграцию в зависимости от национальности. У русских она оказалась ниже средней по массиву: установку на отъезд имеет 10,8 %. Ниже интенсивность установки на миграцию среди татар (9,7 %; почти 49 % опрошенных татар проживает в Казани), народов Средней Азии (10 %), армян (10,3 %). Наиболее высокая установка на миграцию народов Северного Кавказа (26,7 %) и азербайджанцев (20 %), а также в группе «другие национальности» (37,2 %), состоящей из представителей немногочисленных национальностей, слабо представленных в выборке.

Направление потенциальной миграции

Известно, что в миграции наиболее выраженным вектором является стремление в более крупные населенные пункты. Поэтому рассмотрим миграционные устремления в разрезе системы расселения. Это тем более логично, что большинство опрошенных указывали в качестве направления возможного переезда конкретные города или сельскую местность.

Конечная цель в цепочке переселений — большой город, а те, кто уже живет в таком городе, если и переезжают, то преимущественно в равноценный город. В качестве альтернативы движению к большому городу или агломерации выступает выезд за границу. Наш опрос подтверждает эти закономерности (табл. 5).

Таблица 5

Миграционные устремления в разрезе город — село, %*

Куда намерены уехать	Санкт-Петербург	Белгород	Нальчик	Нижний Новгород	Новосибирск	Казань	Владивосток	Краснодар	Смоленск	Оренбург	Итого по массиву
Большой город	31,8	60,0	53,2	41,7	43,5	70,4	45,1	47,1	46,9	46,5	48,9
Средний или малый город	0,0	10,0	13,0	16,7	4,3	3,7	16,9	14,7	4,1	7,0	10,1
Село	4,5	0,0	3,9	0,0	8,7	0,0	7,0	2,9	0,0	18,6	5,3
Пока не знаю	31,8	20,0	24,7	16,7	17,4	7,4	22,5	20,6	22,4	16,3	20,9
За границу	31,8	10,0	5,2	25,0	26,1	18,5	8,5	14,7	26,5	11,6	14,8
<i>Итого</i>	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

* Отвечали только те, кто намерены переехать (378 человек): 22 — в Санкт-Петербурге, 20 — в Белгороде, 77 — в Нальчике, 12 — в Нижнем Новгороде, 23 — в Новосибирске, 27 — в Казани, 81 — во Владивостоке, 34 — в Краснодаре, 49 — в Смоленске, 43 — в Оренбурге.

В среднем половина потенциальных мигрантов (48,9%) ориентирована на большие города, лишь один из десяти — на города меньшего ранга, за «обратное» движение высказались всего 5,3% респондентов; почти 15% хотели бы выехать за границу. Значительная часть респондентов (20,9%) пока не определилась с направлением переезда. Можно полагать, что и они определятся так же, как те, кто уже принял решение. Тогда доля тех, кто стремится в большие города, поднимется до 60%, а тех, кто хочет уехать из России, — до 20%.

Рассмотрим ситуацию по городам, имея в виду, что раздробленные данные не слишком представительны из-за малочисленности респондентов в каждом отдельном случае. Но все же различия в ориентации мигрантов ясно видны (см. табл. 5).

Симптоматичны показатели Санкт-Петербурга, потенциальные мигранты которого устремлены в большой город (надо полагать, в Москву?) и за границу в равной степени. Третья часть респондентов Санкт-Петербурга пока не знает, куда поедет, но, видимо, не в малый город или село.

Похожий тип ориентации демонстрируют потенциальные мигранты Нижнего Новгорода и Новосибирска, а также расположенного на западной границе Смоленска. Жители Казани и Белгорода в большей мере нацелены на крупные города и в меньшей степени за границу.

Доля желающих переселиться в средний или малый город достигает значимых размеров (13—17%) в Нальчике, Краснодаре, Владивостоке. Для этих же городов характерны низкие устремления за границу.

В Оренбурге достаточно высокая доля потенциальных мигрантов (18,6%) выбрала село, и напротив, туда никто не собирается из Белгорода, Нижнего Новгорода, Казани, Смоленска.

В качестве желаемого направления переезда респонденты чаще всего назвали Москву (97 человек, или каждый третий из тех, кто уже решил, куда ехать). Далее идет Санкт-Петербург (53 человека, или 18%). Таким образом,

половина потенциальных мигрантов хотела бы переехать в Москву и Санкт-Петербург. Это соответствует реальному потенциалу притяжения этих городов. Кроме того, респондентами назывались такие города, как Самара и Ростов-на-Дону — по 5 человек, Новосибирск — 4 человека, Калининград — 3 человека, Грозный, Екатеринбург, Краснодар, Хабаровск — по 2 человека.

Среди средних и малых городов чаще всего назывались города Краснодарского края (Анапа, Геленджик, Сочи, Туапсе и т. д.).

Среди тех респондентов, которые намерены уехать за границу (всего 56 чел.), 13, или 23,2%, собираются в одну из бывших республик СССР (из них 8 человек в Украину и Белоруссию), 33 человека (58,9%) — в другую страну (в том числе 7 человек в США, 6 — в Германию); 10 человек (17,9%) не решили точно.

Таким образом, можно сделать вывод, что центроостремительность миграций в России близка к своему пределу и свидетельствует не только о завершении процесса урбанизации, но и об огромных разрывах в качестве жизни между столицами и остальными городами.

Гипертрофированных размеров достигло стремление уехать в другие страны. При этом трудно заподозрить жителей крупнейших городов, чаще других выразивших эти устремления, в «незнании предмета» или в наивности. Безусловно, это осознанные и мотивированные устремления.

Желаемое будущее место жительства и учебы детей

Очень информативным с точки зрения пространственных предпочтений респондентов оказался вопрос о возможном будущем месте жительства детей (он «сработал» лучше вопроса о возможном месте будущей учебы детей) (табл. 6).

Таблица 6

Желаемое будущее место жительства детей по городам, %*

№	Желаемое место жительства	Санкт-Петербург	Белгород	Нальчик	Нижний Новгород	Новосибирск	Казань	Владивосток	Краснодар	Смоленск	Оренбург	Итого по массиву
1	В этом городе**	69,8 (1)	51,3 (4)	25,0 (10)	47,2 (6)	60,2 (2)	50,8 (5)	33,9 (8)	57,4 (3)	28,9 (9)	40,5 (7)	46,7
2	Недалеко от нас	4,4	14,0	26,7	28,4	12,7	6,6	15,5	16,4	19,1	24,1	16,8
1+2	В этом городе или не-далеко	74,2	65,3	51,7	75,6	72,9	57,4	49,4	73,8	48,0	64,6	63,5
3	В Москве	0	2,6	11,7	0,5	0,6	3,3	8,9	2,1	6,7	4,6	4,0
4	В Санкт-Петербурге	(см. 1)	0,5	2,0	0,0	1,7	2,7	2,4	3,1	1,5	1,5	1,5
5	В любом крупном городе России	0,5	0,5	5,1	0,5	0,6	0	1,8	1,0	2,6	2,1	1,5
6	В сельской местности России	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,1
7	Там, где сами захотят	22,0	31,1	28,1	23,4	23,2	35,5	33,9	18,5	39,7	24,6	27,8
8	Другое	3,4	0	1,5	0	1,1	1,1	3,6	1,5	1,0	2,1	1,5
Итого		100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

* Без учета закрытия: «у меня нет детей» (в среднем его отметили 40,6% респондентов — от 37,7% в Санкт-Петербурге до 47,5% во Владивостоке).

** В скобках указано место города по доле отметивших данный вариант ответа.

Отметим, что среди перечисленных вариантов ответа, к сожалению, не было предусмотрено «за границей». Некоторые респонденты вписали этот вариант в пункте «другое», однако это все же не отражает в полной мере ту долю респондентов, которые выбрали бы этот вариант, если бы он был перечислен среди других (известный «эффект открытого/закрытого вопроса»).

В среднем почти половина (46,7 %) респондентов, имеющих детей (любого возраста), хотели бы, чтобы дети жили в одном с ними городе (см. табл. 6).

Распределение доли ответивших «в этом городе» по городам дает своеобразный рейтинг данных городов по степени их привлекательности для жизни в глазах респондентов (через призму желаемого будущего для детей).

Пилотные города условно можно разбить на три группы: с высоким, средним и низким уровнем привлекательности, куда вошло три, четыре и три города соответственно. Наиболее высокий уровень привлекательности у Санкт-Петербурга — 69,8 %; родителей высказали желание, чтобы их дети жили в будущем именно в этом городе. Далее идут Новосибирск и Краснодар (60,2 и 57,4 % соответственно). Среднюю группу составили Белгород, Казань, Нижний Новгород и Оренбург (от 50,8 до 40,5 %). Наконец, в группу городов с низким рейтингом вошли Владивосток (33,9 %), Смоленск (28,8 %) и Нальчик (25 %). Это распределение представляется достаточно логичным, разве что несколько удивляет высокое место Белгорода (четвертое).

Закрытие переменной «в этом городе» дополнено «недалеко от нас» (в среднем 16,8 %; здесь лидеры Нижний Новгород, Нальчик и Оренбург: от 28,4 до 24,1 %). Если объединить оба этих ответа, то получается, что почти во всех городах большинство родителей хотят, чтобы дети жили в этом же городе или недалеко от них (третья строка в таблице 6). До половины этот показатель не дотягивает только в Смоленске и

Владивостоке и чуть больше половины — в Нальчике. Наиболее высокие значения — в Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге и Краснодаре и Новосибирске (75,6; 74,1; 73,2 и 72,9% соответственно).

Кроме того, 11,7% родителей из Нальчика, 8,9% из Владивостока и 6,7% из Смоленска хотели бы, чтобы их дети жили в Москве. Рейтинг Санкт-Петербурга в этом смысле значительно ниже Москвы (максимума он достигает среди родителей Краснодара — 3,1%).

Показатель «Желаемое будущее место учебы детей» — это совсем не то же, что «желаемое будущее место жительства детей».

Здесь на ответы влияет ряд разнонаправленных факторов:

— учащиеся, студенты — это еще совсем молодые люди, как правило, еще не имеющие семей, родителям страшно отпускать их от себя;

— учеба — временное явление (поучатся и приедут обратно);

— учиться надо там, где хорошо учат, где есть хорошие, престижные учебные заведения.

Кроме того, на данный вопрос отвечали только те респонденты, у которых есть дети школьного возраста (971 человек). Поэтому результаты здесь отличаются от предыдущих (табл. 7).

Чтобы дети учились только в своем городе, в среднем желает 59,9% респондентов: больше всего таких в Новосибирске (85,4%), а также в Нижнем Новгороде (71,7%), Санкт-Петербурге (69,1%), Краснодаре (67%), Белгороде (63,6%).

Напротив, в Смоленске хотели бы, чтобы дети учились в своем городе, только 25,6% жителей этого города, имеющих детей-школьников, в Нальчике — только 36,2%. При этом если в Нальчике 21,3% хотят, чтобы дети учились в другом городе, и 14,9% — чтобы за границей, то в Смоленске подавляющее большинство оставляет выбор за самим ребенком («пусть решают сами» — 58,8%).

Таблица 7

Желаемое будущее место учебы детей по городам, %*

№	Желаемое место работы	Санкт-Петербург	Белгород	Нальчик	Нижний Новгород	Новосибирск	Казань	Владивосток	Краснодар	Смоленск	Оренбург	Итого по массиву
1	Только в нашем городе	69,1	63,6	36,2	71,7	85,4	58,5	57,1	67,0	25,8	60,9	59,9
2	В другом городе	0,0	2,7	21,3	1,8	0,0	3,2	5,5	3,4	5,2	1,1	4,3
3	За границей	4,3	3,6	14,9	7,1	1,9	4,3	6,6	4,5	2,1	3,4	5,3
4	Пусть решают сами	17,0	23,6	18,1	13,3	9,7	23,4	26,4	19,3	58,8	26,4	23,4
5	Дети после школы не собираются учиться, другое	0,0	0,9	1,1	0,9	0,0	0,0	1,1	0,0	1,0	1,1	0,4
<i>Итого</i>		100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

* Отвечал 971 респондент — только те, у кого есть дети школьного возраста.

Причины потенциальной миграции

Интересные результаты дает анализ причин потенциальной миграции (тех причин, которые формируют желание уехать из пилотного города, и тех, по которым выбирается потенциальное новое место жительства).

Ведущей причиной желания переехать является отсутствие хорошей работы (ее назвали 43,8% респондентов, имеющих установку на миграцию). Важно также желание переехать туда, где живут родители или другие родственники (17,5%), а

также плохие жилищные условия (15,1%). Остальные факторы потенциального переезда гораздо менее значимы.

При этом различия по городам по некоторым позициям весьма значительны.

Больше всего потенциальных мигрантов, желающих покинуть город из-за отсутствия хорошей работы, в Белгороде (80%), Нальчике (66,2%), а также Смоленск (46,9%). Напротив, в Санкт-Петербурге таковых всего 18,2%. Это минимальное значение по всем городам, что неудивительно, если принять во внимание то многообразие мест приложения труда, которое предлагает этот город. Сравнительно невелико значение данного фактора также в Новосибирске, Владивостоке, Нижнем Новгороде, Краснодаре (от 21,7 до 35,3%).

Мотив воссоединения с родственниками наиболее важен в городах, расположенных за Уральским хребтом: во Владивостоке его отметили 26,8% потенциальных мигрантов, в Оренбурге 25,6%, в Новосибирске 21,1%.

Плохие жилищные условия и невозможность их улучшить наиболее остро прозвучали в качестве мотива к переезду в Новосибирске, Нижнем Новгороде, Владивостоке, Краснодаре (26,1; 25; 21,1 и 20,6% соответственно). Напротив, в Казани и Белгороде, известных своими хорошими жилищными программами для населения, а также в Смоленске этот мотив практически незначим (3,7—5%).

Ответ «Нечем заняться в свободное время» часто звучал в Смоленске (20,4% — второй после отсутствия хорошей работы мотив по степени интенсивности). Эта же проблема достаточно сильно выражена и в Белгороде (15%), Владивостоке (12,7%), Казани (11,1%).

Интересно рассмотреть мотив получения образования (самим респондентом или его детьми). Поскольку мы имеем дело со столичными и крупными городами, обладающими значительным потенциалом образовательных услуг, этот фактор потенциальной миграции оказался слабо значимым. Однако он все же прозвучал в Смоленске (10,2% — это, скорее всего, объясняется тем, что смолян притягивают своими вузами Мо-

сква). В Нижнем Новгороде 8,3 % недовольны условиями для своего образования; 5,9 % потенциальных мигрантов в Краснодаре; 5,2 % — в Нальчике. По остальным городам цифры значительно ниже. Что касается условий для образования детей, то здесь стоит отметить тот же Нальчик, Новосибирск (по 13 %), а также Краснодар (8,8 %).

Мотив национальных отношений слабо выражен в большинстве пилотных городов. Значительно он проявился в Нальчике (9,1 %) и, как ни странно, в Нижнем Новгороде (8,3 %). Намного слабее, но все же отмечен этот мотив в Новосибирске (4,3 %), Казани (3,7 %) и Смоленске (2 %).

Следует отметить, что весьма высокая доля респондентов назвала другие причины. Среди них преобладают такие, как «лучше город», «лучше условия», «лучше жизнь», «лучше климат», «лучше экология» («здесь плохой климат, экология»), «любопытство», «люблю путешествовать», «смена обстановки» и т. д.

Среди факторов выбора потенциального места жительства (что притягивает) с колоссальным отрывом лидирует фактор получения нормальной работы и заработков (дословно: «надеюсь, что там можно нормально зарабатывать»). В среднем по массиву этот фактор отметили 55,8 % респондентов, имеющих установку на миграцию, их количество варьирует от 90 % в Белгороде до 34,8 % в Новосибирске. Причем важен именно фактор «нормально заработать», а не «более дешевая жизнь» — его в среднем отметило 15,3 % потенциальных мигрантов: от 45,1 % во Владивостоке и 21,7 % в Новосибирске до нуля — в Казани. Большое значение имеет фактор жилья (20,9 % — в среднем, от 33,3 % в Нижнем Новгороде до 7,4 % в Казани).

Фактор возможности получения образования на новом месте имеет невысокое значение (4,2 % в среднем по массиву). Не за этим, как правило, едут мигранты из пилотных городов, имеющих возможности для образования (именно за получением образования многие в них приехали). И все же этот фактор значим для потенциальных мигрантов из Смоленска

(12,2 %) и Нижнего Новгорода (8,3 %); в определенной степени — и для Нальчика (6,5 %). Аналогично обстоит дело образованием детей. Этот фактор также важен для потенциальных мигрантов из Смоленска (20,4 %), Нальчика (16,9 %), Новосибирска (13 %) и, в определенной степени, Краснодара и Оренбурга (по 11,6 %).

Как ни странно, фактор проведения досуга тоже оказался весьма значимым при выборе нового места жительства (в среднем 18,8 %): от 28,6 % потенциальных мигрантов из Смоленска, 25 % из Белгорода и Нижнего Новгорода и до всего 4,5 % в Санкт-Петербурге (но это единственный из пилотных городов, где процент так мал).

Фактор воссоединения с родственниками также достаточно значим (16,7 % в среднем), в наибольшей мере его назвали потенциальные мигранты из Новосибирска (30,4 %), Оренбурга (18,6 %), Владивостока (18,3 %), а также Санкт-Петербурга (18,2 %).

Общая оценка респондентами последствий миграции

Всем респондентам было предложено ответить на следующий оценочный вопрос: «Как Вы думаете, те, кто время от времени меняет место жительства, в результате живут лучше или хуже тех, кто всю жизнь живет в одном городе/селе?»

Респонденты в основном не имеют четко определенного мнения на этот счет, так как подавляющее большинство ответило: «кто как» (2063 человека, или 64,1 %); и еще 588 не знали, что ответить (18,3 %). Число тех респондентов, кто считает, что мигранты живут лучше, и тех, кто считает, что мигранты живут хуже, практически одинаково (284 и 285 человек, или соответственно 8,8 и 8,9 %).

Что касается различий по городам, то в наибольшей степени мнение, что мигранты живут лучше, характерно для жителей Владивостока (17,2 % — это значительно выше, чем во всех остальных городах). Вторыми идут респонденты из Казани

(11,3%), чуть выше среднего их также в Нальчике (9,1%). Напротив, в Санкт-Петербурге и Белгороде только 5—5,2% считают, что мигранты обычно живут лучше. В Нижнем Новгороде, Казани и Краснодаре чаще, чем в других городах, было высказано мнение, что мигранты живут хуже (11,3—12,2%).

В целом у респондентов различных городов нет четко выраженного оценочного суждения по поводу влияния частоты переселений на уровень жизни мигрантов, и в основном получен неопределенный ответ: «кто как» либо «затрудняюсь ответить». Этот вывод подтверждается и распределением ответов на другой оценочный вопрос: «В какой мере Вы согласны с утверждением: надо больше переезжать, искать место, где лучше жить, где больше возможностей?» Полностью согласны с этим утверждением в среднем по массиву 12,1% респондентов; скорее согласны еще 24%, тогда как скорее несогласных существенно больше — 35,2% и совершенно несогласных 19,7% (9% затруднились ответить). То есть суммарно 36% согласных против 55% несогласных. По городам больше всего согласных с данным утверждением во Владивостоке (50,4%), а больше всего несогласных — в Нижнем Новгороде (67,8%), что не странно, принимая во внимание разность миграционных историй и миграционного потенциала жителей этих городов.

М. С. Блинова

**Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова**

**Глобальные миграционные процессы
в современных теориях миграции
(социологический аспект)**

Для анализа миграционных процессов в целом с социологической точки зрения автор сравнивает две современные миграционные схемы. Синтетическая теория международной миграции Д. Массея основана на структурно-экономических факторах, которые детерминируют миграционные тенденции. Транснациональная парадигма

раскрывает социокультурные аспекты миграционных потоков, таких как детерриториальные процессы, и изучает модели делокализованной идентичности.

To consider the global migration from sociological perspective the author analyzes two modern frameworks of migration. D. Massey's synthetic theory of international migration focuses on some structural economic factors which have determined migration trends. The transnational paradigm discloses socio-cultural aspects of migration flows as deterritorialized processes and investigates the patterns of delocalized identities.

Сегодня неоспоримым является тот факт, что в XXI в. проблема миграции выйдет на одно из первых мест как во внешней, так и во внутренней политике многих стран мира. Налицо беспрецедентное увеличение масштабов миграции, причем не только международной, но и внутренней.

По официальной оценке ООН, в настоящее время насчитывается около 200 млн внешних мигрантов, что составляет 3 % от общей численности населения планеты, а внутренних — около 1 млрд человек (почти каждый шестой житель планеты) [3]. Что касается России, то в 2007 г. продолжила укрепляться наметившаяся еще в 2004 г. тенденция повышения миграционного прироста населения (около 240 тыс. человек, это почти в 2 раза больше, чем в 2006 г.). Согласно Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351, одной из приоритетных задач является привлечение мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития, с учетом необходимости их социальной адаптации и интеграции.

Однако налицо противоречие, связанное, с одной стороны, с возрастанием миграционного фактора в условиях демографического кризиса, а с другой — с рестриктивным характером миграционной политики большинства государств, ужесточением миграционного законодательства в отношении приезжих.

Цель нашего исследования — анализ новейших теоретико-методологических подходов к изучению миграции на совре-

менном этапе глобализации, представленных в современной научной литературе.

Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что в современной социологии наметилось несколько тенденций, характерных для исследования миграции с учетом глобальной трансформации. Одна из них — дискуссия о целесообразности создания гранд-теории миграции либо разработки теорий среднего уровня. Другая тенденция — разработка теории транснациональной миграции.

Основные идеи синтетической теории международной миграции сводятся к следующим: международная миграция является результатом экономического развития; иммиграция выступает как естественное следствие более широких процессов социальной, политической, экономической интеграции, пересекающей международные границы; когда иммигранты въезжают в развитую страну, они обычно отвечают сильному и устойчивому спросу, который встроен в структуру постиндустриальных экономик; мигранты, которые въезжают в развитую страну впервые, обычно не имеют намерения обосноваться там постоянно; международная миграция в меньшей степени подвержена влиянию условий на рынках труда, чем условия на других рынках; по мере того как международные мигранты приобретают за рубежом опыт, их мотивации изменяются; с течением времени международная миграция имеет тенденцию создавать собственную инфраструктуру (сети); несмотря на сильные тенденции к самосохранению и укреплению, иммиграционные потоки имеют естественный срок жизни, который всегда ограничен (перевернутая U-образная кривая, или «миграционный горб», в теории миграционного перехода).

Создание всеобъемлющей модели миграции, объединяющей различные теоретические подходы на основе экономического анализа, имеет ряд неоспоримых достоинств. Данный теоретический подход рассматривает миграционные процессы, имеющие место в условиях глобализации, когда анализ такого динамичного явления, как миграция, должен проводиться с учетом всего спектра факторов, влияющих на ее динамику и структуру.

В ходе проведенного анализа были выявлены также факторы, препятствующие универсальному применению данной модели: высокая степень теоретизации методологического конструкта, которая несет в себе сложность его практического применения и анализа многообразия эмпирического материала, доминирование экономической точки зрения, а также недооценка социокультурного и политического контекста миграционных процессов.

В научной литературе данный подход вызвал критическое отношение. Например, британский исследователь С. Каслз и американский ученый А. Портес обосновывают целесообразность создания теорий среднего уровня для анализа современных видов миграции, таких как вынужденная миграция или экономическая миграция, где эмпирические исследования были бы включены в более широкие рамки теоретического объяснения структурных детерминант миграции [2, с. 13—34], нежели разработки объединительной модели.

В концепции транснациональной миграции миграционный процесс рассматривается как детерриториализированный социальный процесс, в ходе которого мигранты включаются в более чем одно сообщество и образуют новые социальные сети, пересекающие географические, культурные и политические границы национальных государств, продолжая функционировать в социальных сетях отправляющего сообщества.

Данная концепция позволяет рассматривать миграционный процесс, не локализованный в пространстве, а мигрантов — как индивидов, осуществляющих транснациональную активность. А. Портес определяет транснациональную активность как активность, которая осуществляется периодически через национальные границы, не ограничена экономической деятельностью, включает и политическую, и культурную, и религиозную активность [4, с. 463—477].

Объектом исследовательского интереса становятся профессионалы и эксперты, путешествующие по миру и живущие недолгое время в разных местах и культурах [6]. В том же русле М. Элброу пишет о космополитах [1, с. 37—55], а Х. Эверс использует термин «транснациональная стратификация», что-

бы указать на тот факт, что глобализация способствовала созданию особой страты людей по всему миру (так называемых экспертов и специалистов), характеризующихся схожими интересами и высокими доходами.

Важно отметить, что во многих концепциях трансмиграций, фокусирующихся на феномене границ, подчеркивается постепенная утрата жителями приграничных регионов национальной идентичности и лояльности к одному государству.

Достоинством новейшей концепции выступает возможность исследования новых видов и форм миграции посредством категории транснационального социального пространства, что позволяет уйти от традиционной объяснительной схемы, исчерпываемой бинарной оппозицией «интеграция — новые этические меньшинства», и анализировать новую форму интеграции, не локализованную в пространстве.

Однако не все мигранты являются трансмигрантами. Транснациональная активность проявлялась на протяжении всей истории миграции, но размеры, регулярность и разнообразие межграницной активности в настоящее время имеют беспрецедентные масштабы. Транснационализм определяется как повторяющееся или привычное движение индивидов через международные границы в качестве части их устоявшейся экономически выгодной деятельности, политической или культурной жизни. А. Портес выделяет в числе мигрантов всего 5—8 % трансмигрантов [5, с. 874].

Таким образом, основными недостатками данной концепции можно назвать недооценку функций и значения современного национального государства; ограниченность исследуемой совокупности транснациональных мигрантов, ключевой характеристикой которых является транснациональная социальная активность; постановку тезиса о неуправляемости миграционных процессов как таковых.

По сути, концепция транснациональной миграции выступает альтернативой концепции современного общества, которая концептуализирует его как функционально дифференцированное мировое общество, позволяет интерпретировать

транснациональные сети и сообщества, порождаемые миграцией, как часть процессов глобализации.

В отечественной литературе пока не представлено подобных теоретических работ, однако также начинается переосмысление современной миграционной теории и предлагается выделить новое отраслевое направление в социологии — социологию миграции. В этой связи, на наш взгляд, отечественная социология должна усилить свой аналитический инструментарий.

Список литературы

1. *Albrow M.* Travelling Beyond Local Cultures. Socioscapes in a Global City // John Eade (ed.): Living in the Global City. Globalization as a Local Process. London: Routledge, 1997.
2. *Castles S.* Towards a Sociology of Forced Migration and Social Transformation // Sociology. 2003. Vol. 37 (1).
3. *International migration* 2006. New York, United Nations, 2006.
4. *Portes A.* Conclusion: towards a new world — the origins and effects of transnational activities // Ethnic and Racial Studies. 1999. Vol. 22(2).
5. *Portes A.* Theoretical Convergencies and Empirical Evidence in the Study of Transnationalism // International Migration Review. 2003. Vol. 37 (3).
6. *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1991.

Т. Ю. Кузнецова

**Российский государственный университет им. И. Канта,
Калининград**

Особенности миграционного движения населения в странах Балтийского макрорегиона с 1950 по 2006 год

Описана неоднозначная миграционная ситуация в странах Балтийского региона. Экономически развитые страны (Германия, Дания, Швеция, Финляндия) характеризуются устойчивым положительным сальдо миграции. Страны с переходной экономикой (Лит-

ва, Латвия, Эстония, Россия, Польша) занимают промежуточное место в миграционных передвижениях и играют в них двоякую роль, будучи одновременно и донорами, и реципиентами населения. На мезорегиональном уровне более распространен миграционный прирост населения. Отток происходит в небольшом количестве регионов и чаще характерен для постсоциалистических стран.

The migratory situation in the countries of the Baltic region is ambiguous. Economically developed countries (Germany, Denmark, Sweden, Finland) are characterized by steady positive balance of migration. Thus of the country with the transitive economy, having ambiguous positions on social and economic and political parameters (Lithuania, Latvia, Estonia, Russia, Poland), take an intermediate place in migratory movement and play them a double role, being at the same time both donors and recipients. On a mesoregion level for the Baltic region the migration increase of population is more characteristic. Migratory outflow of the population covers smaller number of mesoregions and is more characteristic for the postsocialist states.

Одним из базовых объяснений миграции является положение о том, что она обусловлена суммарным действием факторов выталкивания и притяжения, имеющих социальную, демографическую и политическую природу [10]. Основа такого подхода была заложена в теории Е. Ли [14], согласно которой решение о миграции принимается человеком под воздействием разных стимулов, действующих в стране проживания и/или исходящих из потенциальной страны переселения. По мнению И. Цапенко [8], главным детерминантом миграции является разрыв между разными группами стран в уровнях экономического развития и, следовательно, в уровне и качестве жизни населения. При этом страны с переходной экономикой, имеющие неоднозначные позиции по социально-экономическим и политическим показателям (Литва, Латвия, Эстония, Россия, Польша), занимают промежуточное место в миграционных передвижениях и играют в них двоякую роль, будучи одновременно и донорами, и реципиентами населения (см. табл.).

**Коэффициент сальдо миграции в странах
Балтийского макрорегиона, 1950—2006 гг.,
в расчете на 1000 человек населения**

Год	Германия	Латвия	Литва	Польша	Финляндия	Швеция	Россия	Эстония	Дания
1950	0,26	0,6	–16,4	–2,1	–3,9	2,1	–1,4	2,3	–0,7
1955	–0,1	–0,8	–0,3	0,1	–0,1	2,4	–1,1	–1,9	–4,1
1960	2,4	9,2	1,8	–0,8	–2,06	1,5	–1,7	4,6	0,6
1965	4	5,9	1,8	–0,8	–4,6	4,3	–1,4	5,5	0,1
1970	7,0	2,8	4,5	–0,4	–7,9	6,0	–0,9	4,4	2,3
1975	–2,7	4,9	1,8	–0,6	–0,8	2,0	0,8	4,0	–0,7
1980	3,9	1,0	0,6	–0,6	–0,25	1,1	0,5	4,1	0,1
1985	0,9	4,7	3,5	–0,5	0,5	1,4	1,9	4,1	1,8
1990	8,3	–3,3	3,0	–0,4	1,4	4,1	1,9	–2,5	1,6
1995	4,9	–4,2	–0,5	–0,5	0,8	1,3	4,4	–5,4	5,5
2000	2,0	–2,0	0,2	–0,5	0,5	2,8	2,5	–0,1	1,8
2006	1,0	–0,1	–1,4	–0,9	2,0	5,6	1,1	–0,07	1,8

Источник: [3—4; 9; 11—13; 15—19].

Швеция первой из развитых стран Балтийского макрорегиона стала привлекать значительное количество мигрантов для обеспечения кадрами своей экономики, характеризовавшейся в послевоенный период быстрым ростом. Когда потребности в рабочей силе были удовлетворены (а это произошло к началу 1970-х гг.) иммиграционная политика стала более жесткой.

В результате более чем 50-летнего притока населения в Швецию из-за рубежа доля иммигрантов увеличилась в два раза: с 5 % в первые послевоенные годы до примерно 10 % в начале XXI в. Но если считать иммигрантов второго поколения и рожденных от смешанных браков (т.е. таких, у которых один из родителей иностранец), то доля людей с иностранными корнями достигает уже около 20 % шведского населения [1].

В 1960-е — 1970-е гг. большой миграционный прирост наблюдался в **ФРГ**, испытывавшей экономический бум. В послевоенные годы Германия рекрутировала рабочую силу в основном из соседних европейских стран, а с начала 1960-х гг. — из Турции. Западная Германия первой из всех европейских стран подписала соглашение с Турцией о поставках рабочей силы и стала с тех пор основной стороной, принимающей турецких мигрантов [2]. В 1980-е гг., когда экономическая ситуация стала ухудшаться, приток сократился, но в первой половине 1990-х гг., после краха социализма в Восточной Европе, достиг максимума (в том числе за счет немецкого населения восточноевропейских стран).

В **Данию** небольшой приток населения начался в 1950-е гг., в последующем он стабилизировался на уровне 1—2 человек на 1000 жителей в год (за исключением середины 1990-х гг., когда сальдо миграции временно значительно возросло).

В то же время **Финляндия**, где экономический подъем к тому времени еще не начался, вплоть до 1980-х гг. теряла население (в частности, из-за его оттока в Швецию). В последующем, как и остальные экономически развитые страны Балтийского макрорегиона, в соответствии с потребностями эко-

номики Финляндия также стала принимать значительное количество мигрантов. Первое многократное увеличение наплыва в Финляндию иммигрантов спровоцировал распад СССР. В 1992 г. в страну начали прибывать тысячи граждан России, Эстонии, а также Сомали и Югославии. Значительная волна мигрантов (в том числе и нелегалов) обрушилась на Финляндию после ее вступления в ЕС в 1995 г. [7].

Россия со второй половины 1950-х и до середины 1970-х гг. являлась донором населения для многих республик СССР. С середины 1970-х гг. она стала главным реципиентом, притягивавшим население из подавляющего большинства других республик.

Главным фактором этого «поворота» миграций стали изменения в региональной трудообеспеченности. В Казахстане и Средней Азии наблюдался громадный прирост трудовых ресурсов, за которым совсем не поспевало увеличение числа рабочих мест. В России трудовые ресурсы росли медленно, во второй половине 1970-х гг. в трудоспособный возраст (16 лет) стало вступать малолюдное поколение, рожденное в период «демографического провала» 1960-х гг.; российская деревня к тому времени была демографически истощена, не могла уже давать прежнего числа мигрантов в города России. В это же время проходило ускоренное заселение районов хозяйственного освоения на Севере РСФСР; особенно больших трудовых ресурсов потребовали нефтегазовые районы Западной Сибири.

После распада СССР приток населения в Россию продолжается, однако теперь большую его часть составляют русские, покидающие бывшие союзные республики СССР. С переселением их значительного количества в Россию положительное сальдо миграции (по крайней мере, регистрируемой) в 2000-е гг. резко сократилось.

Приток населения (преимущественно из РФ, а также из Белоруссии и Украины) шел и в **Прибалтийские республики**, отличавшиеся более высоким уровнем жизни, с одной сто-

роны, и испытывавшие потребность в кадрах промышленных рабочих — с другой (из-за низких темпов воспроизводства населения, особенно в Латвии и Эстонии, формировался дефицит рабочей силы; к тому же местное население не всегда охотно занимало рабочие места на промышленных предприятиях). Небольшой в абсолютных цифрах, этот приток был очень велик относительно населения Эстонии и Латвии. За 30 лет миграция дала здесь больше половины общего прироста населения — 16 из 31 % в Эстонии и 15 из 28 % в Латвии [5]. Кроме того, значительным было косвенное влияние миграции. Мигрирует главным образом молодежь, дающая в местах притока естественный прирост населения. Все это привело к сильному снижению доли «титульных» наций в населении Эстонии и Латвии.

После распада СССР в 1991 г. сальдо миграции в Прибалтийских республиках стало отрицательным. Пик оттока пришелся на начало 1990-х гг. За период 1990—1994 гг. из Прибалтики уехало около 250 тыс. жителей. Поскольку Литву, Латвию и Эстонию покидали преимущественно русские, которые распределялись по территории этих государств неравномерно, то и величина миграционного оттока в разных районах существенно различалась. Наибольшее сокращение населения наблюдалось там, где компактно проживает русскоязычное население. Так, на северо-востоке Эстонии в результате миграций за 1991—1997 гг. население сократилось на 8,3 % [6]. Со второй половины 1990-х гг. миграционный отток сократился, что было вызвано рядом причин: большинство желающих уехать к этому времени уже покинули Прибалтику, российское миграционное законодательство стало жестче, часть русскоязычного населения интегрировалась в новую жизнь государств.

В последнее десятилетие статистика фиксирует небольшие размеры миграционного оттока, однако известно, что в этот период все более значительная часть населения (особенно Литвы), учитываемая как проживающая в данных странах, ра-

ботает и в течение длительного времени проживает за рубежом, в странах ЕС и в Северной Америке.

Польша с ее высоким естественным приростом весь послевоенный период характеризуется оттоком населения. В связи с существенным сокращением рождаемости и естественного прироста с начала 1990-х гг., в условиях оттока трудоспособного населения за рубеж численность трудовых ресурсов Польши будет сокращаться.

Анализ миграционной ситуации на мезорегиональном уровне показывает наличие различий внутри стран.

Миграционный прирост населения происходит во всех мезорегионах Дании, Финляндии, Швеции (исключения — лены Вестерботтен и Готланд), Эстонии (исключение — уезд Сааре) и балтийских землях Германии. В СЗФО положительное сальдо миграции сложилось в Калининградской и Ленинградской областях и Санкт-Петербурге — наиболее развитых регионах российской Балтики. В Латвии только один регион имеет положительный баланс — Прерига (что является результатом процесса субурбанизации). Во всех остальных рассматриваемых мезорегионах сальдо миграции отрицательное. При этом наивысшее значение миграционного притока фиксируется в шведской лене Сконе, наибольшая механическая потеря населения происходит в латвийском регионе Видземе, имеющем наибольшую долю латвийского населения, которое активно мигрирует в более развитые регионы страны и в страны ЕС (рис. 1).

В целом для мезорегионов Балтийского макрорегиона более характерен механический прирост населения, достигающий 10,7‰ в шведской лене Сконе. Миграционный отток населения охватывает меньшее количество мезорегионов и характерен для постсоциалистических государств (исключения — лены Вестерботтен и Готланд в Швеции). При этом его значение невысоко (рис. 2).

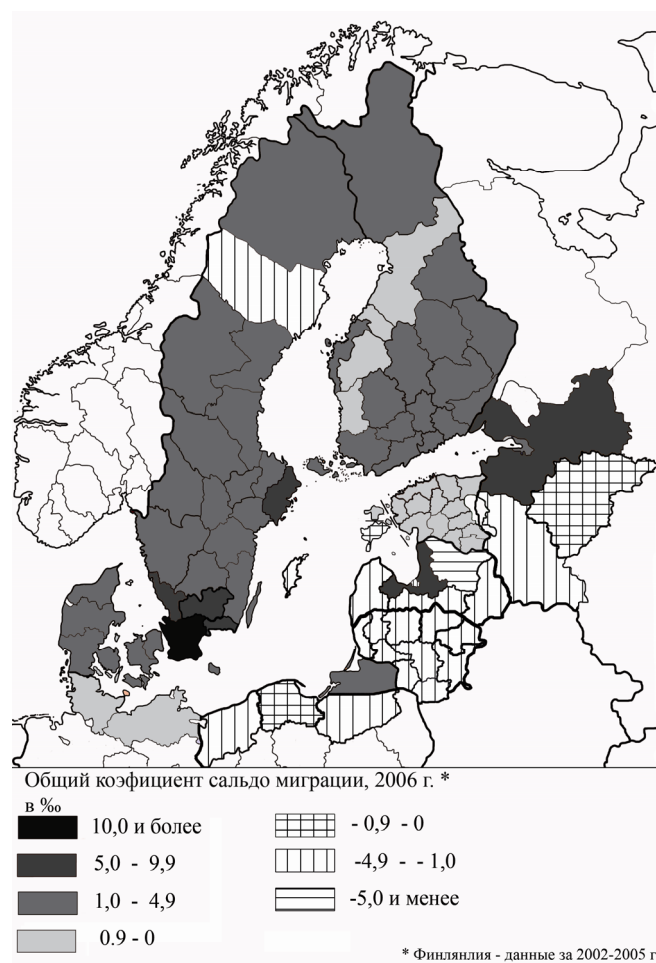

Рис. 1. Региональные особенности дифференциации миграции населения в странах Балтийского макрорегиона

На основе данных: [9, 11—19].

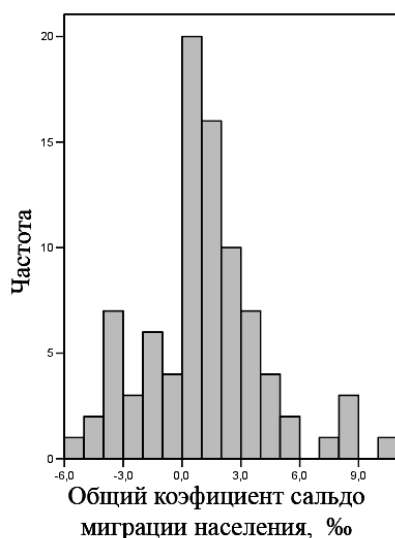

Рис. 2. Частота встречаемости значений коэффициента сальдо миграции в мезорегионах стран Балтийского макрорегиона

Рассматривая современные демографические процессы в странах Балтийского макрорегиона с точки зрения концепции второго демографического перехода, можно выявить ряд несоответствий.

Характерными чертами второго демографического перехода (по Д. Ван де Каа) являются: более позднее вступление в брак и рождение первого ребенка, рост незарегистрированных браков и внебрачной рождаемости, снижение рождаемости до уровня, не обеспечивающего простого воспроизводства населения, устойчивое положительное сальдо миграции [20]. Все вышеуказанные признаки, кроме положительного сальдо миграции, имеют место в странах макрорегиона.

Не вписывается в данную теорию характерный для Литвы, Латвии, Эстонии и Польши миграционный отток населения, усугубляющий кризисную демографическую ситуацию.

По нашему мнению, объяснением данной ситуации служит тот факт, что самыми первыми государствами, вошедшими в стадию второго демографического перехода, являются экономически развитые государства, которые традиционно имели положительное сальдо миграции (так как притягивали население стран, имеющих более низкий уровень жизни). Позже ареал государств, находящихся на данной стадии, расширяется и охватывает менее развитые страны (с переходной экономикой), которые имеют отрицательное сальдо миграции, так как являются донорами для более развитых соседей. Литва, Латвия, Эстония, когда были частью СССР, имели самый высокий уровень жизни населения среди республик — следовательно, активно притягивали к себе мигрантов. С развалом Советского Союза и последовавшим за ним экономическим кризисом уровень жизни населения упал, начался его отток. К тому же в связи с активной интеграцией в Европейское сообщество население сравнивает свой уровень жизни с высокоразвитыми западными странами и начинает стремиться туда, где он выше.

Список литературы

1. Антюшина Н. М. Демографические тенденции и семейная политика в Швеции // Труд за рубежом. 2006. № 4. С. 99.
2. Кондратева Т. С., Новоженнова И. С. Иммигранты в Европе: Модели интеграции // Актуальные проблемы Европы. Иммигранты в Европе. М., 2006. С. 11.
3. Население СССР. 1987: Стат. сб. / Госкомстат СССР. М., 1988.
4. Население России за 100 лет (1897—1997): Стат. сб. / Госкомстат России. М., 1998.
5. Переведенцев В. И. Послевоенная динамика населения СССР и России // Политические исследования. 1995. № 2. С. 24—33.
6. Роберова Е. И. Региональные различия положения русскоязычного населения Прибалтики: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. 2005.
7. Сорокина Н. Современные реалии миграционной политики Финляндии // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 2. С. 70.

8. *Цапенко И.* Движущие силы международной миграции населения // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 3. С. 3—14.
9. *Численность* и миграции населения Российской Федерации в 2006 г.: Стат. бюллетень. 2007. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.statrus.info>
10. *Aid in place of Migration*. Geneva, 1994.
11. *Central Statistical Bureau of Latvia*. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.csb.lv/avidus.cfm>
12. *Central Statistical Office*. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.stat.gov.pl/english/index.htm
13. *Federal Statistical Office*. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.destatis.de/e_home.htm
14. *Lee E.* *Theory of Migration// Demography*. 1966. № 3.
15. *Statistics Denmark*. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.dst.dk/HomeUK.aspx>
16. *Statistics Finland*. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.stat.fi/index_en.html
17. *Statistical Office of Estonia*. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.stat.ee
18. *Statistics Lithuania*. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.std.lt/web/main.php>
19. *Statistics Sweden*. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.scb.se
20. *Van de Kaa D.* *Anchored Narratives: The story and findings of Half of a Century of Research into the Determinants of Fertility// Population Studies*, 1996. Vol. 50. № 3. P. 425.

МИГРАНТЫ И ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО: ВОПРОСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И ВЗАИМНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Н. Г. Кузнецов
Калужский научный центр

Адаптация иностранных трудовых мигрантов: проблемы взаимопроникновения культур и толерантности

Рассматриваются актуальные проблемы миграции в России, среди которых и переселение граждан Вьетнама на территорию Российской Федерации. Сравнение показателей трудовой миграции за 2005—2007 гг. позволяет сделать вывод об устойчивом увеличении потоков трудовых мигрантов из Вьетнама и особенностях трудовой миграции из этой страны. Во-первых, значительная отдаленность страны не влияет на возрастающее число мигрантов. Во-вторых, рост количества жителей Вьетнама способствует «выдавливанию» трудоспособного населения. В-третьих, экспорт рабочей силы из Вьетнама поощряется правительством этой страны. Указаны причины, по которым трудовая миграция из Вьетнама предпочтительнее для России.

Foreign migration became an actual problem of the present. Russia feels need for a manpower. Necessity for the qualitative labour, capable to affect demographic processes, questions of adaptation and assimilation are a theme of research of many scientific institutes.

The major problems costing practically before all countries of the world in the field of regulation of migratory streams, minimization of spontaneous development of the given processes, decrease in their negative influence are.

In clause problems of moving of the Vietnamese citizens in territory of the Russian Federation are considered. Comparison of scales of labour migration for 2005—2007 allows to draw conclusions on stability of increase in the Vietnamese labour migration. Feature of the Vietnamese labour migration has distinctive features from migration from other coun-

tries. First significant remoteness of the countries, does not interfere with increase in quantity of migrants, secondly growth of the population in Vietnam promotes pushing out of able-bodied population, thirdly export of a labour from Vietnam is encouraged with Government SRV. The Vietnamese labour migration is most preferable to Russia for some reasons.

First, the Vietnamese citizens differ from others diligence, tolerance and законопослушностью. Secondly a part of the Vietnamese citizens are measured to accept Russian citizenship, in the third Vietnamese citizens enter mixed marriages and even creating national marriages have two and more children.

Важнейшими задачами, стоящими практически перед всеми странами мира в области регулирования миграционных потоков, являются минимизация стихийного развития данных процессов, снижение их негативного влияния. В Российской Федерации также идет активный поиск механизмов использования потенциала миграции в реализации различных социально-экономических проектов, предпринимаются попытки реализации территориально-дифференцированного принципа в миграционной политике. На необходимость выработки в России миграционной политики, соответствующей современным реалиям, неоднократно указывал Президент РФ В. В. Путин. Критике со стороны главы государства чаще всего подвергалось российское миграционное законодательство, создающее «административные барьеры, которые непреодолимой преградой стоят на пути людей, желающих законным образом оформить свое пребывание или право на трудовую деятельность в России» [1].

Важнейшим инструментом реализации миграционной политики, государственного регулирования в миграционной сфере должны стать комплексные целевые программы, ориентированные на перспективы социально-экономического роста страны, защиту интересов личности, общества и государства. Все большую роль приобретает научно-методическое обеспечение государственного управления в миграционной сфере, предполагающее в первую очередь оперативную диагностику

тенденций формирования миграционных потоков и миграционного поведения. Это обуславливает необходимость создания системы социального мониторинга, использование междисциплинарного инструментария научного анализа, банков данных. Крайне актуальной является и проблема научного обоснования стратегических приоритетов миграционной политики в области целевого переселения, выработки социальных нормативов, мер государственной поддержки населения, проживающего в районах с неблагоприятными природно-климатическими условиями.

Проблема регулирования миграций все больше выходит за пределы отдельных стран, приобретает международное и общенациональное значение, требует формирования регулирующих механизмов на международном уровне. Наиболее значимыми проблемами для государств, испытывающих миграционное давление, являются:

- предотвращение возможных конфликтов, складывающихся на основе усиления миграционных процессов;
- защита национальных интересов с помощью административно-ограничительных мер, не противоречащих нормам демократических государств;
- создание механизмов интеграции мигрантов в принимающую социальную среду.

Особенности миграционных процессов в Российской Федерации определяются комплексом факторов (экономических, демографических, социальных, этнокультурных, геополитических, правовых, экологических). В результате рыночных реформ государство оказалось не готовым к адекватному реагированию на интенсификацию миграционных процессов.

В регулировании миграции нельзя пытаться искусственно менять направление миграционных потоков или останавливать их. При этом государство должно выделять и поддерживать определенные группы мигрантов в целях обеспечения собственной национальной безопасности.

Миграция способна воздействовать на качество жизни общества так же, как качество жизни может определять направление и содержание миграционных потоков. С одной стороны, мигранты стремятся туда, где качество жизни в большей степени отвечает их потребностям и ценностям, культурным традициям, профессиональным возможностям. С другой стороны, качество жизни в стране или регионах заметно меняется под воздействием миграционных потоков. Непосредственное воздействие миграции на качество жизни общества выражается в том, что сами мигранты, заполняя новое социальное пространство, привносят свой образ жизни, ценности и потребности, меняют социальную структуру и демографические характеристики населения. Косвенное воздействие миграции заключается во влиянии на факторы, определяющие качество жизни населения (состояние рынка труда, жилья, рынка потребительских товаров и услуг и т. д.).

В современной России довольно низка мобильность рабочей силы, что определяется сложностями в трудоустройстве, жилищными проблемами при перемене места работы (его дороговизна и неразвитость рынка жилья в целом), отсутствием развитой системы профессиональной подготовки и переподготовки. Крайняя неравномерность развития рынков жилья и занятости в регионах России обуславливает дисбаланс в распределении человеческих ресурсов по территории страны.

Упрощенная схема получения российского гражданства для тех иммигрантов, в социально-экономическом потенциале которых нуждается Россия, является еще одним существенным стимулом в реализации целевого подхода в регулировании миграции.

В отношении иностранных мигрантов, не намеренных переселяться в Россию или не соответствующих установленным качественным параметрам, необходимо определить квоты, четко ограничивающие количество прибывающих, заранее прикрепляя их к конкретному предприятию.

Сегодня в России должна действовать единая демографическая и миграционная государственная программа, рассчитанная не менее чем на 25 лет. Именно в этот период ожидается наиболее стремительное сокращение населения России. В этой связи необходимо принять определенные компенсационные меры комплексного характера.

Другим важнейшим приоритетом выступает эффективное использование деятельности трудовых иммигрантов. Трудовая миграция, с учетом сезонных, маятниковых и нелегальных мигрантов, занимает одно из главных мест в миграции населения и требует исследования, чтобы страны, участвующие в трудовом обмене, имели возможность более эффективно использовать трудовые ресурсы своих государств с учетом прибывающих иностранных рабочих. Иностранная миграция стала актуальной проблемой современности. Россия ощущает потребность в трудовых ресурсах. Необходимость в качественной рабочей силе, способной повлиять на демографические процессы, вопросы адаптации и ассимиляции являются темой исследования многих научных учреждений и постоянно находятся в центре внимания Правительства, Государственной думы и Президента России.

Сегодня требуется эффективное планирование потоков миграции в той ее части, которая обусловлена действиями органов власти и работодателей. В долгосрочной программе должны предусматриваться не только мероприятия по дифференцированному «отбору» мигрантов, но и поэтапные шаги по расселению переселенцев на территории государства с учетом их социокультурных, этнических особенностей; действия по сближению различных этнокультур через их взаимопознание и взаимообогащение. Сегодня требуется акцентировать внимание государственной власти на политике обеспечения эффективной межкультурной коммуникации, способствующей интеграции мигрантов и принимающего общества.

Россия нуждается в иммиграционном пополнении своих сокращающихся трудовых ресурсов, и ей предстоит стать

страной иммигрантов. Одним из путей создания эффективной иммиграции, способным повлиять на изменение в экономической, социальной и демографической ситуации, может стать максимальное расширение подготовки иностранцев в учебных заведениях России. Это позволило бы, во-первых, увеличить доходы учебных заведений и предотвратить возможную безработицу преподавателей в РФ, неминуемую из-за сокращения численности молодежи. Во-вторых, подготовить выпускников средних и высших учебных заведений со знанием русского языка, специалистов, способных работать в России. В-третьих, позволит студентам во время обучения познакомиться и поделиться элементами культуры своей нации. Процесс подготовки учебной иностранной миграции невозможно рассматривать вне связи с общим состоянием иностранной трудовой миграции.

Интерес вызывает динамика потока из стран Юго-Восточной Азии, и в первую очередь Вьетнама. За 50 лет сотрудничества ведущие вузы бывшего СССР и России подготовили более 70 тыс. вьетнамских специалистов, из них более 30 тыс. получили высшее образование, 3 тыс. человек стали кандидатами наук, 200 человек получили степень доктора наук. Кроме того, было подготовлено около 48 тыс. высококвалифицированных рабочих и техников для промышленных предприятий. Во Вьетнаме при содействии СССР было построено 5 учебных заведений, в том числе Ханойский политехнический институт; 12 объектов энергетики, 4-горной промышленности, 13 предприятий машиностроения и металлообработки и более 50 крупных объектов химической промышленности, строительных материалов, пищевой промышленности, сельского хозяйства, нефтяной промышленности, транспорта и связи.

В наши дни в образовательных учреждениях России обучаются по государственной линии свыше 1200 вьетнамских граждан и около 5000 студентов — на условиях контракта. Подписано межправительственное соглашение, предусматривающее расширение объема сотрудничества между РФ и Вьет-

намом в сфере образования. Среди вьетнамской молодежи сформировался поток, устремившийся на учебу за пределы родной страны. В 2006/07 учебном году вьетнамские студенты обучались в 177 российских вузах. Наиболее многочисленные контингенты вьетнамских студентов, стажеров, аспирантов отмечались в вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Астрахани, Волгограда, Воронежа, Иркутска, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Тамбова, Томска, Тулы.

Из общего числа вьетнамских граждан, обучающихся за рубежом (оценочно свыше 25 тыс. человек, в том числе 4,6 тыс. — в США), на долю России приходилось более 20%. Несмотря на этот сравнительно высокий (в сопоставлении с Китаем и Индией) показатель, по мнению вьетнамских экспертов, во Вьетнаме российские вузы недостаточно рекламируют свои услуги. Кроме того, привлекательность обучения в России для вьетнамцев резко снижают проявления интолерантности. Как отметил вице-президент вьетнамского землячества в РФ Ле Динь Ву, «скинхеды омрачают возможности экспорта российского образования. Многие вьетнамские родители отзывают своих детей из России и отправляют обучаться в Австралию, хотя это и дороже. У нас есть выбор: обучение в России, Европе, Америке или Австралии. Однако если специалист получил высшее образование в России, он навсегда становится поклонником русской культуры, науки, промышленности. Создайте спокойную атмосферу, и в России будут те же 15 тыс. вьетнамских студентов, как в Австралии, а то и больше. Симпатии вьетнамцев к русским велики, и не стоит сбрасывать это со счетов» [2].

Часть иностранных студентов остается в России после окончания обучения и увеличивает трудоспособное, а главное высокообразованное население. На решение остаться в России положительное влияние оказывает отсутствие ограничений на рождение детей, существующее во Вьетнаме. Широк выбор специальностей: управление, дипломатия, экономика, геология, радиотехника, электроника и автоматика, строительство,

связь, геодезия авиация, автомобилестроение биотехнология, педагогика, медицина, культура, искусство, дизайн и архитектура.

Проведенное Калужским научным центром и отделом социальной демографии ИСПИ РАН при поддержке посольства Социалистической Республики Вьетнам летом 2007 г. полевое социологическое исследование в 14 регионах России (Калуге, Москве, Санкт-Петербурге, Уфе, Воронеже, Курске, Челябинске, Екатеринбурге, Новосибирске, Красноярске, Иркутске, Чите, Хабаровске и Владивостоке) показало, что вьетнамские граждане положительно относятся к вступлению в брак с гражданами России. Около 7% респондентов уже состоят в браке, а более 19% выражают желание вступить в брак в будущем. Более 30% выразили желание, чтобы их дети жили в России. На желание остаться в России оказывает отношение к вьетнамцам со стороны властей и местных жителей. По данным переписи населения 2002 г., в России живут 26 тыс. вьетнамцев, хотя реально эта цифра гораздо выше и, по некоторым оценкам, достигает не менее 100 тыс. человек. Большая часть вьетнамцев живет и работает в Москве, Ставропольском крае, Башкортостане, Волгоградской, Свердловской областях, Хабаровском крае и других регионах России. Исторически сложившиеся дружеские, братские отношения между СРВ и РФ позволяют решать проблемы и расширять сотрудничество в области трудовой и учебной миграции. Геополитическое значение Вьетнама для России невозможно переоценить. Взаимное проникновение культур, экономическое сотрудничество, основанное на существующем во Вьетнаме значительном количестве специалистов, получивших образование в России, знающих русский язык и готовых активно участвовать в восстановлении ранее существовавших связей, позволит сохранить достигнутые положительные результаты в различных областях и решить вопросы, стоящие перед двумя нашими странами.

Важным условием адаптации иностранных граждан на территории России является состояние и развитие диаспор.

Само понятие «диаспора» трактуется часто различно, поэтому оно требует более глубокого изучения. Слово «*диаспора*» происходит от греческого «*диасперос*» (разбрасывать, сыпать семена), и первоначально оно относилось к конгломерату еврейских общин за пределами Палестины. Позднее уже как термин для обозначения зарубежных общин армян, греков, русских и т. д. оно попало на страницы научных журналов и монографий. Хотя в академических кругах нет единства по поводу содержания понятия «диаспора», вряд ли кто сомневается в существовании этого феномена как такового. Большинство исследователей соглашается с тем, что для диаспоры характерны: наличие и поддержание коллективной памяти и представления или мифа о «первичной родине»; убеждение в необходимости служить интересам родины; чувство отчуждения от доминирующего коллектива в принимающем обществе; «миф о возвращении» на родину, чувство взаимопомощи, существование организационных форм этой взаимопомощи (землячества, национально-культурные и политические движения), способность к самоорганизации. Более приемлемым определением для нашего времени подходит следующее: «Диаспора — это устойчивая совокупность людей этнического происхождения, проживающая в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины и имеющая социальные институты для развития и функционирования в данной общности» [3].

Для выходцев из Вьетнама в равной степени характерны все черты, указанные в обоих толкованиях. Представляется приемлемым употребление этого понятия в отношении всех выходцев из Юго-Восточной Азии, Центральной, Восточной Азии и практически всех выходцев из закавказских республик.

В работе Р. Козна «Глобальные диаспоры» перечисляются следующие характеристики диаспоры:

1. Рассеяние.

2. Экспансия за пределы родины в поисках работы, с торговыми целями или для удовлетворения колониальных амбиций.

3. Колониальная память и мифологизация утраченной родины.
4. Идеализация воображаемого наследия предков.
5. Возвратное движение.
6. Сильное групповое этническое самосознание, сохраняющееся долгое время.
7. Сложные отношения с принимающей стороной.
8. Чувство солидарности с этническими собратьями в других странах.
9. Возможность созидательной работы на благо исторической родины [4].

Изучение иностранных диаспор, азиатских в особенности, связано с огромными проблемами. Отсутствуют сведения о национальных образованиях, официальная информация не всегда объективна и точна, статистика не учитывает нелегально проживающих в стране иностранцев, примкнувших к той или иной диаспоре. Особенностью вьетнамских диаспор является проблема крайней замкнутости, вьетнамцы очень неохотно дают о себе какие-то сведения. Негативное влияние оказывает нерешенный вопрос о легализации вьетнамских граждан, оставшихся после прекращения межправительственных соглашений о направлении их на обучение и работу в бывший Советский Союз. Проблема повисла в воздухе, и слабые попытки вьетнамского Правительства выступить с предложениями провести миграционную амнистию остаются нерешенными. Тем не менее Россия, являясь правопреемником Советского Союза, несет ответственность за то, что тысячи вьетнамских граждан остались без средств к существованию и не имели возможности вернуться на родину. Необходимо отметить, что возврат вьетнамских граждан по межправительственному соглашению возлагался на предприятия, использующие их труд [5].

Формирование вьетнамских диаспор в разных странах мира началось в конце XIX — начале XX в.

При этом страны со значительным числом вьетнамских трудовых мигрантов можно разделить на две группы:

1) страны с незначительным числом граждан иностранного происхождения;

2) страны, где временно проживает значительное число граждан иностранного происхождения.

Существуют отдельные исследования данного вопроса в разных странах мира, больше всего во Франции, где находится первая по времени образования вьетнамская диаспора в Европе. Причина образования вьетнамской миграции связана с длительным нахождением Вьетнама в колониальном положении под протекторатом Франции.

Окончание вьетнамо-американской войны вызвало массовую миграцию вьетнамцев в США и другие страны. Проблеме исследования вьетнамской миграции посвящены работы американских и европейских авторов.

Существует ряд серьезных работ, рассматривающих проблемы и состояние вьетнамской миграции в СССР/Россию (А. А. Соколова, В. М. Мазырина, В. И. Староверова, Н. Г. Кузнецова, В. А. Волох, Е. С. Красинец, В. Н. Петров, В. А. Ионцева, И. В. Ивахнюк и др.) [6]. Известны зарубежные авторы: J. E. Coughlan, изучающий социально-демографические и экономические характеристики вьетнамских беженцев и иммигрантов в Австралии; D. Duffy, посвятивший работу литературной деятельности вьетнамских эмигрантов в Северной Америке; K. Chequiere, исследовавший вьетнамскую иммиграцию в Бельгии и проблемы сохранения самобытности в рамках сформировавшейся диаспоры. Французский исследователь Nran Due Tuan Son остановил свое внимание на проблемах вьетнамской молодежи, проживающей вне пределов своей исторической родины. Профессор Хельсинского университета А. А. Лескинен подготовил материал о вьетнамской диаспоре в скандинавских странах [7]. Интерес для российских исследований представляет работа П. Мюллеровой «Вьетнамская диаспора в Республике Чехия», так как образование вьетнамской диаспоры в России и Чехии вначале имело много общего, хотя в даль-

нейшем из-за различий в подходах к миграционной политике деятельность диаспор проходит в неравных условиях.

Возросший интерес исследователей к вопросам формирования и функционирования вьетнамских диаспор в России обусловил возникновение соответствующего направления в работе Института социально-политических исследований. Этот институт при организационной и информационной поддержке посольства СРВ, ФМС РФ, Министерства образования и науки РФ, Росстата, Российского университета дружбы народов и при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда впервые в истории многолетних длительных и дружественных отношений между Россией и Социалистической Республикой Вьетнам провел международную научно-практическую конференцию на тему «Миграция между Россией и Вьетнамом: история, современные тенденции и роль в социально-экономическом развитии стран». Работа по подготовке конференции шла более двух лет. В рамках этой подготовки было проведено широкомасштабное полевое исследование творческим коллективом, возглавляемым Н.Г. Кузнецовым в различных регионах страны. Обследовались трудовые и учебные вьетнамские мигранты в Калуге, Брянске, Орле, Курске, Белгороде, Тюмени, Тамбове, Воронеже, Уфе, Санкт-Петербурге, Челябинске, Екатеринбурге, Новосибирске, Красноярске, Иркутске, Чите, Хабаровске, Владивостоке.

Социологический опрос работодателей, использующих иностранную трудовую силу, проведенный в августе 2007 г. на территории Самарской области, позволил рассмотреть проблемы оценки новых процедур получения разрешения на работу для иностранных граждан. Данная работа, проведенная творческим коллективом под руководством д-ра экон. наук, зав. отделом социальной демографии С.В. Рязанцевым, позволила рассмотреть не только вопросы вьетнамской миграции, но и состояние миграции в целом, независимо от

страны — поставщика рабочей силы и территории, где она применяется.

Важными для работы конференции стали выступления ведущих специалистов в области трудовой миграции — д-ра экон. наук, профессора Л. Л. Рыбаковского; академика РАН, директора ИСПИ РАН Г. В. Осипова; д-ра экон. наук, профессора, зав. кафедрой народонаселения МГУ им. М. В. Ломоносова В. А. Ионцева; д-ра экон. наук, профессора, зав. кафедрой демографии РГСУ О. Д. Воробьевой; заместителя начальника управления федеральной миграционной службы Н. И. Власовой; Е. С. Красинец, А. А. Соколова, В. Н. Петрова, В. М. Мазырина, И. С. Карабулатовой, В. И. Старовой, И. В. Ивахнюк, Н. Г. Кузнецова и др. С большим интересом были заслушаны доклады атташе по науке и технике посольства СРВ Фам Чунг Фьюка, директора Российского гуманитарного фонда А. В. Юрасова, президента Ассоциации вьетнамских ученых в РФ Нгуен Ван Тхака, зав. отделом образования посольства СРВ Чан Ким Бао, д-ра экон. наук, профессора университета в г. Осака Отсу Садайочи, д-ра экон. наук из Академии социологии Квингдао (КНР).

Рассматривать вьетнамскую диаспору без увязки с другими диаспорами было бы неправомерным. Характеризует состав, распределение и динамику иностранных диаспор на территории России информация о привлечении иностранной рабочей силы. В 2007 г. ее численность в России возросла по сравнению с 2005 г. в 2,44 раза и составила 1717,1 тыс. человек. Процесс увеличения проходил неравномерно. Одновременно произошла смена лидеров по поставке рабочей силы. Резко возросла численность иностранцев из бывших среднеазиатских и закавказских республик СССР: поток рабочей силы увеличился в 3,1 раза — из Молдовы, более чем в 7 раз — из Узбекистана; численность работников составила 344,6 тыс. человек, или пятую часть всех трудовых мигрантов, работающих в России в 2007 г. (см. табл.).

**Привлечение иностранной рабочей силы
на территорию РФ в 2005—2007 гг.**

Страна	Общая численность привлекаемой ИРС, тыс. человек			Удельный вес, %			2006 г. в % к 2005	2007 в % к 2005	2007 в % к 2006
	2005	2006	2007	2005	2006	2007			
<i>Всего:</i>	702,5	1014,0	1717,1	100,0	100,0	100	144,34	В 2,44 раза	169,3
В том числе:									
Китай	160,57	210,8	222,8	22,86	20,97	13,0	131,27	138,8	105,7
Украина	141,78	171,3	209,3	20,18	16,89	12,2	120,82	147,6	122,2
Узбеки- стан	49,04	105,1	344,6	6,98	10,36	20,1	214,22	В 7 раз	В 3,3 раза
Турция	73,70	101,4	131,2	10,49	10,00	7,6	137,6	В 2,3 раза	129,4
Таджи- кистан	52,60	98,7	250,2	7,49	9,74	14,6	187,7	В 4,8 раза	В 2,5 раза
Вьетнам	55,55	69,1	79,8	7,91	6,81	4,6	124,34	143,6	115,5
Молдова	30,61	50,9	93,7	4,36	5,03	5,5	166,46	В 3,1 раза	184,1
Армения	26,20	39,8	73,4	3,73	3,92	4,3	151,94	В 2,8 раза	184,4
Киргизия	16,23	33,0	109,6	2,31	3,25	6,4	203,2	В 6,7 раза	В 3,3 раза
Азербай- джан	17,30	28,3	57,6	2,46	2,79	3,4	163,6	В 3,3 раза	В 2 раза
Корея (КНДР)	20,06	27,7	32,6	2,86	2,73	1,9	137,9	162,5	117,7
Грузия	4,31	4,9	4,7	0,61	0,49	0,3	114,23	109,0	96,0
Прочие страны	20,02	72,9	107,6	2,85	7,02	6,3	364,14	В 5,4 раза	147,6

Источник: *Мониторинг легальной (незаконной) внешней трудовой миграции за 2005—2006 гг.* / ФМС России. М., 2006. С. 23; *Сведения о численности и составе иностранной рабочей силы за январь-декабрь 2007 г.*: Отчет ФМС РФ 2-т (миграция). М., 2003.

Анализ данных о трудовой миграции за последние годы должен привести к принятию определенных мер по регулированию этого процесса. Разговоры о квотировании, требова-

ниях знаний языка пока остаются на стадии обсуждений, а процесс, по существу, развивается неконтролируемо.

Занятость трудовых мигрантов по отраслям неравномерна среди национальных групп и не всегда выгодна российской экономике (см. рис.). Из всех трудовых мигрантов 41 % занят в строительстве; в обрабатывающей промышленности — более 9%, сельском хозяйстве — более 7%, в оптовой и розничной торговле около — 27%. Доля занятых в строительстве по странам исхода находится в промежутке от 89% (Босния и Герцеговина, КНДР, Болгария, Украина, Армения) до менее 10% (Афганистан, Вьетнам, Германия, Индия и ряд других стран). Вьетнамские граждане в основном заняты в оптовой и розничной торговле, сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности. В связи с принятием Правительством РФ постановления, ограничивающего розничную торговлю, которую ведут иностранные граждане, вьетнамцы переключились на оптовую торговлю и приступили к занятиям другими видами деятельности, включая строительство, сельское хозяйство, промышленную переработку, изготовление мебели, продуктов питания, обувное производство, пошив одежды и многое другое. На всех вьетнамских объектах налажена четкая организация производства, созданы нормальные условия труда и отдыха.

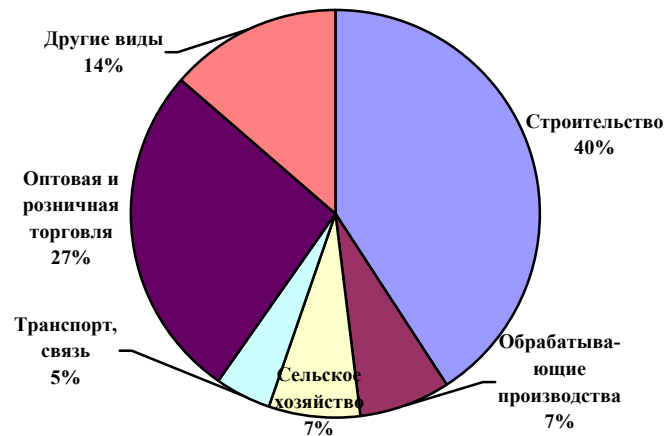

Рис. Структура занятости иностранных работников по основным видам экономической деятельности

Вьетнамские граждане превращаются из привычных для российского общества торговцев на рынке в многоотраслевых квалифицированных работников. Ранее вьетнамские иммигранты считались диаспорой с высокой степенью замкнутости. Однако в последнее время вьетнамцы, рожденные за пределами своей исторической родины или прожившие в другой стране несколько десятков лет, начинают отдаляться от традиционного общинного образа жизни и довольно легко ассимилируются в российской среде.

Заслуживает внимания рассмотрение этапов формирования вьетнамских диаспор как в мире, так и в СССР и России. Возникновение вьетнамской миграции и образование диаспор — новое явление по сравнению с миграцией из Старого света в Новый, из Африки в Америку, из России в Европу и Америку. Миграция вьетнамцев происходила волнами, которые были обусловлены конкретными социально-политическими (как правило, внешними) обстоятельствами. Принято выделять два основных исторических периода массовой эмиграции вьетнамских граждан за рубеж.

Первый этап — 1914—1918 гг. — связан с французской колонизацией Индокитая, и Вьетнама в частности. Во время Первой мировой войны французы использовали вьетнамцев как дешевую рабочую силу и солдат. Вьетнамцев набирали в действующие войска и на строительные работы, часть из них осталась на постоянное место жительства во Франции и получила французское гражданство. В настоящее время вьетнамская диаспора во Франции насчитывает более 500 тыс. человек и является самой старой не только в Европе, но и мире.

Второй период массовой эмиграции подразделяется на два этапа, и оба они связаны с вьетнамо-американской войной. Первый этап начался в 1975 г. после падения сайгонского режима. Вьетнамцы, находящиеся на службе у американцев, были вынуждены покидать страну из-за боязни расправы со стороны нового режима. Тех лиц, которые непосредственно работали у американцев, а также членов семей (нередко американские солдаты вступали в брак с гражданками Вьетнама)

организованно вывозили в США. Остальные вынуждены были покинуть страну любыми путями, на свой страх и риск. В результате появился термин «люди в лодках» (*thuyen nhan*). Количество беженцев составило около 132 тыс. человек. Отправлялись они в ближайшие страны, а также в США и в Австралию, правительства которых выразили согласие на предоставление политического убежища вьетнамским гражданам.

В последующие годы реформ количество покинувших страну вьетнамцев составило уже 150 тыс. человек. За 1977—1979 гг. Вьетнам покинуло еще 127 тыс. человек, которые разочаровались итогами социалистических реформ в Южном Вьетнаме (вследствие этих реформ ухудшился уровень жизни населения). На этом этапе миграция проходила через границы Камбоджи и Лаоса в Таиланд, который дал вьетнамцам политическое убежище.

Основным методом исследования стал исторический, предполагающий рассмотрение каждого объекта в условиях своего исторического бытия и во всем объеме присущих ему свойств. Принципы изучения исторических явлений в их изменчивости и развитии требуют применения комплексного метода исследования, основанного на анализе разнохарактерных источников, использовании разных подходов при их изучении и сопоставлении полученных данных.

Рассмотрение групп южноазиатского происхождения за рубежом предполагает обращение к отечественным и зарубежным публикациям по проблемам миграции населения, формирования этнических групп иммигрантского происхождения, адаптации иммигрантов в инокультурной среде и, конечно, по проблемам формирования диаспор.

Миграция за рубеж может предприниматься индивидуумом, но чаще осуществляется несколькими людьми в рамках какой-то группы с помощью различных социальных связей. Иногда миграция представителей этих групп провоцируется или осуществляется государством или несколькими государствами. Но даже в этом случае нельзя недооценивать значение

родственных, соседских, религиозных и иных групп, по-своему трактующих государственную политику и стремящихся использовать ее в свою пользу. Очевидно стремление индивидумов вдали от родины держаться вместе с теми, кто ближе им по языку, религии, культурно-бытовым нормам, привычкам. По этой причине оказавшиеся за рубежом иностранцы образовывали группы, сохранявшие общие черты социальной организации, особенности быта, культуры, исповедуемые религии.

Одним из главных терминов для определения жизни этнических групп в отрыве от основного этноса становится *диаспора*. В зарубежной, преимущественно англо-американской академической науке, тема диаспоры разрабатывалась в трудах Х. Толояна, У. Сафрана, Г. Шеффера, Дж. Клиффорда, А. Браха, Г. Файста, Дж. Берри и др. [6; 7].

Отечественные авторы несколько позднее, чем их британские и американские коллеги, обратились к теме диаспоры, причем обращение к данной проблематике и терминологии сразу вызвало дискуссию на страницах журнала «Этнографическое обозрение» (№ 2, 2000 г.). В. А. Тишков предлагает считать, что «диаспора — это те, кто сам или их предки были рассеяны из особого «изначального» центра в другой или другие периферийные или зарубежные регионы». Актуально и акцентирование В. А. Тишковым момента ситуативности, т. е. «определенного выбора в определенный исторический момент». Именно субъективный выбор выходцев из Кашмира в Англии определил регистрацию большинства их в качестве «пакистанцев» в переписи населения Великобритании в 1991 г. В то же время большинство индусов в Великобритании, в том числе и рожденных в странах Восточной Африки, назвали себя индийцами. Бесспорно, для представителей первого поколения оказавшихся за границей важна «малая родина», иногда даже не соотносящаяся с великой или мифической Родиной. Выходцы из той или иной пенджабской деревни, проживающие в Канаде, едины в представлении о ней как об «отчем доме», но их политические симпатии могут быть различны.

Говоря о понятии «родина» в диаспоре, В. А. Тишков отмечает, что «"родина" — это рациональный (инструменталистский) выбор, а не исторически детерминированное предписание». Примечательна идея В. А. Тишкова о том, что «еще одна характерная черта диаспоры — убеждение, что ее члены должны коллективно служить сохранению или восстановлению своей первоначальной родины, ее процветанию и безопасности».

Интерес правительства Индии, проявляемый к индийской диаспоре в последние годы, как раз и вызван ожиданием беззаветной службы родине со стороны диаспоры. Несомненно, однако, что представления о родине в диаспоре идеализированы, и они настолько сильны, что позволяют В. А. Тишкову дать следующее определение: «Диаспора — это культурно отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине». Далее следует весьма интересное замечание: «Диаспора — это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность...» Заметим, что стиль жизненного поведения можно задать как изнутри, так и извне, например из страны происхождения, той самой Родины. Как раз в последние годы Индия проявляет после многих лет равнодушия повышенный интерес к своей диаспоре.

Многие из индийцев за рубежом лишь временно. Они, вероятно, представители транснациональной общности, т. е. сохраняют контакты одновременно и со страной происхождения, и с принявшей их страной, не принадлежа полностью ни той ни другой. Феномен не знающих границ социальных связей известен давно, но обозначающее его понятие появилось в середине 1990-х гг. Термин «транснационализм», вероятно, первыми в 1994 г. ввели в научный оборот Л. Баш, Н. Глик-Шиллер и К. Бланк-Зантон. Под транснационализмом они понимали «процесс, с помощью которого иммигранты создают и поддерживают многослойные социальные связи, объединяю-

щие страны происхождения и поселения». А. Портес развил теорию транснационализма, используя термин «транснациональная общность» [8; 9].

Дискуссия о природе диаспор ведется и на страницах выходящего с 1999 г. в Москве журнала «Диаспоры». Его авторы констатируют тот факт, что понятие «диаспора» как в западной, так и в отечественной литературе в последнее время употребляется чрезвычайно широко. В данном исследовании под южноазиатской диаспорой понимается совокупность общин выходцев из Южной Азии, проживающих за пределами Индийского субконтинента, но сохранивших особенное этническое, политонимное или религиозное самосознание, поддерживающих многочисленные связи с родиной и соотечественниками за рубежом, в той или иной мере сохранивших «миф о родине» и «миф о возвращении на родину», организовавших земляческие, кастовые, религиозные организации, не принятых полностью большинством общества в странах пребывания или не считающих себя только частью этого общества.

Список литературы

1. *Вступительное слово* Президента РФ В.В. Путина на заседании Совета Безопасности по миграционной политике. 17.03.2005 г. / Интернет-сайт Президента России. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2005/03/85300.shtml>
2. *Ле Динь Ву*. Дело пойдет // Конкуренция и рынок. 2006. № 30.
3. *Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. Н.* Диаспоры как объект социологического исследования // Социологические исследования (Социс). 1996. № 12. С. 37.
4. *Миграция и развитие*: Доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие». М., 2007.
5. *Мазырин В. М.* Реформы переходного периода во Вьетнаме. М., 2007.
6. *Староверов В. И.* Вьетнамское образование в условиях рынка. М., 2001.

7. Кузнецов Н. Г. Иностранная миграция — благо или зло // Человек и труд. 2000. № 3.
8. Leskinen. Statistiske Efterretninger // Befolkning og vald. 2004. № 12.
9. Coughlan J. E. On the move again: Migrations and Invasions in Archaeological Explanation. Oxford, Archaeopress, 1997.
10. Duffy D. Minorities in the Open Society. New Brunswick, Transaction, 2003.
11. Chequiere K. Mass migration and population change // 28 Special issue in Memorial Dr. H. G. Hoffmann-Nowotny. P. 183—215.
12. Nran Due Tuan Son. US, China Foster Asia Fruitful Cub //www.ipsnews. net/ news. asp?idnews=35567

А. И. Ганчев

Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова

**Из Украины в Финляндию.
Процессы адаптации и изменяющаяся идентичность
в замкнутых сообществах гастарбайтеров**

Объектом исследования стала группа рабочих из юго-западных регионов Одесской области, которые трудились на сельскохозяйственной ферме в центральной части Финляндии летом 2007 г. Автор приходит к выводу о том, что различная социальная среда характеризуется актуализацией соответствующей степени идентичности: за пределами группы — национальной идентичностью, внутри группы — этнической, в малых группах — территориальной. Степень адаптации мигрантов в Финляндии напрямую зависит от количества отработанных сезонов. В то же время необходимо отметить, что механизм передачи знаний и опыта между потенциальными мигрантами осуществляется еще в Украине.

The object of the research is a group of gastarbaiters from the Southwest regions of Odessa area, who have been worked on an agricultural farm in the central Finland in the summer, 2007. The author comes to conclusion that different social surroundings are characterized by actualization of corresponding level of identity: outside of a group — national identity, inside of a group — ethnic identity, in mini-groups — ter-

ritorial. The level of migrants' adaptation in Finland depends directly on quantity of working seasons. At the same time it should be noticed that the mechanism of obtained knowledge and skills transmission operates among potential migrants as early as in Ukraine.

Геополитические изменения в Восточной Европе после распада социалистической системы всесторонне изменили атмосферу, в рамках которой проходила жизнедеятельность этнических общностей Украины. Интенсивность, направленность, характер внешней миграции населения Украины в начале 1990-х гг. существенно изменились по сравнению с предшествующим периодом. Были сняты существовавшие ранее ограничения в реализации права человека на свободное передвижение [1].

С падением «железного занавеса» характер миграционных потоков приобрел особую многовекторность. При этом шел процесс интенсификации старых направлений миграций (региональные и межгосударственные в рамках СНГ) и появления новых форм, связанных с поездками за пределы границ бывшего СССР. Каждый из регионов Украины приобрел определенную специфику миграционных процессов, в зависимости от этнической гаммы населения, территориального расположения и экономической ситуации [2].

Исследования и наблюдения в юго-западных районах Одесской области показывают определенную зависимость направления миграции от языковой принадлежности населения. Прежде всего, необходимо отметить, что вектор направленности значительной части гастарбайтеров региона ориентирован на Российскую Федерацию, так как практически 100% населения региона владеет русским языком. Жители сел, владеющие молдавским языком, осуществляют поиск работы в Италии — в связи с тем, что близость языков позволяет им более быстро и безболезненно адаптироваться в стране дестинации, а соответственно, получить лучшие условия и высокооплачиваемую работу. Другим направлением миграций является Турция, принимающая большое число мигрантов, владеющих

гагаузским языком. Исследования миграционных процессов среди молдаван и гагаузов на территории Республики Молдова во многом демонстрируют те же процессы [3—5]. Болгарское население региона в большинстве своем вынуждено искать работу либо в России, либо специфический труд, не требующий знания языка в странах Европы. Так как уровень заработной платы в Болгарии, где можно применить знание языка, не очень высок, сопутствующие расходы значительны, прародина для болгар оказалась экономически непривлекательной.

Объектом настоящего исследования является группа гастарбайтеров из юго-западных районов Одесской области, работавших на сельскохозяйственной ферме в центральной Финляндии летом 2007 г. Численность группы — 99 человек, из них 63 женщины и 36 мужчин. По гражданской принадлежности подавляющее большинство — 94 человека — граждане Украины. По этнической принадлежности большинство составили болгары — 77 человек, гагаузы — 10 человек и 12 человек — представители других этнических общностей. Говоря о социальном положении мигрантов на родине, можно отметить, что люди, выезжающие на работу в Финляндию, имеют разное социальное положение. Среди группы гастарбайтеров достаточно высок процент людей с высшим образованием.

Методом сбора первичной информации стало неструктурированное включенное полевое систематическое наблюдение за группой летом 2007 г. Параллельно использованы материалы сезонов 2005 и 2006 гг. Сбор полевого этнологического материала осуществлялся методом непосредственного интервьюирования гастарбайтеров.

Экологическая адаптация мигрантов. С прибытием в Финляндию гастарбайтеры в первую очередь сталкиваются с проблемой, вызванной природно-географическими особенностями страны назначения. Исследование механизмов адаптации к ним позволяет выделить два параллельных процесса. С одной стороны, стремление сохранить традиционные элементы системы питания путем использования местных природных ре-

сурсов, культивирования отсутствующих сельскохозяйственных культур и ввоза в страну назначения ряда компонентов. С другой стороны, появление инновационных элементов, не присущих культурам гастарбайтеров у них на родине.

Социальная адаптация мигрантов. Численность гастарбайтеров и характер производственного процесса предполагает необходимость вертикальной структуры в среде мигрантов. Для достижения большей производительности труда все работники делятся на три бригады, управляемые бригадирами, а над ними находится управляющий. Горизонтальная структура социальной группы мигрантов, в отличие от вертикальной, имеет динамичный характер и под воздействием определенных обстоятельств изменяется на протяжении рабочего сезона. Весь коллектив мигрантов замкнутой группы делится на небольшие объединения гастарбайтеров, которые условно можно назвать социальными мини-группами. Необходимость такого структурирования обусловлена как рядом осознанных обыденных ежедневных элементов взаимопомощи, так и неосознанной психологической необходимостью защиты в инородном пространстве. Этническая однородность образованных мини-групп воспринимается мигрантами как нечто само собой разумеющееся.

При создании социальных мини-групп гастарбайтеры в замкнутых коллективах расставляют приоритеты следующим образом: учитывая совпадение этнической принадлежности и родства, на первое место ставятся родственные отношения; в случае отсутствия таковых приоритетом становится общность зоны выхода и лишь при отсутствии первого и второго принципа мигранты группируются исходя из общих интересов.

Культурная адаптация мигрантов. Говоря о культурной адаптации, прежде всего необходимо отметить, что взаимоотношения мигрантов с местным населением весьма ограничены по двум основным причинам. С одной стороны, значительной преградой выступает языковой барьер. Ни один человек из мигрантов не владеет финским языком, и лишь незначительное число немного знает английский. С другой сто-

роны, проживание в замкнутом лесном пространстве фермерского хозяйства, отдаленность от города и отсутствие регулярного сообщения с ним затрудняют контакты с культурой страны дестинации.

Однако при этом можно выделить два основных вектора взаимодействия мигрантов с культурой страны реципиента. Первый связан с постоянным непосредственным наблюдением за жизнедеятельностью семьи фермера-работодателя, его работников и соседей, второй — с восприятием жизни финских городов при периодическом их посещении в свободное от работы время.

Несмотря на то что культурные взаимодействия ограничены как в пространственном, так и во временном отношении, результаты этого процесса постепенно набирают обороты. Столкнувшись в Финляндии с новым образом жизни, порядком, ухоженностью, красотой и комфортом жилищного пространства финских фермеров, мигранты делают сравнение с жизнью на родине, что в конечном итоге приводит к стремлению внесения целого ряда позитивных изменений в пространство своего дома в Одесской области, на что тратится большая часть заработанных в Финляндии денег.

Изменяющаяся идентичность мигрантов. Специфика исследованной группы и краткий временной интервал не предполагают выявления ярко выраженных и динамичных изменений в идентичности трудовых мигрантов. Однако хотелось бы обратить внимание на некоторые особенности проявлений самоидентификации гастарбайтеров в полиэтнической и полилингвистической среде замкнутого коллектива.

Уже на второй стадии миграционного процесса — при переезде из одной страны в другую — вступают в действие механизмы актуализации национальной идентичности мигрантов. Изменения и функционирование идентичности разных уровней находят свое яркое отражение в формировании и последующей трансформации горизонтальной социальной

структуры сообщества мигрантов, что ставит перед исследователем проблему базовой основы самоидентификации появляющихся мини-групп.

В полиэтническом окружении наибольшую актуальность приобретает этническая идентичность. При этом необходимо отметить, что едва ли не единственным этническим маркером в подобных группах гастарбайтеров выступает язык. Нивелированность культурно-бытовых условий практически сводит на нет другие этнодифференцирующие факторы.

Разнообразный по социальной идентичности состав группы предопределяет разницу в социальном поведении мигрантов. Однако само по себе изначально одинаковое социальное положение основной массы мигрантов ставит социальную идентичность личности, сформированную на родине, на второй план.

Мигранты из Юго-Западной Украины демонстрируют высокую степень адаптивности в ситуации замкнутых групп гастарбайтеров. При этом характерной чертой динамики адаптационных процессов является их многоступенчатость. Уровень адаптации мигрантов в Финляндии находится в прямой зависимости от количества отработанных сезонов. При этом следует отметить, что в Украине среди потенциальных мигрантов функционирует механизм передачи накопленных знаний и навыков, что в значительной степени способствует интенсификации адаптационных процессов с прибытием в страну назначения.

Условия существования замкнутых групп гастарбайтеров порождают актуализацию одних этнических маркеров и обратный процесс с другими. Функционирование идентичности в подобной среде носит многоуровневый изменяющийся характер. При этом для различных социальных сред характерна актуализация разных уровней идентичности: за пределами группы — национальная, в рамках группы — этническая, в мини-группах — территориальная.

Список литературы

1. Малиновская Е. А. Поездки за границу как стратегия выживания в условиях переходного периода: опыт Украины // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/center/fincenter/tr_mal.html
2. Прибыткова И. М. Трудовая миграция населения Украины в условиях трансформации экономических и общественных отношений // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/center/fincenter/tr_prib.html
3. Население Молдовы и трудовая миграция: состояние и современные формы. Кишинев, 2000.
4. Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения / Сост. Н. А. Дубова; отв. ред. М. Н. Губогло. М., 2006.
5. Курсом изменяющейся Молдовы: Материалы I российско-молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного 40-летию этносоциологического исследования. 25—26 сентября 2006 г., г. Комрат / Ред. М. Н. Губогло. М., 2006.

Kęstutis Trakselys

Klaipėda university, Regional Polisci and Planning Institute

THE INFLUENCE OF GLOBALISATION AND INTEGRATION FOR THE ETHNOPOLICY

Процессы глобализации часто характеризуются признаками эпохи модернизма и постмодернизма. Особенно они широко известны в урбанистической культуре, так как глобализация в Литве часто воспринимается как угроза ценностям, способствующим развитию страны. Тем не менее, возникает вопрос, можно ли сказать, что данная угроза не является столь значительной? Сложнее ли феномен глобализации, чем это кажется с первого взгляда? Ответы на эти вопросы даны в данной статье.

Глобализация также является базовым процессом, влияющим на изменение государственной политики, экономики и социальной

структуры. Глобализация бросает вызов различным государствам и напрямую влияет на миграцию населения, демографию и изменения в составе населения. Для разрешения всех этих вопросов необходима политическая воля. Мы не в силах остановить миграцию, этнокультурную дискриминацию или страх перед мигрантами. Власти должны заботиться не только о сегодняшнем дне, но и гарантировать будущее, выживание нации. Это означает необходимость уменьшения разрыва между народом и правительством, что порождает желание интеграции в политику и структуру Европейского Союза.

Важно понимать, что результаты вступления Литвы в Европейский Союз можно оценивать в различных аспектах. Тем не менее, чаще выгода от интеграции с ЕС рассматривается «в финансовом контексте» — в более политизированных дебатах говорится о потере Литовских национальных символов или уменьшении институциональной власти.

The processes of globalization are often characterized as the signs of modernity and post-modernity. They are especially well-known in the urban culture because the globalization in Lithuania is often characterized as the threat to country developing values. However, is this problem being weakened? Is the globalization phenomenon more complicated then it could seem from the first sight? Answers to these questions is given in this article.

Globalization as well is a fundamental process changing the states policy, economics and social structure. Globalization throws the challenges for the various states and directly influences the migration of citizenries, demography and the change of population. The political resolution is needed to resolve all these questions. We can not stop the migration, ethnocultur distinction, or pass phobia. The power should take care not only about this day, but it must assure the future and survival of nation. It means that it is very important to decrease the gap between the state and government and it develops the approach with European Union non-appellate wish to integrate in its policy and structure.

It is very important to understand that the effect of Lithuania integration in European Union can be evaluated in various aspects; however most often the benefit and the integration expenses are considered “in rational” debates — in more political debates — the loss of Lithuania national symbols or the decrease of institution power.

1. Introduction

It is considered nowadays what a process the globalization is, what processes for the national identity of it can be realized as direct threat. Considerations and comments in this topic are not decreasing. On the other hand, every person tries to express their opinions.

The processes of globalization are often characterized as the signs of modernity and post-modernity. They are especially well-known in the urban culture because the globalization in Lithuania is often characterized as the threat to country developing values. However, is this problem being weakened? Is the globalization phenomenon more complicated then it could seem from the first sight?

Z. Bauman claims that “globalization separates the same like it joins together: it separates by joining together, and the reasons of separation are the same like being developed its solidarity. When the business, financial materials, trade and information flow grow to the worldwide, begins the process of localization, characterizing the space. Furthermore, these two closely connected processes influence the difference of entire communities and various population classes.

Z. Bauman thinks that globalization for one propagates the new freedom, for other — most like uninvited and fierce fate. Author thinks that the characteristic of globalization processes is still increasing special congregations, special separation and distinguish.

There are not considerable disagreements on the globalization as being fundamental process, changing the structure of world policy, economics and societies. The use of this concept is still undefined and “globalization” is often more like cliché than vaguely defined concept. It is has been used in the middle of 5th century, concept “globalization” is used to characterize various informational, economical and other processes, having in mind that the increasing agriculture, social integration and mutual relations”.

Globalization can be characterized as “similarity of worldwide mutual trades, technology, management patterns, social structures, political organizations, cultures and values, the process which leads to mutual supranational institutions and finally to mutual society. This process also is different from internationalization-intensive relations between states, which still are as the main characters in a way that the state borders and divisions passing systems, in one or another degree pass states to community where works the mutual principles and values.

Purpose of this article — analysis influence of globalization to Lithuania and European Union economy, development and ethnopolitics.

Method — scientific literature analysis.

2. The challenges of globalization

Prof. R. Grigas in his book “Tautinė savivoka” globalization defines as “the development of self-deliberate policy, integration of global nations and states, by which the information and modern technologies exchanges rapidly and States safety is assured”.

R. Grigas globalization defines like “tsunami element”. Its uncontrolled flow fills all spaces, destroys walls and its unsustainable constructions. But it will be clear if we try to define the type of globalization in several essential features.

R. Grigas in his article “Globalizacija ir lietuvių tautos saviteigos kultūros: santykio trajektorijos” distinguishes seven features, which I would like to mention.

First of all, the contraction of time and space or global exteriorization. It destroys the existing or being existed landmarks in social period or between separate territories; devalues the stability of cultures, its attachment to the country and traditions and makes it modular and mobile.

Secondly, the exteriorization of social organization can be seen in trends and in development retina of various levels. However, the exteriorization of global type being proved of globalization or

separation from tradition, territory takes place very unsteadily, expressing the landmarks of new type, new social sources, also expressing in SO levels, by which the new types of social strains and conflicts are developing.

Thirdly, the financial fund, political power and mass media gains invisible, inter-subordination powers. They accomplish not only the role of exteriorization, evaluation and destruction of old landmarks, but are linked to leave away the integrity which has been formed by traditional cultures, to make being difficult the consolidation of civil democracy and its constant recovery.

Fourthly, developing globalization, spread and it's multi-planing determines that its recognition will be late, fragmentary and streamlined.

Fifthly, the type of globalization, its singleness does not belong to people will, originate in new SO disproportion; lack of alternation recognition integrity generates anticipation of social threats.

Sixthly, the search and consolidation in global identity world both in individual and collective level becomes more experienced problem.

Seventhly, the influence of globalization negative aspects is directly balanced for the different countries and their territorial unit economical and cultural development. This presupposes their distinguish state, also and the regard for globalization effects.

As an every phenomenon, also and globalization has its own negative and positive aspects. Apparently, most people notice only negative aspects of globalization. Each opinion seeks for, and of course, has to be modern; however modernity and globalization generate the threat for each nation, its existence and identity. It is not a threat just only for small nations, as Lithuania, this threat effects the serious and powerful nations.

We wish to add this explanation to the definitions of globalization being mentioned before. The authors of this book claims that globalization; first of all, can be perceived as the aspects of all modern social life (from cultural till criminal, from financial till spiritual) correlation development, intention profoundness and

growth on worldwide. The fact that computer programmers in India now supply services on time for their employers in Europe and U.S.A, but the poppy growing in Birma is connected with the drugs use in Berlin and Belfast, show how modern globalization connects all the communities of one world region with the processes in other continent. However; recognizes real and anticipates the intensification of global correlation. Basically, it is not come to agreement for the same concept of globalization, its movement causality and structural consequences, if there are such.

The debates are being made on this concept, in which can distinguish three main schools, which the authors call hyperglobalists, skeptics and transformationalists.

Each school globalization perceives as social phenomenon, evaluates and interprets in a very different way.

Hyperbolists, such as Ohmae, the modern globalization means a new epoch, where all nations more obey for global market. Skeptics, like Hirst ir Thompson argues contrarily, that globalization basically is a myth, concealing still increasing segmentation of international economics into three main regional units, in which the national authorities are still very powerful. But for transformation lists, which main representatives are Roseau and Giddens, the examples of modern globalization are perceived as being without historical precedent, because the States and society in all over the world experience considerable changes being sought to adapt to interdependent and vague world.

As we are interested in how globalization influences ethno policy, I think that it is worth to analyze widely these schools and its consumptions. I would prefer to concentrate on dominating features, which are the basis in separating these three opinions. It is very important what is the power of national authorities, what are the forces of leading globalization.

There are in presence three globalization tendencies, in which is apparently seen the main propositions and differences of schools, also and the concept of globalization.

Do we want this or not we can approve for the hyperglobalists, skeptics or transformationalists, the process of globalization will not be avoided and stopped. We can see how much well or bad globalization will give to us and what will the influence be in our nation's ethno politics.

World are still leading to the consolidation of pan society and interdependent nations and States trend. However; it should not mean that the regard for nation and national substratum is acceptable. In R. Grig⁸ opinion, the mutual integration process can not be like one side traffic. Thoughtful integration, the vitality of developing pan society is possible in a case when represents the opposite tendency — national cultures development, their differentiation.

3. The effect for ethnopolitics of integration in European Union

The effect of Lithuania integration in European Union can be evaluated in various aspects; however most often the benefit and the integration expenses are considered "in rational" debates — in more political debates — the loss of Lithuania national symbols or the decrease of institution power. In R. Grigo opinion, the elements of being in ethno culture are not applied in life they remain in museums and ethnographical ensembles, which provides particular exotics and variety.

It is the beginning of distinction loss. Surely, it is not possible and needed to stop globalization and integration, but needs to search for ways how these processes could be decreased as it were less influence for the values of our nation.

Integration is connected not only with ethno culture elements but unbalances our casual life and redistributes the powers of nation institutions. It is possible twofold redistribution of powers: horizontal, i.e. their transition from one State institution to others and vertical, i.e. it is a delegation of particular powers for Community institutions.

Such redistribution of powers is not avoidable and ambiguous. It will effect and State, for being sought to protect economical in-

terests (it is not realistic to consider that this redistribution will remove the seeking for protection means) activity, the structure of economical interests expression and lobism. The institutional mechanisms of Community do not remove the States possibility to make influence in mutual policy; therefore it can be done the predictions for a particular balance between supranationalists and powers of national institutions.

The most debates were made for the redistribution of powers and independence of ethno policy. The researches of population opinion about integration in European Union were important for many reasons, not only with the purpose that we know what number of people is for and against the integration (the more that after the integration it is not so important). It is important to find what the expectations of people are, what they are afraid of in the future, which social demographic groups worry more which less. What external factors make influence on people opinions in membership, if it is possible to predict feelings for Lithuania have been integrated yet in European Union, if the expectations of people be met?

There is no doubt that the most important arguments for the Lithuanian membership in EU (by the way before the membership too) were of the economical type. It confirms many sociological researches. The arguments are not so simple- they have many important colour. Constant opinions to European Union (as people vote in referendum) came to estimations in 1997. At the same time for the membership of Lithuania in EU was considerably approved: 49% of people were for and 11% against.

From the year of 1998 the membership support began to weaken and at the beginning of the year 1999 the number of euro skeptics was over the number eurooptimists. Surely the euroskepticism was influenced by many factors, connected with privatization of "Mažeikių nafta": mistrust in power policy (and integration in ES was perceived as the project being offered by power), mistrust in foreign investors and a small part in West, the perception that there is a lack of information about Lithuania prospects in European Union.

When the mistrust crisis was over euroskepticism began to grow from the beginning of the year 2000. It can be considered that

it was influenced by the popular opposition powers and policy leaders who in no uncertain terms were for Lithuania integration in EU. Certainly it was and much more important actions: the information plenty for people, the good position of mass media, the agreement of almost all policy powers in EU point of view.

In the research being made with Vilnius (year 2003, November) we see that even if 88% of people expects for a price rise (about 33% of level) are still for the integration (in the same time 74% people were for the integration). Especially are evaluated learning and job possibilities in EU (accordingly 86% and 84% of people expect the better possibilities). The major part expects that it will be the better guaranties of job (46%) and health care (44%), general living standard (42%). The weaker expectations were connected only with the decrease of corruption and honour for national identity, even if there is more optimism than pessimism.

It is needed to emphasize that this research (and many others) showed that the expectations of Lithuanians are the considerable if to compare with others. Especially, it is needed us to pay attention at honour for the national identity. For Lithuanians was always important to support their ethnical group and national character features.

The opinions of Lithuanian people on integration changed hardly. The portraits of eurosupporters and eurooutsiders were shown up at the period of strongest Euroskepticism. In the first class were young well-qualified and leading for success citizenry, among eurooutsiders — the older people of regions and countries, with the lower qualification, incomes. The first part of people noticed the considerable possibilities for expressing their abilities in modern EU, the second part — was afraid of being difficult to adapt to new and considerable requirements. Later on these features disappeared because the eurooutsiders had many pensioners, country people, less qualified and with less salary, who did not see any alternative for European Union. They came into agreement that integration will be economically profitable. However, for the unanimous currency establishment the citizenships do not come to

agreement, because many people consider national currency as nationality symbol.

4. Migration

The process of globalization opened the walls and let for people to be free. Globalization means the movement of people in regions and continents it is not important if it be forces of migration, the processes of diasporas, conquests and colonization. Certainly, not all migration is global. The movement of ethnic German, Eastern Europe and Soviet Union just after the Second World War or flows from Pyrenees peninsula and Italy to North Europe at 6th decade, considering the proximity and gathering of states and societies, being in this process, should be treated as regionalism or regional. The dimension of migration is very different, differs its intensity of flows. Comparing the dimension together with the number of native land and taking country is gained intensive indicator. Economical transformation and globalization made an essential effect for the process of international migration. For the various reasons, including the liberalization of migration policy, not only the migration dimension grew into, but the geography and its types changed. The new type of irregular migration was found — short-termed trips to foreign countries for the purposes of trade and employment, illegal migration etc.

What are the other global life trends in which the globalization is connected and what trends the migration change? Most of the migration literature emphasizes the movement of labour force. First of all, what we define is not a labour force, but people movement, even if this movement is affected by their work. Wage-earners, firstly reacting in the pressure of market forces, the movement also is just the only one even if it is important aspect of massive people movement inside the planet.

The flows of migration also get cross on the system of political, war and cultural forces which is like a component. It may have expectations that global and regional migration influence on native

and taking societies is multiple. Therefore; migration is connected with economical, cultural and political interaction and changes it, so it can expect that all spheres will be affected.

Prof. R. Grigas defines migration as: «migration is the escape of people from his native country by impoverish in considerable loss of liveliness.» The misgivings of most countrymen for the emigration are reasonable.

R. Grigas improves not to forget and potential form of migration: The orientations of people connected with the new centers of geopolitical, geocultural nations.

These new forms are getting the wider dimension and importance meanwhile the long-term migration is still statistically fixing.

The statistical data about the international migration in Lithuania show that mutual flows of migration which were stable more than thirty years in the last decade of XX century changed basically. The immigration decreased and ratio of leaving and arrival became negative. However these flows of migration were short-termed. At the end of the last decade the long-termed globalization processes were stable: the number of leaving Lithuania decreased and it almost became equal with the number of newcomers.

The first features of emigration decrease became seen at the end of XX ninth decade, but in the first years of tenth decade the number of emigrants was radically different. In recent years the number of emigrants is low enough — in the year of 2000 in Lithuania were registered only 1510 of legal immigrants.¹⁰ It is equal 004% of regular Lithuanian population. As the given data show the recent indicators decreased in more than thirty times comparing to the considerable years of intensity (1985) According to the predictions, the rates of immigration in the near future will be similar if some shocks do not happen and for this reason should not make essential changes of Lithuania population or structures, in the last decade of XX century the dimensions of international migration were ranged and basically repeated the tendency of emigration flows. In recent years emigration has achieved records, especially with countries which let to work legally.

The policy of immigration in which is sought for considerable development and restriction of migrant's arrival to country more often also makes the national composition of migration flows. In recent years the flows of Lithuania immigration practically consist of three arriving categories: returned citizenships (i.e. Lithuanian people whose arrival is not restricted), the family reunion (restricted but it's the priority for arrival applied) and migration in business purposes (the number of this arriving category is not considerable). Therefore Lithuanian people and immigrants of the last year who has lived in Lithuania yet are dominating between emigrants, relatives i.e. Russian, Byelorussian and Ukrainian. Though the number of Lithuanian emigrants did not increased totally, but in the last decade of XX century relatively increased. The major part of emigrant Lithuanian was in 1993 when they made 41, 5 % of the general arriving number and in 2007 (44, 1 %)

Though the emigration is not considerable in the Western States but its part in general emigration are increasing. If the emigration from Lithuania to Western countries made 12, 3 % in 1990, so in 2007 was increased till 45, 5 %. The main countries in which are emigrating from Lithuania, was the same — Germany, USA, Israel, Great Britain and Ireland.

The researches data show that the economical motives are the main reason of migration from Lithuania (while analyzing the reasons was not considered at the cruises). Because of this, 42 % of migrants go to foreign countries.

The economical reasons generally are identified with the search of better job. The researches data show that only 9, 7 % of short — termed migrants go to search for a job and the best economical profit is expected from so — called commercial trips and small trade. Such migratory act is more characteristic for the people of small city and country. Meanwhile the people of Vilnius migrate almost twice less and in compare with middle of the tenth decade the meaning of this migration in general migratory context is de-

creased strongly. The most problematic area at this time — migration connected with the search of legal and illegal job. This phenomenon — migration, seeking for (il)legal employment in foreign countries in most well-developed Eastern Europe countries and USA dimension evaluation is rather controversial, but it is claimed more often that it is global and can have the threatening consequences for the future of Lithuania, we can see that the young, well-qualified and potential people are migrating. So, Lithuania leaves those, who need most. Our politicians, knowing and seeing, arranges insufficient amount of means for migration being stopped. The political solutions are necessary for the regulation of our nation sense and force flow.

The civil society institute approached to LR government for the threat of migration with urge to pay needed attention for this challenge of globalization. In the declaration is written: «the last flow of Lithuania emigration being started fifteen years ago and is still developing and emerging as serious threat for the small State of Lithuania in many aspects: demographical, social, economical, cultural or even in political. Unfortunately, the State institutions do not have exact data about the migration dimension nowadays. The emptiness of small towns in Lithuania will have negative, social, cultural consequences»

However, in order to achieve emigration becoming from threat to the possibility, needs a will of state political, strategic approach and the purposeful well-timed effect. However, recent state analyzes shows that Lithuania is in lack of these features. Considering the challenge of emigration, the governmental structures now are still ready to use in optimistic fatalism: “maybe everything will be alright”. Government does not have any strategies, integrated programs on emigration aspect. Such kind of fatalism can not be proved. After the summarization of various specialist remarks, the civil society institution prepared survey report about the threats of emigration and suggested particular means, which could allow meeting the challenge of emigration, minimize its threats and use the possibilities of its creative effect. The recommendations were summarized in sixth suggestions.

1. Thorough researches of integrated migration, trends, reasons, type and tendencies, which allow generating consistent and long-termed state policy it are needed. Nowadays there are not exact data about the real dimension of emigration.

2. The more effective means of informational and educational type are needed. The direct stop of emigration in demographical conditions is not available and inefficient: the citizenry can be only informed as soon as possible about the conditions that leaving motivation would be correct. The formation of global approach which helps to pass “infantile public” and helps to create basis for integral identity and safe national self-respect. The initiatives of public, patriotic education, the strengthening of historical memory are needed which develops the safe public, national self-respect and the evaluation of their country. It is noticeable that the emigration of Lithuanian is influenced not by only economical reasons, but by the people thinking that they will not be able to create goodness for themselves and their children.

3. The purposeful strategies are being created for the stopping of “brain flight” and specialists coming back. The reform of real education and studies, which could assure the directness of systems and the honest creative competition. One of the most important means is the assurance of clear and direct employment in educational institutions

4. The directness and clearness of states and municipalities is needed to increase, it should be assured that competitions to the government service be public and fair, that qualified citizenry could take an office in government service.

5. The professional specialties and education variety in regions of grown-up are being developed, it should be created right conditions for the regional people that they get needed qualifications and competences, develop their mobility in Lithuania labour market and in this way to stop unqualified workers leaving from the country.

6. Lithuanian and emigration cultural, educational, business and political relations should be developed, it also should be created right conditions for emigrated people to participate in Lithuanian life, to make easy the reintegration of come backs.

The public society is afraid of it can be seen from the 4 appendix. The research data show that the potential of migration in Lithuanian is rather high almost the third grown-up Lithuanian would like to go to foreign country. However, just only 3 % would like to emigrate for all the time, others (25, 5 %) would like to go for work in a short period. On the other hand, more than the half 57, 5 % i. e. do not want to go away, and 11, 7 % do not consider such possibility.

The Lithuanians want to emigrate very much or to leave our state for a while. However, as the research data show just only 3 % of potential migrants are going to realize their plans in the near future. Other named various disadvantages,- as far as objective (the lack of money, health problems etc.) as subjective (personal inactivity, fear, hesitations unreality and the like).

It shows that people if they want to migrate do not try that their wishes would be realized. Therefore, the realization of migration potential is very dependable on the activity of mediators, the development of migration networks. In the future most of things from the social and economical situation, which deterioration can cause additional flow of migration included and those who do not think about the leaving of country.

The size, flows and types of migration basically changed in the last decade of century. After the thirty years lasting and being connected with the change of inhabitation the stable migration radically changed. According to the official for the decreased immigration and grown emigration, the migration balance from the negative became to positive. However, the flows of migration at the beginning of the tenth century were short-termed. The end of the decade showed that constant migration was in stable, the number of leaving and coming in Lithuania steadily decreased. The balance of migration approached to zero.

When the balance of migration approached to zero, we should remember the consumptions of R. Grig "that not every quantifiable population influences on nation destiny, but it is enough pretty. Surely, small, however of high culture, educative intellect and well-

organized nation, being used in modern statehood, can expect for the future and proper place in nation community and civilization”.

Integration and disunity, globalization and division to territories, emigration and immigration are the new challenges for ethnopolitics of which solutions our destiny, perspectives and future will be dependable on.

Maceina claimed that emigration is almost harmful for nation. It not only produces the risk of being denationalized for leaving people, but and splits the forces of our nation and decreases its cultural productivity.

Conclusions

Modern ethnopolitics has to support the effect of globalization and integration. The state has to solve factors which are closely related with the globalization and integrations of a desire on being modern and perspective.

Globalization is a fundamental process changing the states policy, economics and social structure. Globalization throws the challenges for the various states and directly influences the migration of citizenries, demography and the change of population. The political resolution is needed to resolve all these questions. We can not stop the migration, ethnocultural distinction, or pass phobia. The power should take care not only about this day, but it must assure the future and survival of nation.

Globalization makes the world as the whole, so we can share not only of the world achievements, but various troubles, which makes the threat for the mankind. A mankind has never been felt fear for terror, pandemic and wars as in nowadays. The unification of the world did not resolve ethnical, national and religion conflicts, contrarily, they were just improved.

It is important to decrease the gap between the state and government and it develops the approach with European Union non-appellate wish to integrate in its policy and structure.

Nation its state — also is an organism. It is very complicated organism. The state being committed ethnopolitics, which represents the interests of nation, emphasizing and developing on a way of living communities together serves for person as personality, supporting its development of creative powers and personal and personal and common development of socioethnosystem powers.

References

1. Bauman Z. Globalizacijos pasekmės žmogui. V., 2002.
2. Berger P.L., Luckmann T. Socialinės tikrovės konstravimas. V., 1999.
3. Grigas R. Tautinė savivoka. V., 2001.
4. Grigas R. Liaudies kultūra // Globalizacija ir lietuvių tautos saviteigios kultūra: santykio trajektorijos. 2003. Nr. 1.
5. Grigas R. Lietuvių nacionalinė savivoka // Tekstai VPU. 2005.
6. Grigas R. Tautos likimas. V., 1995.

Н. В. Кадацкая

Карловский университет, Прага

Миграция немцев из Казахстана в Германию: поиск идентичности

Предпринята попытка изучения проблем поиска идентичности немцев Казахстана в контексте их миграции между Казахстаном и Германией. В процессе анализа использовались данные социологических опросов, проводимых для немцев в Казахстане и немцев — мигрантов из Казахстана в Германию. Также использовались статистические данные Агентства по статистике Республики Казахстан.

In this paper we have made the attempt of conceptualization of the problems of search of identity of Germans of Kazakhstan within the framework of their migration between Kazakhstan and Germany. At the analysis we had used the data of field researches, which we carried out in

the society of Germans in Kazakhstan (Kazakhstan, 2007) and the society of Germans — migrants from Kazakhstan in Germany (Germany, 2008), and also we used statistical materials of Agency of statistics of the Republic of Kazakhstan.

Трансформация постсоветского пространства произвела изменения прежней советской идентичности и обусловила становление новых форм идентификаций населения. В поведении немцев Казахстана этот процесс проявился в возврате их на историческую родину.

Процесс идентификации немцев значительно повлиял на их миграционную активность. Они начинают интенсивно включаться в миграционный обмен между Казахстаном и Германией, который определился в рамках политики репатриации, проводимой германской стороной, в принятии этнических немцев из стран постсоветского пространства. Основанием этой политики послужили п. 116 Конституции Германии и Закон об изгнанных и беженцах 1953 г. (Bundesvertriebenen- und Flüchtlingsgesetz). Согласно положениям данных законодательных актов, лицами немецкой национальности признавались немцы по крови, проживавшие на территории СССР до 8 мая 1945 г., которые могли приниматься на поселение в Германию. Это привело в 1990-е гг. к исходу немцев из постсоветского пространства в количестве 1,5 млн человек [6; 7].

Статистические данные показывают активизацию миграции немцев Казахстана в Германию в первой половине 1990-х гг. В этот период из Казахстана в Германию выезжало ежегодно в среднем около 100 тыс. человек, в частности в 1992 г. — 114 тыс., в 1993-м — 113 тыс., в 1994-м — 121 тыс., а в 1995 г. — 177 тыс. человек. В 1992—1996 гг. в миграционном потоке этнических немцев из постсоветского пространства немцы Казахстана составляли более 50 % [5, с. 36—37]. Тем самым данный процесс существенно повлиял на численное сокращение немецкого населения Казахстана за постсоветский период с 946,8 тыс. человек (5,8 %) до 222,7 тыс. (1,4 %) к началу 2006 г. (табл. 1).

Таблица 1

**Численность и долевое соотношение немецкого населения
областей Казахстана 1989, 1999 и 2006 гг.**

Область	1989		1999		На начало 2006	
	человек	% ко всему населению	человек	% ко всему населению	человек	% ко всему населению
Республика Казахстан, всего	946 855	5,8	353 441	2,3	222 711	1,4
Акмолинская	139 032	13,1	52 334	6,3	30 902	4,1
Актюбинская	31 628	4,3	10 721	1,6	6 746	1,0
Алмаатинская	94 123	5,7	18 927	1,2	12 808	0,8
Атырауская	1 401	0,3	687	0,2	550	0,1
Западно-Казахстанская	4 550	0,7	2 434	0,4	1 556	0,2
Жамбылская	70 150	6,8	11 394	1,2	6 816	0,7
Карагандинская	159 208	9,1	57 229	4,1	39 455	3,0
Кустанайская	110 440	9,0	57 410	5,6	33 932	3,8
Кызылординская	1 960	0,3	376	0,1	178	0,0
Мангистауская	1 136	0,4	554	0,2	432	0,1
Южно-Казахстанская	44 526	2,4	5 261	0,3	3 724	0,2
Павлодарская	95 342	10,1	43 835	5,4	23 958	3,2
Северо-Казахстанская	86 716	9,5	41 157	5,7	24 756	3,7
Восточно-Казахстанская	66 924	3,8	32 141	2,1	20 563	1,4
г. Астана	18 913	6,7	9 591	3,0	9 252	1,7
г. Алма-ата	20 806	1,9	9 390	0,8	7 083	0,6

Источник: *Национальный состав населения Казахстана*. Т. 1: Итоги переписи населения 1999 года в Казахстане: Стат. сб. / Под ред. А. Смаилова. Алматы, 2000. С. 7; рассчитано по: *Демографиче-*

ский ежегодник регионов Казахстана. 2006 г.: Стат. сб. / Под ред. Б. Султанова. Алматы, 2006. С. 23—30.

Анализ материалов полевого исследования, проведенного в среде немцев — иммигрантов в Германии в 2008 г., позволил выявить, что в эти годы миграционная активность этнических немцев Казахстана формировалась на фоне информационного вакуума о германском обществе. Поэтому в данный период большинство переселенцев идентифицировали себя с немецкой нацией, исходили из самого факта возвращения на историческую родину. При этом они рассчитывали найти свое место в новом обществе, живя среди немцев при условии самоидентификации себя с ними. Однако немцы из постсоветского пространства длительное время проживали в иноэтническом окружении, что не могло не повлиять на изменение их идентификационных предпочтений. Прежде всего, это знание языка, сохранение культурной традиции, стереотипов поведения и многое другое.

Поэтому на первом этапе у переселенцев возник ряд трудностей, связанных с адаптацией в новом обществе. Приезжая на постоянное место жительства в Германию, переселенцы столкнулись с новым образом жизни, социальными отношениями, культурой, сильно отличающимися от тех традиций, которые сохранялись в их обществе в Казахстане.

Правительство Германии предпринимало попытки создания полноценных социальных основ для интеграции иммигрантов: условия занятости, социальные блага, предпосылки для освоения немецкого языка и культуры. И все же слабое знание языка стало одним из важных факторов, затрудняющих процесс интеграции мигрантов. Все это приводило к стремлению иммигрантов жить рядом со своими родственниками, земляками и другими идентифицирующими группами, что способствовало концентрации их в некоторых районах Германии. Данный процесс был детерминирован опытом социализации, приобретенным в период проживания в Казахстане. С одной стороны, проживание переселенцев в родственной среде

позволяло быстрее проходить адаптацию в новом обществе в первые годы после иммиграции, но, с другой стороны, приводило к сдерживанию полноценной интеграции в германском обществе.

Это явление не всегда находило одобрение и понимание у местного населения, что не способствовало формированию общей социокультурной среды местного населения и переселенческого контингента. И все чаще немцы-репатрианты на исторической родине стали восприниматься как не немцы, а как «*Russlanddeutsch*».

Таким образом, вышеуказанные процессы оказали влияние на снижение поиска идентичности переселенцев как «немцев» в германском обществе, и обратили его в сторону переселенческого сообщества. Это способствовало формированию собственной социальной сети в переселенческой среде под названием «*Russlanddeutsch*» (рис. 1).

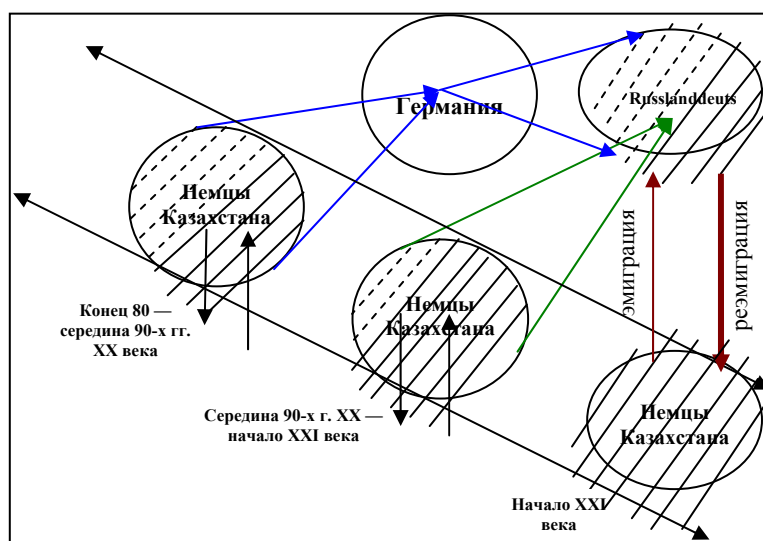

Рис. 1. Сеть «*Russlanddeutsch*»

Следует заметить, что данное сообщество с самого начала своего образования обладало высокой устойчивостью связей, поскольку в основе лежали тесные родственные и земляческие отношения. А дальнейшее расширение и уплотнение связей между переселенцами внутри данного сообщества привело к превалированию привезенных ценностей и символов своей социокультурной среды над приобретаемыми ценностями нового общества. Например, одной из отличительных особенностей данной сети стало использование переселенцами в наибольшей степени русского языка для внутренней коммуникации наряду с немецким. И чем больше переселенцу удавалось воспроизвести эти ценности в «*Russlanddeutsch*», тем комфортнее становилось его проживание в германском обществе. Таким образом, переселенцы стали воспринимать свой успех в адаптации в германском обществе через призму ценностей и символов сообщества «*Russlanddeutsch*», которые были приобретены ими в рамках социализации в период проживания в Казахстане.

Однако неоднозначность протекания в германском обществе интеграционных процессов по приему переселенцев не могла не вызвать реакцию германского правительства, что отразилось на корригировании миграционного законодательства Германии в сторону усложнения правил приема переселенцев.

Данные процедуры напрямую были связаны с принятым в 1994 г. Законом о приеме переселенцев «*Aussiedleraufnahmegesetz*», в рамках которого было введено понятие «поздний переселенец» (*Spätaussiedler*). Впервые в немецком законодательстве в определении понятия переселенца наряду с принадлежностью к немецкой нации и культуре вводится критерий владения немецким языком. Данное законодательное новшество способствовало введению тестирования знания немецкого языка (*Sprachtest*) во время процедуры рассмотрения ходатайства переселенца, а в дальнейшем и членов его семьи на переезд в Германию. В этот же период начинается и введение квот для иммигрантов.

Данные правила не замедлили сказаться, и уже с конца XX в. численность немцев в эмиграционном потоке стала снижаться (табл. 2). Наглядно данная тенденция показана на рисунке 2, где динамика эмиграционного потока в Германию в эт-

ническом разрезе отражает численное сокращение этнических немцев в данном эмиграционном тренде.

Таблица 2

**Эмигранты, выбывшие из Казахстана в Германию
за период 1999—2005 гг. (человек)**

Показатель	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	1999— 2005
<i>Всего</i>	<i>40862</i>	<i>35938</i>	<i>38469</i>	<i>32832</i>	<i>22520</i>	<i>17221</i>	<i>10299</i>	<i>198 141</i>
Немцы	28674	24647	25834	20615	13783	10008	5914	129475
Русские	8630	8052	8833	8484	5984	4864	2990	47837
Украинцы	1890	1628	1946	1858	1342	1118	707	13230
Казахи	265	301	423	434	350	341	181	2295
Другие националь- ности	1403	1310	1433	1441	1061	890	507	8045

Источник: *Этнодемографический ежегодник Казахстана*: Стат. сб. / Под ред. Ю. К. Шокаманова. Алматы, 2006. С. 389—398.

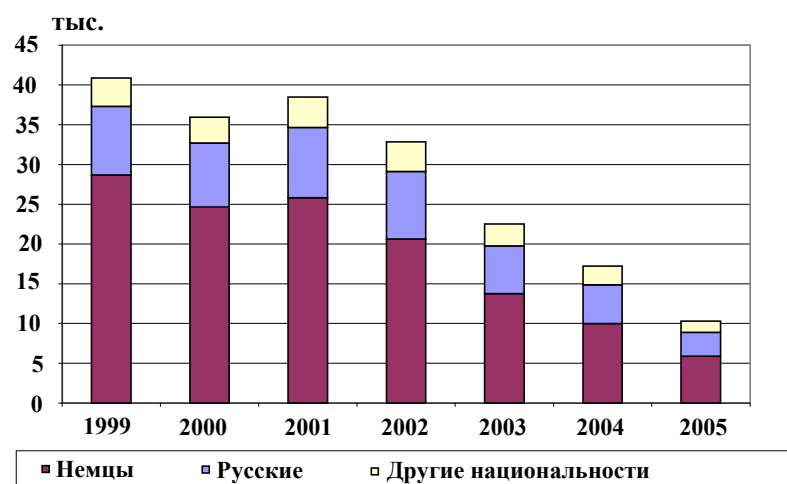

Рис. 2. Динамика эмиграционного потока из Казахстана в Германию в разрезе национальностей, 1999—2005 гг., тыс. человек

Источник: *Этнодемографический ежегодник Казахстана*: Стат. сб. / Под ред. Ю. К. Шокаманова Алматы, 2006. С. 389—398.

Однако мы хотели бы заметить, что данная тенденция также в немалой степени является отражением сокращения долевого представления немецкого населения в общереспубликанском масштабе. Поскольку немцы еще продолжают составлять значительную часть мигрантов, выбывающих из Республики Казахстан, при этом их доленое участие в потоке Казахстан — Германия за последние 7 лет имеет устойчивый показатель, достигающий ежегодно более 20 % [8, с. 389—398].

Сохраняющуюся высокую мотивацию и установку на миграцию у немцев Казахстана подтверждает и факт, который был зафиксирован в ходе проведения анкетного опроса 300 этнических немцев Центрального Казахстана в начале 2007 г. Анкетирование позволило отметить следующее: 15 % респондентов относятся к числу тех, кто уже получил право на переезд в Германию, 42 % находились в состоянии ожидания ответа от государственных служб на их ходатайство о переезде в Германию; 33 % составили те, кто уже имел официальный отказ на данное ходатайство. И только около 10 % из числа респондентов не принимали решения о переезде в Германию [2].

Анализ данных материалов позволил также отметить, что миграционная подвижность немцев, выбывающих в последние годы в Германию, формируется при несколько иных обстоятельствах, чем в период с конца 1980-х гг. до середины 1990-х гг. Так, в отличие от предыдущих лет, немцы Казахстана продемонстрировали хорошую осведомленность о жизни соотечественников, родственников и друзей в Германии. Немалую роль в создании данного информационного поля сыграли регулярные гостевые визиты к родственникам и друзьям. Все это привело к укреплению связей внутри сети немцев-мигрантов по обе стороны миграционного тренда между Казахстаном и Германией. И все чаще немцы при объяснении своей мотивации на отъезд в Германию наряду с экономическими причинами указывали на свое стремление воссоединиться с родителями, детьми, родственниками и др. Этот выбор определяет

и плохое знание немецкого языка немцами-мигрантами. Как отмечает М. С. Савоскул: «Если на раннем этапе переселения в начале 1990-х годов 75 % заявителей были немцы, владеющие немецким языком, и только 25 % члены их семей, не владеющие элементарными знаниями немецкого языка, то к концу десятилетия это соотношение сменилось на противоположное, 75 % — члены семей, не владеющие немецким языком» [6]. Данный момент осложняет проживание немцев-мигрантов вне «*Russlanddeutsch*» и способствует замыканию процесса их идентификации в рамках этого сообщества. Поэтому на сегодняшний день потоки немцев — мигрантов при переезде в Германию уже «огибает» само германское общество, направляясь напрямую в социальную сеть переселенцев «*Russlanddeutsch*» (см. рис. 1).

Однако в последние годы, как показало наше исследование, у переселенцев, прибывших в «*Russlanddeutsch*», возникает ряд трудностей в адаптации. Это связано с проблемой воспроизводства необходимых ценностей для своего комфортного проживания в данном сообществе. Во-первых, усложнение процедуры при переезде в Германию с введением сдачи немецкого языка для всех членов семьи способствовало разрыву семейных связей, т. е. дети и родители из семей мигрантов стали находиться по разные стороны границ. Во-вторых, сворачивание социальной поддержки со стороны германского правительства в отношении обустройства поздних переселенцев еще сильнее увеличило эту нагрузку на социальную сеть «*Russlanddeutsch*», которая в свою очередь все в меньшей степени способна выполнять данную роль в изменившихся социально-экономических условиях последних лет.

И все чаще в переселенческой среде возникают реэмиграционные настроения. Так, за последние годы в среднем более 300 немцев ежегодно прибывает в Казахстан на постоянное место жительства (табл. 3). Тогда как ранее, за межпереписной период (1989—1999 гг.), статистика зафиксировала только 266 человек немецкой национальности, прибывших из Германии в

Казахстан на постоянное место жительства [3]. При этом следует отметить, что отсутствие полных статистических данных не позволяет в достаточной мере судить о масштабах реэмиграции немцев. И все же главные черты существующего статистического описания ситуации, как и опыт собственных полевых исследований, проводимых в Казахстане (2007 г.) и в Германии (2008 г.), показал, что данная тенденция действительно присутствует и устойчиво проявляется за последние годы в миграционном поведении немцев Казахстана (табл. 3, рис. 3).

Таблица 3

**Иммигранты, прибывшие из Германии в Казахстан
за период 1999—2005 гг. (человек)**

Показатель	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	1999—2005
<i>Всего</i>	<i>507</i>	<i>548</i>	<i>599</i>	<i>603</i>	<i>776</i>	<i>764</i>	<i>675</i>	<i>4 472</i>
Немцы	294	321	335	291	380	330	315	2 266
Русские	157	160	171	210	281	295	245	1 519
Украинцы	21	31	34	46	54	51	48	285
Казахи	12	14	21	17	20	30	32	146
Другие национальности	23	22	38	39	41	58	35	256

Источник: *Этнодемографический ежегодник Казахстана: Стат. сб.* / Под ред. Ю.К. Шокаманова. Алматы, 2006. С. 389—398.

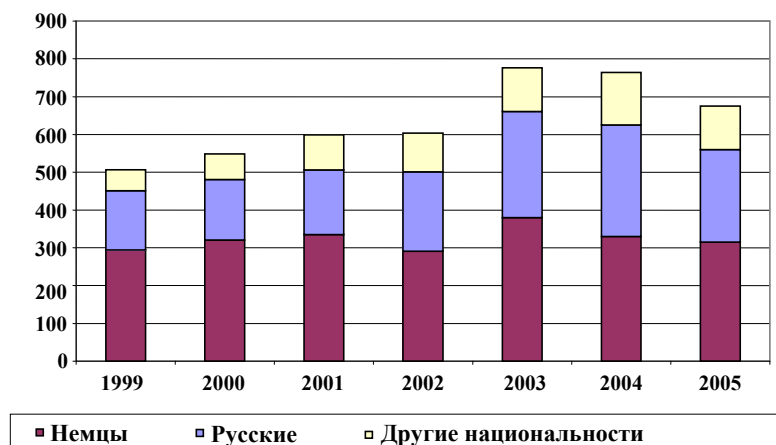

Рис. 3. Динамика иммиграционного потока из Германии в Казахстан в разрезе национальностей, 1999—2005 гг.

Источник: *Этнодемографический ежегодник Казахстана*: Стат. сб. / Под ред. Ю. К. Шокаманова. Алматы, 2006. С. 389—398.

Итак, анализ миграционного поведения немцев в обмене между Германией и Казахстаном показал, что для немцев-мигрантов достаточно важен поиск и восстановление разорванных связей соответствующей социальной сети, которая сложилась по обе стороны миграционного тренда между Казахстаном и Германией. И на сегодняшний день поиск идентичности немцев Казахстана происходит в рамках сложившейся социальной сети мигрантов, что будет позволять им еще долгое время интенсивно включаться в миграционный обмен между Казахстаном и Германией.

Список литературы

1. *Демографический ежегодник регионов Казахстана*. 2006 г.: Стат. сб. / Под ред. Б. Султанова. Алматы, 2006.

2. *Индивидуальный* исследовательский проект «Идентичность немцев как фактор их миграции между Казахстаном и Германией» / При поддержке OSI/HESP Central Asia Research and Training Initiative.

3. *Миграция* населения. Итоги переписи населения 1999 г. в РК: Стат. справоч. / Под ред. А. Смаилова. Алматы, 2000.

4. *Национальный* состав населения Казахстана. Т. 1: Итоги переписи населения 1999 года в Казахстане: Стат. сб. / Под ред. А. Смаилова. Алматы, 2000.

5. *Полян П.* Опыт иммиграционной политики государства и положение иностранцев в Германии // Иммиграционная политика западных стран: Альтернатива для России. М., 2002.

6. *Савоскул М. С.* Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации (по итогам исследования российских немцев в регионе Нюрнберг — Эрлаген). [Электрон. ресурс]. Режим доступа: demoscope.ru

7. *Эйхельберг Е. А.* Российские немцы в Германии // Социологический журнал. 2002. №4. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.nir.ru

8. *Этнодемографический* ежегодник Казахстана: Стат. сб. / Под ред. Ю. К. Шокаманова. Алматы, 2006.

ИЗ ИСТОРИИ МИГРАЦИЙ

Е. В. Микляева
Филиал «СЕВМАШВТУЗ» Санкт-Петербургского
государственного морского технического университета
в г. Северодвинске

Роль миграций населения в процессе урбанизации территории (на материалах Архангельского Севера)

Анализируется взаимосвязь процессов миграции и урбанизации на территории Архангельского Севера в XX — начале XXI в. Рассматривается воздействие индустриализации и модернизации на миграцию населения. Описывается роль естественных и принудительных миграций в освоении территории Архангельской области, выделяются основные пути иммиграционного притока населения. Приводится динамика численности населения Архангельской области в XX в.

In the article the interrelation of processes of migration and a urbanization in territory of the Arkhangelsk North in XX is considered — the beginning of XXI centuries. Influence of industrialization and modernization on migration is considered. The role of natural and compulsory migrations in development of territory of the Arkhangelsk area is described, the basic ways of immigration inflow of the population are allocated. Dynamics of a population in XX a century is resulted of the Arkhangelsk area.

Цель теоретического исследования — изучение влияния миграций населения на процесс урбанизации территории Архангельского Севера в XX — начале XXI в.

Проведение теоретического исследования обусловлено тем, что в период перехода к рыночной экономике увеличился отток населения с территории Архангельского Севера, особенно это коснулось городского населения в трудоспособном

возрасте. Данный процесс в сочетании с процессом депопуляции может привести к необратимым негативным последствиям, а именно: снижение численности населения в трудоспособном возрасте и увеличение доли населения старших возрастов; дефицит рабочей силы (данная проблема уже сейчас остро стоит у ряда монопрофильных городов Архангельской области). Для решения существующих проблем необходимо не только определить современные причины, вынуждающие населения покидать Архангельскую область, но также выявить исторические особенности заселения северных территорий, объективные и субъективные причины, вынуждающие людей переселяться на территорию Архангельского Севера.

Архангельский Север¹ как территория с неблагоприятными климатическими условиями, но богатая природными ресурсами имеет свои особенности миграционных процессов. В начале XX века освоение северных территорий происходило под воздействием «догоняющей модернизации». Сутью модернизации является формирование сильной в экономическом, политическом, военном, научном и иных отношениях страны при росте благосостояния ее населения. Для осуществления «догоняющей модернизации» нужны были финансы и рабочая сила. Поэтому Северный край², призванный быть валютным цехом страны, должен был максимально мобилизовать лесопромышленный комплекс и сопутствующие предприятия для работы на экспорт. Своей рабочей силы и финансов для выполнения этой задачи в Северном крае было недостаточно. Для решения этой проблемы активно использовались мигранты, которые и выступали движущей силой модернизации.

¹ Концептом «Архангельский Север» в современной регионологии обозначается Архангельская область, включая НАО, в границах с 1937 г. по настоящее время. В своей работе понятия «Архангельский Север» и «Архангельская область» мы употребляем как равнозначные.

² Северный край просуществовал с 1929-го по 1936 г. и включал в себя Архангельскую, Вологодскую, Северо-Двинскую губернии и автономную область Коми.

Очень тесно с догоняющей модернизацией связана колонизация, которая в свою очередь тоже оказала большое влияние на урбанизацию северных территорий. С этих позиций урбанизацию можно рассматривать как форму освоения территории населением, превращением ее в черту нового образа жизни, новых форм труда. Под колонизацией понимается совокупность процессов заселения и хозяйственного освоения представителями пришлого населения колонизируемой территории. Термин «колонизация» включает в себя и государственную политику по присоединению земель.

Колонизация территории может проходить естественным путем (вольная колонизация) и насильственным (правительственная колонизация). Естественная колонизация осуществляется на добровольных началах силами населения. Основными причинами, заставляющими людей покидать обжитые места и осваивать новые территории, были «жажда наживы», избавление от растущего гнета и феодального произвола, поиск лучших условий для хозяйствования и др. Правительственная колонизация осуществляется при участии государства и предполагает переселение населения для хозяйственного освоения территории через направление миграционных потоков в «нужном направлении». Правительственная колонизация выражается в сооружении городов и иных поселений, укреплений, в переводе «на жительство» в них различных категорий населения. Но было бы неверно противопоставлять правительственную и вольную колонизации. По словам доктора исторических наук, профессора Н. В. Устюгова, «правительственная и вольная колонизация — два параллельных процесса, взаимно обусловленных, тесно связанных, немыслимых один без другого» [1, с. 16]. И та и другая осуществляется силами простого народа, только инициатива в освоении территорий принадлежит разным субъектам.

Освоение северных территорий (в том числе и территории Архангельского Севера) происходило как с помощью естественной, так и принудительной миграций. Так, еще в XIV—

XVII вв. северные территории Руси подверглись колонизации крестьянами из западных и центральных земель (это привело к возникновению Поморья на севере Руси). К концу XIX в. северяне заселили юго-западное и юго-восточное побережье полуострова Канин. Важную роль сыграли миграции поморов в освоении сибирских территорий. Так, в XVII в. с Русского Севера, Поморья ушло в Сибирь свыше 40% населения [1, с. 17].

Естественная и принудительная миграции сыграли важную роль в освоении территории Архангельской области (как и всего Русского Севера) и в XX в. В годы Советской власти освоение северных территорий происходило под воздействием государства на население с целью направления миграционных потоков на эти территории. При этом использовались как административно-хозяйственные (в 1920-х гг.), так и репрессивные (с конца 1920-х гг.) методы.

Можно выделить следующие пути миграционного пополнения населения северных территорий.

1. Направление в лагеря, расположенные на северной территории преступников и неугодных властям людей. Данная тенденция получила массовое распространение сразу после Гражданской войны. Так, в начале 1941 г. на Севере находилось 18 исправительно-трудовых лагерей с почти 222 тыс. заключенных, в том числе в Коми АССР — 7 ИТЛ со 110 тыс. заключенных [4, с. 60].

2. Массовое принудительное переселение людей — спецпоселенцев. Так, на 1 апреля 1941 г. численность спецпоселенцев в регионе Европейского Севера составила: Архангельская область — 36181 чел., Коми АССР — 17492 чел., Вологодская область — 10008 чел., Мурманская область — 15336 чел., Карело-Финская ССР — 9977 чел [2, с. 82].

3. Отходничество. Оно возродилось на Севере в 30-е гг. и предполагало выезд определенных трудоспособных групп населения на сезонные работы в другие районы страны с целью получения максимально возможного заработка. При этом государство поддерживало таких работников и предоставляло им и членам их семей множество льгот. Определенное поощ-

рение получали и колхозы, заключавшие договора о выделении рабочих-отходников или содействовавшие вербовке отходников.

4. Организованный набор. Это было связано с тем, что для освоения природных богатств Севера необходимо было большое количество рабочих, но при этом индустриальное производство требовало определенной их квалификации, достаточного опыта, дисциплины труда. Отходники и сезонно работающие крестьяне не всегда обладали этими качествами. В результате политики организованного набора через предприятия проходило огромное количество людей, завербованных в других регионах страны. Но следует отметить, что из прибывших по организованному набору рабочих на Севере оставались немногие. Это было связано с неудовлетворительными условиями труда, быта, досуга, задержкой зарплаты, низким уровнем медицинской помощи, скудным питанием.

Оргнабор в Северном крае в его динамике, тыс. чел. [4, с. 27]

Показатель	1931	1931/ 32	1932	1932/ 33	1933	1933/ 34	1934
Набор внутри края	66,1	—	62,8	—	45,4	—	33
В том числе на заготовки леса	—	25,3	—	9,7	—	6,1	—
% оргнабора	—	39,3	—	17,9	—	15,6	—
Ввоз в Северный край	16,5	—	22,3	—	7,8	—	17,3
% ввезенных к общему оргнабору	20	—	26,2	—	14,7	—	34,4

Из таблицы видно, что больше всего завербованных (крестьян) в Северном крае было в 1931 г., но уже к началу 1935 г. вербовка крестьян по оргнабору сократилась в два раза. Привлечение рабочей силы за пределами Северного края давало незначительный эффект. Максимальное количество привлеченных извне было в 1934 г., до этого их средний удельный вес в общем оргнаборе составлял около 20 % (точнее, 20,3 %).

5. Общественные призывы. Этот вид организованного переселения качественно отличался от вербовки рабочих. Отличия заключались в комсомольском возрасте, большей дисциплинированности, уровне образования, наличии квалификации, мотивации труда, романтизме. Их отличала и большая общность цели — комсомольские призывы осуществлялись для решения конкретных задач государственной важности, что повышало социальный статус работника. Приезд молодежи на Север способствовал развитию демографической структуры, росту уровня квалификации рабочих и их образовательного статуса.

6. Одним из видов организованного переселения на северные территории было направление специалистов, окончивших учебные заведения. Выпускники Московских, Ленинградских и других ведущих вузов страны принимали активное участие в создании предприятий Севера, таких как Российский государственный центр атомного судостроения, Архангельский и Мурманский морские порты, целлюлозно-бумажные комбинаты, железные дороги. Осваивали Северный морской путь, создавали социальную инфраструктуру [2, с. 86].

7. На северных территориях размещались многочисленные воинские гарнизоны.

Таким образом, в XX веке население мигрировало на северные территории или по воле органов власти (заклученные, спецпереселенцы), или в связи с заключением контрактов (военные, молодые специалисты, сезонные работники, отходники и вербованные рабочие), или вследствие стремления следовать общественным призывам. Немаловажную роль играло и то обстоятельство, что в северных регионах работники имели высокую заработную плату, им предоставлялось жилье, при этом жилая площадь в прежнем месте жительства сохранялась за ними до возвращения, они получали компенсацию расходов по переезду в северные районы и при выезде из них на прежнее место жительства.

В период индустриального освоения Севера миграции сыграли важную роль в процессе урбанизации северных территорий. Благодаря политике правительства и устойчивому

росту населения, направляемых для освоения природных богатств Севера, появились новые населенные пункты, связанные с лесозаготовительной, лесопильной, целлюлозно-бумажной, кораблестроительной, транспортной промышленностью, в несколько раз увеличилась численность небольших городов и рабочих поселков.

Так, проведенный анализ показывает, что из 14 городов, существующих в настоящее время на территории Архангельского Севера, 50% возникли или получили статус города в XX веке.

Быстрый рост городов Архангельского Севера в XX веке, ориентация при их развитии на промышленную составляющую привели к росту городов-слобод с неразвитой городской средой и слабой социальной инфраструктурой. Такой способ освоения территории в XX веке приводит к созданию промышленных узлов. При этом задачи воспроизводства трудовых ресурсов, создания систем расселения, инфраструктурного развития территории не ставятся, акцент делается на промышленные аспекты освоения территорий. Рабочие районы функционально предназначались для восстановления и воспроизводства рабочей силы для заводов и предприятий. Поэтому большинство рабочих поселков Севера 1930-х гг. — это временные постройки, предназначенные для удовлетворения элементарных человеческих потребностей. Государство было единоличным проектировщиком, промышленные узлы представляли собой редуцированные города-слободы, а пространство страны было единой строительной площадкой. Отметим, что на северных территориях в 1930—1940 гг. большинство населенных пунктов (рабочие поселки и города) создавались заключенными и ссыльными. В этом, по мнению В. И. Коротаева, заключается специфическая форма урбанизации Архангельского Севера — колонизационные рабочие поселки и города, построенные принудительными мигрантами с помощью старожильческого населения.

Массовые переселения людей в необжитые, неблагоустроенные поселки сказывались на формировании при заводах, лесозаготовительных предприятиях типичных для страны начала

прошлого века рабочих слобод — своеобразных поселков с большой сменяемостью населения — вербованных, сезонных рабочих, спецпереселенцев, сельских жителей. В таких рабочих городах-слободах складывался особый быт, образ жизни, традиции, формировалась субкультура, соответствующая уровню образования населения, существовала психология временщиков. Кроме того, масштабное переселение людей в города привело к социокультурной маргинализации новых горожан, которая была усилена безликими стандартами городской среды, слабой структурированностью городского сообщества и отсутствием в нем среднего класса [5, с. 160].

Таким образом, в XX веке осуществление форсированной догоняющей модернизации, привлечение большого количества переселенцев и возникновение новых поселений на территории Архангельского Севера способствовали быстрому механическому росту населения, в том числе и городского (рис.).

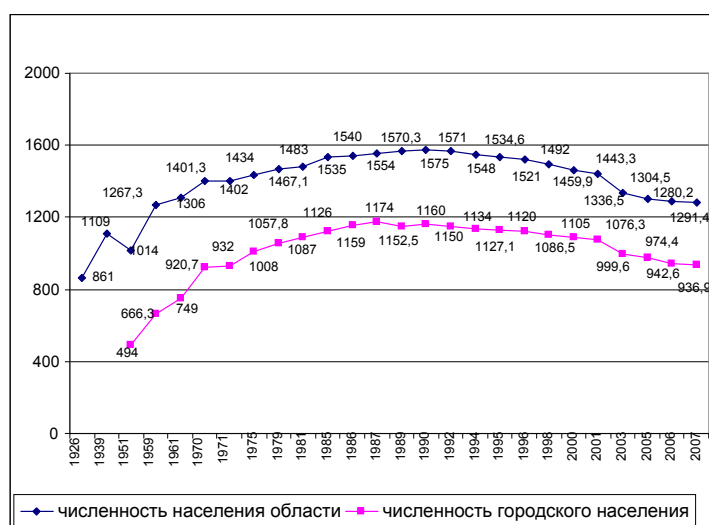

Рис. 1. Динамика численности населения Архангельского Севера в XX — начале XXI в., тыс. чел.

Но данный рисунок также отражает и то, что с 1992 г. (начало перехода к рыночным отношениям) численность населения начинает уменьшаться. Это связано в первую очередь с ухудшением социально-экономической ситуации на Севере, что снизило привлекательность работы в северных территориях для потенциальных мигрантов.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что 1) освоение и заселение территории Архангельского Севера в период СССР проходило благодаря двум видами миграции: естественной и вынужденной, что привело к соединению на территории в течение жизни трех поколений нескольких миграционных потоков. Первый поток был представлен заключенными и спецпоселенцами, второй — отходниками, сезонными работниками и вербованными рабочими, третий — молодежью, откликнувшейся на общественные призывы, выпускниками вузов, направленными на работу руководителями и специалистами, военнослужащими и членами их семей; 2) миграционные процессы оказали существенное влияние на развитие поселенческой структуры на территории области и ускорили процесс урбанизации.

Список литературы

1. Булатов В. Н. Русский Север. Книга вторая: Встречь солнца (XV—XVII вв.). Архангельск, 1998.
2. Дрегалю А. А., Ульяновский В. И. Северные территории как особая социальная среда // Вестник МИУ. 2004. № 4. С. 80—87.
3. Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
4. Коротаев В. И. На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е годы XX века: Монография. Архангельск, 2004.
5. Северное регионоведение в современной регионологии: Монография / Отв. ред. Ю. Ф. Лукин. Архангельск, 2005.
6. Сметанин А. В. Архангельская область: между прошлым и будущим. Архангельск, 2002.
7. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2005: Стат. сб. / Росстат. М., 2006.

Ю. В. Костяшов
Российский государственный университет им. И. Канта,
Калининград

**Формирование трудовых ресурсов
Калининградской области в ходе
массового заселения в послевоенные годы**

На основе неизвестных ранее архивных документов характеризуются особенности формирования трудовых ресурсов Калининградской области в первые послевоенные годы и профессиональная квалификация первых переселенцев.

The author characterizes features of formation of a manpower of the Kaliningrad area in the first post-war years and professional qualification of the first new settlers on the basis of unknown archival documents.

Массовое заселение Калининградской области началось в августе 1946 г. в соответствии с постановлением Совета министров СССР № 1522 от 9 июля 1946 г., которое предусматривало переселение в августе-октябре 1946 г. на добровольных началах 12 тыс. семей колхозников из РСФСР и Белоруссии. К этому времени в крае уже проживали 84,5 тыс. советских граждан (не считая военнотружеников и спецконтингентов), среди которых преобладали демобилизованные солдаты и офицеры Красной армии, а также оседавшие в бывшей Восточной Пруссии на постоянное жительство советские репатрианты из Германии. Одновременно летом 1946 г. различные министерства и ведомства стали направлять на предприятия области группы рабочих и ИТР; вербовка рабочей силы осуществлялась уполномоченными Министерства трудовых резервов, крупные калининградские предприятия вели самостоятельный поиск квалифицированных кадров, рассылая своих вербовщиков по всей стране. Наиболее интенсивно население области пополнялось

в 1946—1948 гг., к началу 1950-х гг. оно превысило полумиллионный рубеж [1, с. 82—88].

Состав калининградских переселенцев можно реконструировать по материалам регистрации граждан при въезде и выезде с территории области, которая проводилась с 1947 г. [табл. 1 сост. по материалам: 2, оп. 11, д. 590, л. 68—70 об., 73—73 об.; д. 701, л. 49—52 об.; 3, ф. 181, оп. 3, д. 4, л. 5—10 об.; оп. 5, д. 2, л. 3—4 об., 6—7 об., 12—13 об.; д. 7, л. 4—10].

Таблица 1

Распределение переселенцев 1947—1950 гг. в зависимости от места выхода, тыс. чел.

Республики	Прибыли	Выбыли	Прирост	Удельный вес республик в приросте (%)
РСФСР (без учета внутриобластного движения)	253,3	79,2	174,1	70,0
Белоруссия	35,2	7,6	27,6	11,1
Украина	29,2	11,7	17,6	7,0
Республики Прибалтики	24,1	11,6	12,4	5,0
Остальные республики СССР	50,0	32,9	17,2	6,9
<i>Всего</i>	391,8	143,0	248,9	100,0

Основу населения области составили выходцы из России. Помимо них, следует отметить еще три региона — Белоруссию (11 %), Украину (7 %) и Прибалтику (5 %), причем переселенцы из последнего — это в основном жители Литвы.

Состояние источников не позволяет дать исчерпывающий ответ на вопрос о профессиональной подготовке и квалификации переселенцев трудоспособного возраста — эти данные не фиксировались переселенческими органами. Некоторое представление можно составить только об уровне образования новых жителей края. На основе сохранившихся в областном ар-

хиве 288 анкет-заявлений глав семей переселенцев 1947 г. (около 3 % всех семей, прибывших в сельскую местность за год) М. Г. Шендерюк рассчитала уровень образования новоселов, который оказался довольно низким. Две трети из них (66,3 %) окончили от одного до четырех классов начальной школы или были вообще неграмотными, за плечами еще 27,4 % было пять-восемь классов, среднее образование имели 16 человек (5,5 %), по одному человеку окончили техникум и институт [4, с. 180].

В настоящей статье делается попытка охарактеризовать профессиональную квалификацию первых прибывших в Калининградскую область переселенцев на основе фрагментарно сохранившихся в архивах свидетельств, касающихся самых разных отраслей экономики и отдельных предприятий.

В соответствии с правительственными постановлениями в бывшую Восточную Пруссию должны были направляться наиболее квалифицированные специалисты, передовые рабочие, «лучшие колхозники, имеющие наибольшую выработку трудодней»; переселенческие органы обязаны были отбирать семьи, имеющие в своем составе не менее двух трудоспособных членов и т. д. [3, ф. 183, оп. 5, д. 1, л. 9—14]. Реальное положение оказалось очень далеким от этой благостной картины.

Первая группа рабочих численностью в 55 человек, прибывшая на лесоповалы области еще в 1945 г., состояла из 41 женщины и 14 мужчин; с ними приехали еще и 73 ребенка. А в целом по тресту «Неманлес» среди завербованных оказалось «значительное количество не способных к физическому труду, как-то: инвалиды второй группы, многосемейные женщины с грудными детьми и женщины последнего периода беременности» [3, ф. 141, оп. 7, д. 8, л. 14 об.; д. 10, л. 8—8].

Из завербованных на крупнейшую в Калининграде верфь (завод № 820, бывший «Шихау», ныне «Янтарь») нескольких сотен рабочих только пятеро имели судостроительные специальности, а из принятых на работу в 1946 г. 3 594 человек «95 % в судостроительной промышленности никогда не работали». Руководители завода жаловались, что им приходится «с

трудом осваивать эти кадры и приспособливать их к работе». Начальниками отделов назначали людей, не имеющих даже среднего образования. В отчете завода за 1946 г. говорится, что среди завербованных «до 15 % случайных людей, прибывших с целью легкой наживы» [3, ф. 293, оп. 11, д. 9, л. 15, 45, 52—54].

Среди 5 тыс. рабочих, приехавших по вербовке из разных городов на предприятия целлюлозно-бумажной промышленности, также оказалось «значительное количество больных, инвалидов второй группы и т. п., требующих возвращения их на родину». В архивных делах имеются даже образцы справок, которые выдавались «возвращенцам». В них указывалось, что такой-то «направляется в Москву для дальнейшего следования к месту прежнего жительства как неправильно завербованный» или в связи с тем, что «отказался от какой-либо работы на наших предприятиях по состоянию здоровья» [3, ф. 140, оп. 7, д. 13, л. 1, 57—59]. Оборудование на целлюлозно-бумажных комбинатах использовалось не более чем на 25—30 % [5, ф. 17, оп. 122, д. 203, л. 46]. А тогда, когда оно все-таки использовалось, делалось это крайне неумело. Например, на ЦБК № 1 осенью 1945 г. были «по техническому недосмотру выведены из строя 2 паровых котла (из четырех) стоимостью по полтора миллиона каждый», а также сгорел варочный цех стоимостью 20 млн рублей. При этом во время пожара дежурный пожарник спал, и «его 15 минут будили от сна». В результате плановая себестоимость калининградской целлюлозы составляла 2400 руб. за тонну, тогда как ее средняя себестоимость по СССР не превышала 600 руб., т. е. была в четыре раза ниже [6, с. 75—76].

Регулярно выполнялся план вербовки рабочей силы на Калининградском вагоностроительном заводе, однако из вновь поступивших только 10 % имели рабочие специальности, а остальные никогда на заводах не работали. Не решало проблему кадров и привлечение к труду около 500 немцев, «в основном слабых физически женщин», не имевших к тому же производ-

ственной квалификации. В 1946 г. около половины работников завода были уволены как «непригодные и деклассированные» [6, с. 312—313].

В отчете Балтрыбтреста за 1945 г. прямо говорилось, что объединение, по сути, «не имеет ни одного рыбака из состава отечественной рабсилы» [6, с. 55]. Про специалистов, присланных в рыболовецкие хозяйства, в докладной записке управляющего трестом сказано: «...завербованные в 1946 г. 201 рыбак являются в значительном своем большинстве рабочими, набранными в районах рыболовства в Астрахани и Ростове, но отнюдь не рыбаками» [3, ф. 225, оп. 7, д. 129, л. 2]. Такой «засланный производственный балласт» в тресте вынуждены были использовать на вспомогательных работах, что существенно снижало производственные показатели по добыче [6, с. 196].

В направленной в обком справке о невыполнении плана по улову рыбы за 1947 г. (план был выполнен всего на 58,7%) одной из главных указана следующая причина: «Отсутствие технического знания и элементарных правил судовождения (например, неумение пользоваться компасом) капитанами и механиками приводит к частым поломкам и вынужденным простоям на мели и у причала» [7, ф. 1, оп. 1, д. 136, л. 43, 49].

В 1947 г. Министерство связи направило в область вместо высококвалифицированных специалистов 160 выпускников школ фабрично-заводского обучения, которых, как скоро убедились в Калининграде, «можно было использовать только как почтальонов» [3, ф. 514, оп. 1, д. 4, л. 13]. Вообще, молодежь в возрасте до 25 лет составляла среди рабочих некоторых отраслей около двух третей от общего числа работающих [3, ф. 181, оп. 12, д. 238, л. 1—60]. А в целом половозрастной состав рабочих и служащих, занятых в промышленности, строительстве, на транспорте, в сфере обслуживания, а также в совхозах всех типов, выглядел следующим образом [табл. 2 сост. по материалам: 3, ф. 181, оп. 17с, д. 37, л. 20—21 об.]:

Таблица 2

**Распределение рабочих и служащих по полу и возрасту
на 1 августа 1951 г.**

Возраст, лет	Мужчины		Женщины		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
14—19	9 013	12,7	6 899	9,6	15 912	11,2
20—35	38 667	54,4	48 083	67,2	86 750	60,8
36—49	16 813	23,6	13 030	18,3	29 843	20,9
50 и старше	6 574	9,3	3 520	4,9	10 094	7,1
<i>Всего</i>	71 067	100	71 532	100	142 599	100

Из приведенных в таблице 2 цифр видно, что молодые люди в возрасте с 14 до 35 лет составляли 72% рабочих и служащих, и именно в возрастной группе от 20 до 35 лет женщины преобладали над мужчинами (соотношение 55: 45).

Цифры, характеризующие половозрастную структуру рабочих и служащих, интересно сравнить с данными по составу всего сельского населения, полученными на основе учета хозяйственных книг [табл. 3 сост. по материалам: 3, ф. 181, оп. 7, д. 4, л. 20—20 об.].

Таблица 3

**Распределение сельского населения Калининградской области
по полу и возрасту на 1 января 1951 г.**

Возраст, лет	Мужчины		Женщины		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
0—17	43 246	50,3	43 216	39,6	86 462	44,3
18—29	17 329	20,1	28 136	25,8	45 465	23,3
30—39	9 410	10,9	13 453	12,3	22 863	11,7
40—49	8 834	10,3	13 374	12,2	22 208	11,4
50—59	5 253	6,1	7 228	6,6	12 481	6,4
60 и старше	1 935	2,3	3 806	3,5	5 741	2,9
<i>Всего</i>	86 007	100	109 213	100	195 220	100

Как нетрудно заметить, распределение работников сельского хозяйства по возрастным группам было более сбалансированным, а соотношение мужчин и женщин в трудоспособном возрасте (18—59 лет) составляло 40:60.

Формирование трудовых ресурсов в 1940-е — начале 1950-х гг. осложнялось текучестью кадров, которая приобретала угрожающие размеры. За первые восемь месяцев 1947 г. на предприятия Калининграда были приняты 6 269 чел., а уволены 5 708 чел., т.е. 91 % [7, ф. 1, оп. 1, д. 45, л. 140]. Общая нехватка работников по различным отраслям в 1947 г. составляла от одной трети до половины требуемого персонала [3, ф. 180, оп. 1, д. 14, л. 8]. Согласно данным облстата, в 1953 г. среди рабочих промышленности, строительства и совхозов более половины имели менее двух лет непрерывного трудового стажа [3, ф. 181, оп. 12, д. 238, л. 62 об. — 90 об.].

Похожим было положение с кадрами во всех отраслях экономики и госучреждениях: 20 % простоя техники объяснялось неопытностью механиков; счетоводы, «не связанные в прошлом с бухгалтерской работой», требовали «ежедневного и ежеминутного контроля»; среди следователей не было ни одного на всю область, «который мог бы отвечать самым элементарным требованиям своего назначения», а половина вообще никогда не работала в органах прокуратуры [6, с. 144, 194].

В документах областного политотдела отмечалось, что в калининградские села «под видом колхозников приехали все кто хочешь, но только не колхозники: тут и юристы, и врачи, и музыканты, и техники, и учителя» [7, ф. 121, оп. 1, д. 7, л. 51—51 об.]. В отчете переселенческого отдела за 1951 г. говорится, что среди завербованных колхозников было выявлено «сапожников — 641, электриков — 325, токарей — 230, учителей — 203, поваров — 201, портных — 198, пекарей — 175, работников железнодорожного транспорта — 233, торговых работников — 115, медицинских работников — 73, журналистов и газетных работников — 22, а также [несколько] парикмахеров, художников, экономистов-плановиков, шахтеров, фото-

графов, часовых мастеров, музыкантов, артистов и ряд других» [3, ф. 183, оп. 5, д. 136, л. 38.].

Вот описание одного из таких типичных случаев: «Р-й Т. А., до переселения одиночка, работавшая портнихой в артели «Заря» Туровского района Гомельской области, чтобы переселиться в Калининградскую область, приписала в переселенческий билет дальнюю родственницу, работавшую до этого няней в чужой семье. На полученное денежное пособие гражданка Р-й купила себе швейную машинку, к работе в колхозе не приступала, а занималась шитьем на дому, и когда ей это было запрещено и предложено приступить к колхозной работе, самовольно выехала из колхоза, оставив в колхозе на произвол судьбы без средств свою родственницу, которой едва минуло 16 лет» [3, ф. 183, оп. 5, д. 154, л. 51].

Смена местности проживания и профессиональных занятий стала, пожалуй, одной из самых характерных черт калининградских новоселов.

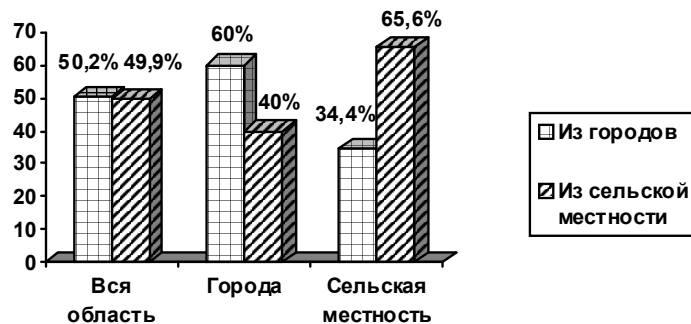

Рис. 1. Распределение переселенцев 1947—1950 гг. в зависимости от городской или сельской местности выхода

Как видно из диаграммы 1 [сост. по: 2, ф. 374, оп. 11, д. 477, л. 1; д. 590, л. 1; д. 701, л. 1; 3, ф. 181, оп. 3, д. 4, л. 2—4; оп. 5,

д. 2, л. 2, 5, 8, 11; д. 7, л. 2—5 об.], население Калининградской области формировалось при равном участии горожан и селян. Однако свыше трети переселенцев составили выходцы из социально-профессиональных слоев, которые радикально меняли характер труда и свой образ жизни. Образно говоря, калининградские города на 40 % «окрестьянились», что более или менее соответствовало общей тенденции развития миграции по направлению село — город. А вот калининградская деревня оказалась явлением уникальным в масштабах всей страны. Вхождение в состав сельского населения свыше одной трети горожан, не знакомых с сельским хозяйством, породило специфические проблемы, которые долгое время давали о себе знать.

Кроме того, важно отметить, что с самого начала среди жителей области горожане существенно преобладали над селянами — на 1 января 1947 г. их соотношение составляло 57:43 (177,8 и 133,2 тыс. человек), тогда как городское и сельское население РСФСР соотносилось в 1946—1947 гг. как 42:58. В дальнейшем этот разрыв только увеличивался: на 1 января 1950 г. соотношение городского и сельского населения составляло уже 59:41 (273,9 и 193,5 тыс. чел.) [2, ф. 374, оп. 11, д. 416, л. 32—33; д. 952, л. 94.]. Между тем в России так называемый «урбанизационный переход» (доля горожан превысила порог в 50 %) произошел только в 1958 г., а в целом по СССР еще три года спустя [8, с. 155].

Местные руководители все время жаловались, что многие переселенцы пробираются в область «в целях наживы, стремления к обогащению», что присылают руководителей, «провалившихся в других местах», что среди новоселов много «любителей легкой жизни», «проходимцев и авантюристов», «пьяниц», «судимых или скрывшихся от суда», «рваческих и спекулянтских элементов» [7, ф. 1, оп. 2, д. 44, л. 40, 60, 62, 65, 71 и др.].

При характеристике трудовых ресурсов новой российской области нельзя забывать о том, что в течение первых полу-

тора-двух лет после окончания войны основу рабочей силы края составляли военнопленные и гражданские немцы, а также заключенные. При многих крупных промышленных предприятиях открывались лагерные пункты для пленных и исправительно-трудовые колонии с осужденными советскими гражданами. Возможность использования этой бесплатной рабочей силы до некоторой степени развращала руководителей предприятий, так как, по словам первого секретаря обкома В. В. Щербакова, давала им возможность «не утруждать себя заботой о рабочей силе, избаловала их». Когда в область стало прибывать все большее число советских людей, эти хозяйственники продолжали «хныкать»: «Давайте военнопленных, давайте заключенных, как же вы выселяете немцев, с чем же мы останемся?» [7, ф. 1, оп. 1, д. 2, л. 51]. Наряду с депортацией немцев в 1947—1948 гг. еще один удар по экономике края был нанесен массовой амнистией заключенных после смерти Сталина в 1953 г.

К числу важнейших аспектов формирования трудовых ресурсов Калининградской области относится проблема «обратничества», характеризующая степень закрепляемости переселенцев на новом месте жительства, которая из года в год снижалась, и в конце 1950-х гг. величина миграционного прироста стала отрицательной. В 1946—1958 гг. в область прибыли 1 млн 286 тыс. человек, а выбыли 820 тыс., т. е. за пределы области выехали почти 2/3 от числа приехавших. По сути дела, в течение более чем десяти лет в области не было постоянного населения, жизнь в крае обеспечивалась за счет «вахтенного метода», а население, условно говоря, сменилось три раза. Такая ротация, безусловно, формировала своеобразную психологию. В ее основе было чувство временности пребывания на этой земле, что в какой-то степени закрепились в менталитете калининградцев [9, с. 211—219].

Общий баланс трудовых ресурсов области к 1956 г. представлен в таблице 4 [сост. по материалам: 3, ф. 181, оп. 17, д. 70, л. 2].

Таблица 4

Распределение трудовых ресурсов области по сферам занятости на 1 января 1956 г., тыс. чел.

Место жительства	Рабочие и служащие госпредприятий и совхозов	Колхозники и кооперированные кустари	Единоличники	Учащиеся от 16 лет и старше	Занятые в домашнем и подсобном хозяйстве	Всего
Город	144,7	2,2	0,5	15,3	82,6	245,3
Село	44,3	27,5	—	2,3	56,8	130,9
<i>Всего</i>	189,0	29,7	0,5	17,6	139,4	376,2

Приведенные в таблице 4 данные весьма существенно отличаются от общесоюзных показателей. Согласно всесоюзной переписи 1959 г., в общественном хозяйстве и учебой было занято 82 % населения страны трудоспособного возраста, а 18 % занимались домашним и индивидуальным частным хозяйством [10, с. 480]. В Калининградской области доля последних была в два раза выше и составляла 37 %.

Представленный в статье обзор архивных материалов не претендует на исчерпывающую характеристику уровня профессиональной подготовки первых калининградских переселенцев. Однако приведенные факты позволяют более объективно взглянуть на итоги заселения области в послевоенные годы и более реалистично оценить качество полученных областью трудовых ресурсов.

Список источников и литературы

1. *Костяшов Ю. В.* Заселение Калининградской области после Второй мировой войны // Гуманитарная наука в России. М., 1998. Т. 2.

2. *Государственный архив Российской Федерации. Ф. 374.*
3. *Государственный архив Калининградской области.*
4. *Шендерюк М. Г. Социальный портрет переселенца // Калининградские архивы. Калининград, 1998. Вып. 1.*
5. *Российский государственный архив социально-политической истории.*
6. *В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 — июнь 1947) / Сост. В. Н. Маслов. Калининград, 2004.*
7. *Государственный архив новейшей истории Калининградской области.*
8. *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2002.*
9. *Костяшов Ю. В. Обратничество в процессе заселения Калининградской области в послевоенные годы // Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005.*
10. *Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.*

Научное издание

**МИГРАЦИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
СТРАН РЕГИОНА БАЛТИЙСКОГО МОРЯ**

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Под редакцией Л. Л. Емельяновой, Г. М. Федорова

Редакторы Н. Н. Мартынюк, Л. Г. Ванцева
Корректоры Н. Н. Николаева, Е. В. Владимирова
Оригинал-макет подготовлен Г. И. Винокуровой

Подписано в печать 12.08.2008 г.

Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Гарнитура «Таймс». Ризограф. Усл. печ. л. 22,9. Уч.-изд. л. 20,8.

Тираж 300 экз. Заказ 135.

Издательство Российского государственного университета им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14